
A. D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА


THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СТАТЬИ

Н. В. БЕРГА

о

ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ

1861 — 1863 г.

I. Первые два года послѣдняго польскаго движенія (до сентября 1862 г.).

II. Краковъ и мои въ немъ похожденія. (1863 — 1864 г.).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

(изъ 1, 2 и 3 №№ «Библіотеки для чтенія» 1864.)

1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. Марта 31 дня 1865 г.

Заглавіе и обертка печатаны въ типографіи Э. **Арнгольда**.

ПЕРВЫЕ ДВА ГОДА ПОСЛѢДНЯГО

ПОЛЬСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

Нѣсколько вступительныхъ замѣчаній о Россіи и Польшѣ. — Русскіе не измѣнили польской народности въ Царствѣ.—Переломы въ нашемъ управленіи Польшею. — О намѣстникѣ князѣ Горчаковѣ.—Первый пріѣздъ Государя Императора въ Варшаву въ 1856 году.—Восторженный пріемъ.—Рѣчи Государя Императора, сказанныя 11 и 15 мая.—Произведенное ими впечатлѣніе.—Варшавскія увеселенія.—Пароходство по Вислѣ графа Замойскаго.—Второй пріѣздъ Государя Императора.—Ожиданіе реформъ и увеселенія.—Открытіе Земледѣльческаго Общества въ 1858.—Пріѣздъ Государя Императора и балы.—Польская аристократія начинаетъ скрываться.—Появленіе фельетоновъ Минишевскаго.—Надежды поляковъ при итальянской войнѣ.—О Мирославскомъ.—Польскія партіи въ эмиграціи.—Чарторижскій и Лелевель.—Сыновья Чарторижскаго.—Мирославскій и Лангевичъ въ генуэзской школѣ.—Пріѣздъ Государя Императора въ Варшаву въ 1859 г.—Значеніе сирійскихъ событій въ польскомъ движеніи.—Манифестаціи противъ австрійскаго императора и прусскаго принца регента.—Первые плакаты въ 1861 г.—Коця-музыка графу Урусскому, г-жѣ Кучинской и проч.—Празднованіе гроховской годовщины.—Происшествіе на Старомъ мѣстѣ.—Оберъ-полицмейстеръ г. Треповъ.—Разсѣяніе процессіи 15 февраля.—Генералъ Заболоцкій.—Похоронная процессія.—Сцена въ земледѣльческомъ обществѣ.—Бросанье камнями въ войско и залпы.—Пять офяръ.—Сцены въ клубѣ «ресурса».—Кто собирался въ немъ.—Делегація къ Намѣстнику.—Разговоръ князя Горчакова съ Гишпанскимъ.—Новый оберъ-полицеймейстеръ и народо́вая стража.—Объявленія князя Горчакова и делегатовъ.—Похороны пяти жертвъ.—Письмо Фіалковскаго о траурѣ и приказъ делегаціи.—Комитетъ, знаки, гимны, квеста и пр. Роль Евреевъ въ польскихъ возстаніяхъ и пожертвованія ихъ.—Перенесеніе делегаціи въ ратушу и начало центральнаго комитета.—Адресъ аристократіи и умѣренныхъ и отвѣтъ на него.—Молчаніе аристократіи.—Революціонное броженіе.—Маркизъ Вѣлопольскій.—Его процессы съ дядею, съ Свидинскими и пр.—Характеръ маркиза.—Неудача его адреса.—Отношенія его къ графу Замойскому и къ земледѣльческому обществу.

Вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, два народа обширнаго славянскаго племени выдвинулись впередъ изъ всѣхъ другихъ, переросли всѣ другіе — и борются между собою нѣсколько вѣковъ сряду. Эта любопытная борьба, къ сожалѣнію, не была еще никогда разсмотрѣна безпристрастно и просто, выложена, что называется, какъ на ладони, по-

тому что для нея нѣтъ пока соотвѣственныхъ историковъ, съ надлежащей, гармонической обстановкой дѣла. А историкомъ здѣсь можетъ-быть только полякъ, или русскій. Другіе тутъ почти ничего не смыслятъ. Славянская грамота вообще крѣпко мудрена и чужимъ не дается. Тутъ не спасетъ даже и геній Карлейля, проницающій повидимому все. Охватить одну русскую обломовщину съ ея безконечными развѣтвленіями есть нѣчто... почти недостижимое. Наша обломовщина — это страшный, особый міръ. Она играетъ видную роль во всей нашей исторіи, входитъ во всѣ условія нашей жизни, таится во всѣхъ ея мышиныхъ норкахъ, прикрытая разными разностями и какъ будто не видная; а иногда лежитъ, безъ церемоніи, въ необъятныхъ ворохахъ. Безъ нея рѣшительно ничто не понятно въ русской жизни. Она же, эта же обломовщина (въ соединеніи, конечно, со многими другими обстоятельствами) пожалуй причиною того, что мы такъ долго боремся съ поляками и не знаемъ, когда будетъ этому конецъ. Между-тѣмъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что мы бы могли жить другъ съ другомъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ насъ нѣтъ прирожденной, неизлѣчимой заразы взаимнаго ненавидѣнія другъ друга. Это сочинилось, точно, но въ насъ, внутри, этого нѣтъ. Мы похожи другъ на друга во многомъ; по крайней-мѣрѣ можно положительно сказать, что для русскаго нѣтъ никого на свѣтѣ ближе поляка, а для поляка нѣтъ никого ближе русскаго. Отчего жь это мы бьемся, даже «*окропно мордуемъ*» одинъ другаго и нѣтъ ничего легче, какъ напустить русскаго на поляка и, обратно, поляка на русскаго, или имъ самимъ напуститься другъ на друга? А нѣмецъ, какой-нибудь прусакъ, или даже австріецъ, считаемый обыкновенно самымъ послѣднимъ нѣмцемъ Германіи (хоть это и не такъ) давно нашли тайну поладить съ поляками, — нѣмцы, которые въ отношеніи всякаго славянина тоже, что альфа въ отношеніи къ омегѣ, эти — два противуположные полюса, а мы, ближайшіе, бьемся?... Отчего это? О, это очень сложный вопросъ первой мудрости. Его разрѣшитъ развѣ когда-нибудь русскій, или польскій Маколей, а мы скажемъ пока то, что знаемъ и думаемъ.

Я начну съ себя, хотя мы, какъ государство, родились гораздо позже.

Необходимо подняться именно къ этому чрезвычайному моменту нашей исторіи, къ тому полубаснословному милому человѣку Гостомыслу, который, ровно за тысячу лѣтъ до Ивана Александровича Гончарова, разгадалъ всю пучину русской обломовщины и, такъ ли не такъ ли, былъ первымъ поводомъ, что Россія стала Россіей, то есть огромнымъ и притомъ единственнымъ славянскимъ государствомъ (изъ образованныхъ и входящихъ въ серьозныя столкновенія съ Европой), которая управляется своимъ собственнымъ, независимымъ государемъ.

Это было величайшее и оригинальнѣйшее изъ дѣлъ всемірной исто-

ріи. Надо замѣтить, что нѣтъ ничего мудренѣе, какъ славянскому народу сплотиться въ государство, даже просто кучѣ славянъ составить добрую и прочную артель. Это совсѣмъ не наше дѣло. У насъ все есть, что есть у другихъ порядочныхъ народовъ земнаго шара: ноги, руки, голова, всякіе божіи таланты; мы можемъ рождать Апеллесовъ, Фидіевъ... даже въ добрый-часъ, можетъ-быть, хватимъ до Шекспира, но у славянъ вообще нѣтъ той мудреной *смазки*, какою смазывается общество, артель, государство; той смазки, которой такъ много у нѣмцевъ и кой у кого еще изъ путныхъ народовъ Европы. Вотъ этого-то у большинства славянъ и нѣтъ, что хотите! Чтобы смазывать машину, называемую государствомъ, необходимо терпѣніе, добросовѣстность, извѣстный политическій тактъ, осторожность, осмотрительность... у насъ нѣтъ ни перваго, ни другаго, ни третьяго... Словомъ, у насъ нѣтъ смазки для государства. Этимъ хромаютъ болѣе или менѣе всѣ славянскіе народы, собиравшіеся, вслѣдствіе разныхъ счастливыхъ обстоятельствъ, въ кучи, которыя управлялись иногда довольно долго своими вождями... но смазка была плоха; кучи распались, превратились въ чужихъ работниковъ, исчезли, цѣлые народы исчезли, или исчезаютъ, утопая въ нѣмецкихъ, или даже турецкихъ безднахъ. Осталась только одна *Россія* и еще *Польша* — самыя характерныя и, не смотря ни на что, самыя чистыя славянскія націи (я все-таки разумѣю *однихъ* образованныхъ). По крайней-мѣрѣ чище ихъ теперь нѣтъ. Были моменты, когда ихъ историческіе жребіи были равны... но у насъ, по особенному счастію, образовалось въ характерѣ болѣе сосредоточенности, извѣстнаго рода солидности; болѣе являлось Гостомысловъ—этихъ, можетъ, и чисто-русскихъ людей, но съ соображеніемъ и свойствами нѣмецкаго начальника артели, которому попала въ руки русская гулячая семья забулдыгъ и запивохъ, но такихъ, у кого отлично держится въ рукахъ и шило, и характерно визжитъ стягиваемый ремень. Гляди только за этимъ заправскій глазъ.

Воображаю, какъ сидѣлъ на своей дубовой лавкѣ первый *хозяинъ* такой забулдыжной артели, старшина Гостомыслъ, чувствуя, что та смазка, которою природа смазываетъ насъ грѣшныхъ, чтобы мы двигались по бѣлу свѣту, у него уже плоха и готова застынуть... не безъ внутренней дрожи подумалъ онъ объ оставляемой имъ, хоть и гулячей, но доброй артели, которую удалось ему сбить и сколотить, съ большимъ трудомъ, въ маленькую, но порядочную и богатую всякими благами землицу. Отчего-бы ей, этой землицѣ, не жить и не стоять дольше?.. не обогащаться и не расширяться?.. Подумалъ онъ о своихъ ребятахъ: стало ажно холодно. «Эхъ, братцы, проговорилъ онъ потомъ про себя: пропьете вы, прогуляете все, едва меня не станетъ! Точно, выходятъ и изъ васъ крѣпыши-скопидомы, сущіе нѣмцы по части смазки... но рѣд-

ко. Больше вѣтеръ и вздоръ. Пошлю-ка я по настоящихъ нѣмцевъ и сдамъ васъ имъ съ рукъ на руки: вѣрнѣе будетъ»—и онъ послалъ за тогдашними нѣмцами льдистаго сѣвера, варягами; они пришли и поддержали рождающуюся монархію.

Связь съ нѣмцами (которыхъ, какъ я уже сказалъ, Господь въ особенности благословилъ талантомъ держать въ порядкѣ всякую артель) не не прекращалась у насъ рѣшительно никогда. Тевтонская струя бѣжитъ сквозь всю нашу исторію и, нѣтъ сомнѣнія, сослужила Россіи свою добрую долю исторической службы. Были моменты, когда безъ нѣмцевъ мы бы могли пропасть, разбиться на части; а еслибъ были нѣмцами, а не мужичьемъ съ обломовской закваской, обратились бы въ германскую федерацію, и больше ничего,—въ сухую, черствую, нѣмецкую федерацію, подметенную какъ Дрезденъ; и не было бы этого удивительнаго царства въ треть земнаго шара, народа мудренаго, обломовскаго, нѣсколько безтолковаго, но все-таки удивительнаго и единственнаго, какого нѣтъ нигдѣ и какому есть возможность предсказывать самое необыкновенное будущее.

Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ Россіей, еслибъ Стенька Разинъ былъ напримѣръ австріецъ? А Пугачевъ не такой мужикъ и дубина! Вѣдь теперь бы въ «сихъ прекрасныхъ мѣстахъ» могла быть голштинуская каша и выплылъ бы на поверхности какой-нибудь принцъ Августенбургскій!... но и Разинъ, и Пугачевъ, и другіе имъ подобные ухари были простые русскіе мужики, которые съ утра до ночи парились въ банѣ, да бражничали—и Русь осталась цѣла, правда, не совсѣмъ русская Русь, но что дѣлать, другаго, *ненѣмецкаго* способа удержать въ порядкѣ такую махину не предвидѣлось. Чѣмъ дальше шло, тѣмъ становилось мудренѣе. Окончательный спаситель нашъ, Петръ-великій, принялъ бразды правленія въ крайне-критическое время. Не будь тогда его— карта Европы смотрѣла бы теперь иначе... Петръ, этотъ другой Гостомыслъ другаго столь же важнаго для насъ момента русской исторіи, имѣлъ отличное чутье въ отношеніи злокачественныхъ свойствъ, русскаго мужика, — этого сна, косности, равнодушія и грязи;—онъ увидѣлъ что нужно все встряхнуть и переломать, пустить государство по европейскимъ рельсамъ. Вспомнилъ онъ, или не вспомнилъ Гостомысла, ужь этого я не знаю, только кликнулъ новый кличъ къ «варягамъ» и напустилъ ихъ цѣлую араву, и вотъ пошли, черезъ нѣкоторое время, эти департаменты, канцеляріи, губернаторы, фельдмаршалы и просто нѣмцы, необходимые намъ какъ воздухъ. Русь окрѣпла, устроилась какъ надо быть, централизовалась,—повторяю—по-нѣмецки, не по-русски: что дѣлать, по своему, оригинально, мы бы не ступили въ сторону Европы еще лѣтъ двѣсти ни на шагъ; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія для того, кто знаетъ хо-

рошо русскаго человѣка. Есть мечтатели, которые говорятъ иное... но гдѣ же и въ какомъ мірѣ безъ мечтателей!

Окиньте взоромъ все, что есть у насъ путнаго, европейскаго, безъ чего не можетъ быть образованный человѣкъ,—все это у насъ, у всѣхъ славянскихъ народовъ, къ сожалѣнію, не наше, до самыхъ вздорныхъ мелочей. Славянинъ никогда ничего не выдумалъ и не открылъ. Онъ все перенималъ, или бралъ нахрапомъ. Въ насъ есть восточная косность и безтолковщина, въ иныхъ случаяхъ, такого рода, какой нѣтъ даже и у восточныхъ. Велите намъ собраться и потолковать о собственныхъ своихъ интересахъ — не соберемся и не потолкуемъ, пока не прикрикнетъ довольно дико какой-нибудь начальникъ, а иначе нельзя: такое племя. Когда же прикрикнетъ,—всѣ туже минуту насторожатъ уши и «надобно» станетъ настоящимъ «надобно»; а до тѣхъ поръ, пока не прикрикнетъ, или не напишутъ изъ департамента и «разнадобно» какъ будто ненадобно. Не прикажи начальство мостить города, вы думаете, мы его вымостимъ?.. А эта армія, что было-бы съ ней, еслибъ не было внутри ея устроено разныхъ разнѣмецкихъ механизмовъ. Вы думаете, это вздоръ: эти фельдфебели, рапорты, распеканія за ремешки; нѣтъ, это все великая мудрость, держащая эту другую, опасную махину въ порядкѣ и субординаціи, безъ нея же ничтоже бысть еже бысть.

А все это, увы, не наше. Теперь, перескочивъ черезъ разныя области этого огромнаго тѣла, возьмемъ (что намъ всего ближе) нашихъ русскихъ литераторовъ: отчего они, родясь и воспитываясь гдѣ-нибудь въ центрѣ Россіи, гдѣ шире горизонтъ, гдѣ русскій духъ и Русью пахнетъ—уѣзжаетъ работать въ Петербургъ? Отчего въ другихъ мѣстахъ, въ рыхлой серединѣ царства, какъ-то не работается; человѣкъ раскисаетъ и время его валитъ черезъ пень-колоду? Отчего? штука! Не будь у насъ нѣмецкаго, въ нѣкоторомъ родѣ, Петербурга... но я не могу безъ ужаса этого представить,—

Мнѣ докторомъ запрещена унылость —
Оставимъ это, сдѣлайте мнѣ милость!

И перейдемъ къ Польшѣ.

Въ сосѣдствѣ всѣхъ разнокалиберныхъ земель, которыя должны были, по переходѣ сквозь сложныя реторты исторіи, окраситься въ русскую сѣрую краску, подъ цвѣтъ петербургскаго неба, строилась наша историческая дружка—Польша. Ее подхватили на крылья совсѣмъ иныя судьбы. Тоже сообразивъ, что сама по себѣ ничего не сдѣлаетъ и не сочинитъ, она ударилась къ *своимъ нѣмцамъ*, къ латинамъ — и заимствовала отъ нихъ гораздо больше западу, чѣмъ мы отъ своихъ. Она получила като-

лическій оттѣнокъ и фанатизмъ Италіи и Испаніи. Въ разныя эпохи, окрѣпнувъ и сложившись въ огромное государство, она играла замѣтную роль въ Европѣ, но всегда была въ зависимости отъ папства. Это не дало ей вполнѣ оригинальнаго, собственнаго ходу. Вѣчно что-то внѣшнее, не свое, двигало судьбами Польши. Однакоже, не смотря на это, въ ихъ исторіи были самыя блистательныя, великолѣпныя минуты, и одна, страшная для насъ: Польша едва не поглотила Россію. Кромѣ самоотверженія народа, насъ спасло еще политическое безграмотство Сигизмунда III. Это наше историческое счастье. Впрочемъ, помогла и наша греческая вѣра, которая, внеся въ русскую жизнь извѣстную долю византійства, въ тоже время стала стѣною между нами и поляками и способствовала образованію въ насъ большой самостоятельности и оригинальсти.

Потомъ поляки начинаютъ кутить, кутить во всю ивановскую — во все свое государство, и прокучиваютъ его, бряцая саблями и заломивъ на бекрень свои конфедератки. Первый поводъ къ этому неслыханному историческому кутежу поданъ былъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, который женился не на принцессѣ крови, а на дочери частнаго человѣка, Радзивилла, и притомъ вдовѣ послѣ какого-то богатаго поляка. Барбара Радзивиллувна была женщина единственная, какихъ немного отпускаетъ Господь для украшенія вселенной, но все-таки народъ на нее косился и никакъ не могъ переварить мысли, что она, простая полька, станетъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, польской королевой. По этому поводу собирались сеймы въ городѣ Петрковѣ — разобрать это дѣло; выпито богъ-знаетъ сколько венгерскаго, и только третій сеймъ рѣшился надѣть на Барбару польскую корону... Сигизмундъ едва не отказался передъ тѣмъ отъ престола. Не зная потомъ во всю свою жизнь, чѣмъ и какъ отблагодарить своихъ подданныхъ за поблажку къ любимой женщинѣ, онъ далъ шляхтѣ разныя привиллегіи, которыя вмѣстѣ съ прежними, добытыми шляхтой у другихъ королей, составили такія преимущества дворянскаго сословія, что оно рѣшилось оградить эти права на вѣчныя времена и пришло къ мысли установить *veto*, *запретительный голосъ* для высшей власти, еслибы она хотѣла что-нибудь измѣнить въ правахъ шляхетства. Такъ объясняютъ происхожденіе этого роковаго для Польши veto, — «nie pozwolam», которое однако спало гдѣ-то подъ спудомъ, много лѣтъ. Первый употребилъ его депутатъ города Упиты (Ковенской губерніи) Сицинскій, на сеймѣ 1652 г., и былъ проклятъ своими соотечественниками. Говорятъ, по возвращеніи домой, онъ убитъ громомъ на порогѣ, и его трупъ, вслѣдствіе особенной игры случая, не подвергся гніенію, подобно ревельскому Дюку-де-Круа, и нѣсколько лѣтъ былъ знаменитостью Упиты.

Съ того времени шляхта забрала власть на сеймахъ и «*szlachic na*

Zagrodzie stal równym wojewodzie», какъ говоритъ пословица. Возникли безпорядки, ослабившіе Польшу и передавшіе ее наконецъ въ чужія руки...

Почти такая же громадина, какъ наша Русь, она распалась; куски подобрали сосѣди: Пруссія, Австрія и мы. Все это было, исторически, очень натурально.

Настоящіе нѣмцы распорядились своимъ добромъ чисто по-нѣмецки, то-есть стали передѣлывать поляковъ въ себя. Такая работа требовала конечно и необыкновенной нравственной силы, соединенной съ образованіемъ, и невѣроятнаго нѣмецкаго терпѣнія. Должно было создать планъ и слѣдовать ему въ точности; развѣшивать все на аптекарскихъ вѣсахъ; въ опасныя минуты, при какомъ нибудь сосѣднемъ движеніи, распускать возжи; въ безопасныя подбирать и принатягивать крѣпче и крѣпче, но тихо, незамѣтно, черезъ часъ по ложкѣ. Дьявольская, нечеловѣческая — нѣмецкая работа!

Это такъ и дѣлалось. Галиційскіе поляки стали перемѣнять цвѣтъ и характеръ. У нихъ полекъ начали выростать нѣмецкія руки и ноги, о которыхъ остроумный Гейне держитъ, какъ извѣстно, особую рѣчь въ своихъ запискахъ о Дюссельдорфѣ.

Пруссія въ этомъ случаѣ перещеголяла свою сосѣдку Австрію, потому что въ Пруссіи больше нѣмецкаго стоицизма и обще - германской суровости. Австрія, возившаяся спокопъ-вѣку съ разной пестротой и кашей составляющихъ ее племенъ, всѣхъ радужныхъ оттѣнковъ, не могла не взять отъ нихъ болѣе игры въ характерѣ и не сдѣлаться менѣе деревянною, чѣмъ Пруссія.

Не то было съ русскою Польшей. Оставаясь все-таки славянскимъ народомъ, который, какъ государство, явился гораздо позже, нежели Польша, а потому значительно не превосходилъ ее просвѣщеніемъ— мы не могли ни коимъ образомъ сдѣлать съ поляками того же, что сдѣлали нѣмцы. Еслибъ даже мы и были несравненно образованнѣе и въ нѣсколько кратъ нравственно сильнѣе поляковъ, все-таки мы слишкомъ Обломовы и слишкомъ добры (въ десятилѣтней сложности) для такой жестокосистематической работы, какъ медленное поглощеніе племени племенемъ. Поляки остались у насъ поляками, и польки остались польками. Кто хочетъ видѣть настоящую, завзятую польку, со всѣми ея несравненными прелестями, и можетъ-быть, также единственными въ своемъ родѣ недостатками — тотъ поѣзжай въ Варшаву. Кто не видывалъ, какъ танцуется типическая польская мазурка, опять-таки поѣзжай въ Варшаву и ступай въ большой театръ, когда тамъ даютъ Wesele w Ojcowie [1])».

[1]) Нашъ многоуважаемый сотрудникъ уже не въ первый разъ приводитъ доказательства народнаго сродства русскихъ и поляковъ, и въ особенности доказательства эстети

Нельзя не прибавить, что тутъ имѣетъ свое значеніе и *Варшава, столица королевства*, и самое это «королевство», хоть поляки и зовутъ его конгрессувкой, то-есть конгрессовое, устроенное конгрессомъ королевство. Не будь его,—тогда бы музыка была иная и полякамъ нечего было бы называть даже и *конгрессувкой*. Конгрессувка и Варшава сыграли и играютъ для нихъ весьма серьозную роль.

Такъ-ли, не такъ-ли, поляки остались у насъ поляками и для управленія ими необходимо было придумать какую-либо методу.

Производившіеся въ разныя времена различные опыты приводили уже не разъ, (особенно въ тридцатыхъ годахъ) русскихъ людей къ заключенію, что мы не можемъ управлять Польшей иначе, какъ военной системой! Тогда въ «конгрессувкѣ» воцаряется нѣкоторое спокойствіе; не бударажится ни Литва, ни Волынь; нѣтъ ни жалóбъ [1]), ни жáлобъ (по крайней-мѣрѣ громко); идутъ балы, театры; танцуются единственныя польскія мазурки; сочиняются хорошіе стихи, оперы... все какъ надо.

Но едва пораспустили—и все полетѣло къ чорту! Съ конгрессувкой, что называется, уже не сообразишь. Ѣздившіе на оффиціальные балы, очень смирные на видъ и милые помѣщики, такъ улыбавшіеся наканунѣ многимъ русскимъ лицамъ въ театрѣ, и дружески кивавшіе головою, вдругъ отшатнулись; вы ихъ не узнаете; они шепчутся между собою; даже изящныя личики иныхъ аристократокъ передернуло за ночь, такъ что онѣ глядятъ уже какими-то Маратами; самая мягкая напоминаетъ Шарлоту Кордай, — въ этомъ маленькомъ, миломъ чепчикѣ, съ сыплющейся изъ-подъ него массой густыхъ волосъ... Другія смахиваютъ на испанокъ при осадѣ Саррагоссы—знаете картину: надъ пушкой, съ фитилемъ въ рукѣ...

Но опять свѣсились русскіе штыки... дымъ... выстрѣлы... повтореніе кровавыхъ задовъ. Въ королевскій замокъ въѣзжаетъ Суворовъ, Паскевичъ, — и снова воцаряется спокойствіе. Балы, живыя картины; Шарлотты-Кордай премило пляшутъ; онѣ такія плясуньи... гремитъ музыка и даже бываетъ очень хорошо и весело—до новой катастрофы.

Само собою разумѣется, что друзья человѣчества смотрѣли на такое управленіе огромнымъ и богатымъ краемъ, какъ на болѣзнь, какъ на перемежающуюся лихорадку: сегодня жаръ, ознобъ, чортъ-знаетъ что; а завтра — говоритъ и глядитъ на всѣхъ, какъ надо. Они размышляли: неужели жъ нельзя иначе? Какъ-нибудь мягче,

---

ческія. Что мудренаго въ томъ, что латины и нѣмцы не поняли этихъ сопоставленій и «Temps» сочла нужнымъ распространяться о русскомъ варварствѣ. Но какъ же московскіе патріоты, если они не доктринеры, могли выказать такое же нѣмецкое пониманіе? *Ред.*

[1]) Жалóба (żałoba) по-польски трауръ.

кротко, симпатіей? Инымъ изъ русскихъ, не знающихъ хорошо поляковъ, приходило на мысль: «что, отдѣлить бы что ли эту проклятую Польшу! Дать ей автономію, войско и раскланяться съ ней: живи-молъ, какъ знаешь!» Конечно, этимъ чудакамъ воображалось что поляки удовольствовались отдѣленною только *конгрессувкою*, но тамъ для поляка для поляка нѣтъ «ни неба, ни воды, ни земли — зыбь одна поднебесная» какъ выражается купецъ Садовскаго объ островѣ Еленѣ, куда преполагалось заточить Корсика-Наполеона.... всякій, знающій поляковъ, никогда этого не вообразитъ. *Поляки не возьмутъ конгрессувки*, а если и возьмутъ, что сію же минуту полѣзутъ дальше и польется прежняя кровь. Но они *не возьмутъ*, говорю я вамъ, потому, что они — поляки, то-есть народъ взбалмошный, лишенный политическаго соображенія и такта: они гораздо раньше, нежели вы имъ успѣете дать хоть что-нибудь, испортятъ все дѣло самыми необыкновенными требованіями и фантазіями, закричатъ о Волыни, Смоленскѣ, Черномъ морѣ; повѣрятъ неслыханнымъ нелѣпостямъ и принудятъ стать въ оборонительную позу всякаго русскаго, кто и не думалъ съ ними драться.

Что до массы русскихъ людей всякаго разбора — помѣщиковъ, военныхъ, купцовъ и чиновниковъ, Польша представляется имъ чѣмъ-то въ родѣ Кавказа, практикой для арміи, мѣстомъ, гдѣ Россіи пускаютъ кровь... и видно ужь такъ Богу угодно; такое ужь наше несчастіе; связалъ Господь съ какими-то поляками, ни тпру, ни ну! Не бить нельзя, да и пустить нельзя.

Такъ дѣла шли и валили черезъ-пень-колоду. Польша наконецъ немного устала, не смотря на свою дьявольскую энергію. «Все кровь да кровь; повтореніе одного и того же... Литва, Волынь, Бѣлая Русь—все это вздоръ, нелѣпость... по крайней - мѣрѣ ничего этого не дадутъ; а конгрессувка—одна—объ, ней и хлопотать не стоитъ!» Такъ размышляла небольшая кучка польскихъ аристократическихъ патріотовъ, живущихъ преимущественно въ Варшавѣ, болѣе стариковъ, чѣмъ молодыхъ, стариковъ, разумѣется, въ свое время заядлыхъ и взбалмошныхъ какъ и всѣ; готовыхъ ради своего отечества на какую угодно штуку... но тутъ уже угомонившихся, насмотрѣвшихся на свой пай всякихъ разныхъ охлаждающихъ исторій. Ихъ мысли стали строиться на другой ладъ.

«Нельзя ли намъ (подумывали они иногда) какъ-нибудь сойтиться съ Русью? Сойтиться получше и попрочнѣе, чѣмъ теперь?»...... и вдругъ внутренняя буря закипѣла опять; кровь била въ голову; сѣдой волосъ подымался, ерошился... «да нѣтъ, нельзя! ничего не сдѣлаешь! Все это будетъ кровь да кровь, и больше ничего!... Вѣдь время жъ работаетъ для всѣхъ одинаково; неужели жъ оно стоитъ только для однихъ насъ

съ Россіей на точкѣ замерзенія? Неужели жъ завтра не можетъ хватить другой лучъ?... но биться—это невозможно!»

Такъ думалъ когда-то князь Адамъ Чарторыжскій, близкій человѣкъ къ императору Александру I. Думалъ и еще кое-кто. Думалъ даже и не аристократъ, другой Адамъ—Мицкевичъ.

Въ недавнее время думали такъ многіе въ Варшавѣ изъ живущихъ тамъ поляковъ умѣренной партіи. Въ такомъ раздумьѣ и бесѣдахъ засталъ ихъ Севастополь... потомъ громы утихли; не стало Паскевича, его мѣсто занялъ Горчаковъ, бывшій нѣкогда генералъ-губернаторомъ Варшавы и знакомый ей какъ нельзя лучше.

Это былъ человѣкъ честный, человѣкъ добрый, безъ особенно сильной воли.

Конечно, возжи, натянутыя Паскевичемъ, были мгновенно ослаблены. Всѣ встрепенулись—и *лихорадочный пароксизмъ* могъ повториться снова. Подъ землей пробѣжалъ минный гулъ. Изъ норъ показались мыши.... но имъ пришлось тогда же юркнуть назадъ: воздухъ не имѣлъ *того* знакомаго имъ запаха, того раздражающаго нервы электричества; что-то въ немъ перемѣнилось; грозились какіе-то остерегающіе пальцы: надо было погодить....

Во всѣ пароксизмы, которые бывали когда-либо съ Польшей, народъ постоянно соображался съ настроеніемъ аристократической партіи, хотя имѣлъ своихъ собственныхъ демагоговъ. Аристократическая партія была постоянно—денежная сила. Она подавалась обыкновенно въ туже сторону очень скоро. Но на этотъ разъ аристократы молчали. Имъ хотѣлось попробовать сойтиться съ новымъ правительствомъ, на возможно-выгодныхъ условіяхъ, Броситься на встрѣчу новаго Монарха со всею преданностію, со всѣмъ бурнымъ стремленіемъ славянской души, не знающей мѣры въ выраженіи восторга, когда уже на то пошло. Забыть, придавить въ своихъ воспоминаніяхъ всякаго червя; запрятать куда-нибудь за печку и исторію, и свои польскія бударажныя свойства, и все, что ни есть.....

Со стороны Чернаго моря, оттуда, гдѣ прогремѣли милліоны неслыханныхъ міромъ громовъ, — для того, чтобы освѣжить сколько-нибудь спершуюся атмосферу,—со стороны Чернаго моря дѣйствительно повѣяло теплымъ крымскимъ климатомъ; запахло чѣмъ-то такимъ, чѣмъ никогда не пахло въ Россіи; благоуханная струя докатилась и до Польши. Тамъ все было спокойно. Всѣ настроились однимъ и тѣмъ же чувствомъ, всѣмъ надоѣла борьба; всѣ какъ одинъ, ждали пріѣзда новаго царя въ Варшаву. Ему предшествовалъ самый благопріятный гулъ.

И вотъ онъ прибылъ 10/22 мая 1856 года — и неумолкающее ура грянуло у петербургской заставы и прокатилось до Лазенокъ. Среди самыхъ неслыханныхъ виватовъ, ѣхалъ этотъ счастливый государь, шагъ-

за-шагомъ, въ коляскѣ, окруженной, затиснутой со всѣхъ сторонъ ликующими, безумными отъ радости и сладкихъ слезъ волнами народа..... Чего не бываетъ въ такія минуты съ рыхлымъ славянскимъ племенемъ, всегда, при малѣйшей ласкѣ, готовымъ удариться въ слезы и поцалуи. У многомудрой, сухой Европы, у ея западныхъ племенъ, дающихъ намъ просвѣщеніе, давнымъ давно изсякли эти слезы и нѣтъ этихъ дѣйствительно свѣжихъ, гомеровскихъ поцалуевъ.... правда тутъ есть что-то и неустановившееся, но есть также свѣжесть и сила.

И вотъ пошли балы, торжества, обѣды, иллюминаціи. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что никакой Собесскій, никакой Пястъ и Ягеллончикъ не видалъ того отъ поляковъ, что видѣлъ государь Александръ Николаевичъ въ маѣ 1856 года. Стономъ стояла вся Варшава цѣлыя недѣли. Казалось, если бы можно было дать въ это время хоть что-нибудь, хоть полстолька, хоть четверть-столька того, что пріѣхало потомъ съ Ламбертомъ, Лидерсомъ, Велепольскимъ, всѣ были бы Богъ-знаетъ какъ довольны, и при дальнѣйшихъ добросовѣстныхъ дѣйствіяхъ *новаго* правительства, въ связи съ оракулами народа, во главѣ которыхъ стоялъ тогда графъ Андрей Замойскій, можно было бы уладить что-нибудь прочное.

11-го мая, принимая депутацію отъ дворянства, сената и духовенства, Государь сказалъ имъ извѣстную свою рѣчь [1]).

Конецъ 1856 года и новый 1857 прошли обычнымъ путемъ, среди всякаго рода удовольствій, баловъ, театровъ, концертовъ, кутежей, до чего поляки чрезвычайные охотники. Это самый веселый народъ міра, когда расходится. Въ своихъ праздничныхъ затѣяхъ они шутливы, остроумны и непринужденны, какъ никто. Въ маскарадѣ благороднаго собранія, 20-го января (1-го февраля) 1857 года, блистали въ особенности три домино: *розовое*, *малиновое* и *сапфирное*, обратившія вниманіе газетныхъ фельетонистовъ. Но обратили ихъ вниманіе также и разные «гороховые шуты», которыми полна Польша то же передъ всѣми другими націями. Эти шуты явились въ маскарадъ 20-го января въ неслыханныхъ костюмахъ, съ нѣкоторымъ отсутствіемъ скромности... какой-то господинъ Г. О. публиковалъ въ газетахъ, что онъ ждетъ *голубое домино* съ слѣдующемъ маскарадѣ у второй колонны отъ входа...

Словомъ, все кипѣло жизнію. Ни тѣни ни о какомъ заговорѣ. Театры наполнялись самымъ усерднымъ образомъ. Имъ посвящали газетчики довольно длинные разборы, съ точнымъ описаніемъ, кто сколько разъ былъ вызванъ и сколько получилъ букетовъ. Наша Богданова, танцовавшая въ Варшавѣ въ концѣ апрѣля того же года, была осыпана громовыми рукоплесканіями. Ее вызвали однажды *20 разъ*. Этой чести

[1]) Отрывки изъ которой можно найти въ Journal de S.-Petersbourg отъ 23 января, нынѣшняго года. *Ред.*

не удостоивались даже и отечественные артисты, вызываемые въ то время 5, 6, много 10 разъ.

Въ особенности обратилъ вниманiе балъ госпожи *Гижицкой*, въ домѣ Скворцова, описанный въ одной газетѣ на четырехъ столбцахъ. Чего тутъ только не было!

Потомъ публика занималась представленiями Франца Раппо, воздушными полетами Берга и Регенти, изъ саксонскаго сада, съ какой-то варшавянкой, панной Терезой...

Намѣстникъ князь Горчаковъ со штабомъ присутствовалъ при этомъ любопытномъ полетѣ.

8 го (20-го) iюля было открытiе пароходства графа Замойскаго по Вислѣ—предпрiятiе, сулившее золотыя горы, еслибъ только Висла не мелѣла такъ прихотливо въ иные мѣсяцы. Въ заведенiи графа, на Сольцѣ, говорились спичи и стихи, кончившiеся такъ:

Lecz wśród głosów tysięcy,
Jedno śpiewam z kolei:
Daj nam Bożea więcéj
takich jak ten Andrzei.
Дай, о Господи, побольше
Намъ такихъ, какъ онъ Андреевъ,
Нашей старой милой Польшѣ,
Докрохотовъ, добродѣевъ!

Первые два года это предпрiятiе давало необыкновенные барыши. Надо замѣтить, что наша Польша можетъ отпускать въ Пруссiю ежегодно на десять миллiоновъ рублей разнаго жита. Акцiи пароходства поднялись со 120 рублей до 300 рублей... Но потомъ воротились опять къ номинальной цѣнѣ. Основатели общества: графы Замойскiе, Браницкiе, Потоцкiе, нашъ Бобринскiй; князья Чарторыжскiе и Любомiрскiе гарантируютъ всегда 5 процентовъ.

25-го августа (6-го сентября) Государь опять прибылъ въ Варшаву, привѣтствуемый по прежнему громогласнымъ ура. Въ Лазенкахъ была въ тотъ же день, великолѣпная иллюминацiя, гдѣ толпился черный народъ, и потрясалъ воздухъ радостными криками при каждомъ появленiи Государя въ какой-либо аллеѣ.

Въ концѣ августа Государь уѣхалъ заграницу и черезъ мѣсяцъ воротился въ Варшаву съ Государыней, которая въ первый разъ видѣла тогда своихъ польскихъ подданныхъ. Народъ валилъ къ дебаркадеру съ ранняго утра. Были устроены арки съ флагами и гирляндами. На выходѣ у Ихъ Величествъ, въ замкѣ, были замѣчены богатые костюмы польскихъ аристократокъ: графини Соболевской, Браницкой, Ржевусской, Езерской, Потоцкой, Шембекъ.

Это былъ послѣдній мигъ, когда замокъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ *такое количество* дамъ первыхъ польскихъ фамилій. Въ воздухѣ уже что-то носилось предвѣщавшее грозу, хотя снаружи все казалось совершенно спокойнымъ.

Указъ 1-го октября объ открытіи въ Варшавѣ медико-хирургической академіи и перенесеніе изъ Пулавъ въ Варшаву же александрійскаго женскаго института (гдѣ воспитывалась извѣстная Пустовойтова) встрѣтили равнодушно, а также разныя казенныя стипендіи и суммы для бѣдныхъ воспитанниковъ.

Варшава все еще веселилась. Театръ любителей, въ домѣ графовъ Урусскихъ, далъ сбору 2,288 рублей. Въ большомъ театрѣ публика хлопала Серве, Липинскому, Лотто, Віардо-Гарціи даже видѣла знаменитаго абиссинскаго маэстро Лазарева.

1858 годъ прошелъ также благополучно. Въ самомъ его началѣ открыто *земледѣльческое общество* подъ предсѣдательствомъ графа Андрея Замойскаго. Въ большомъ театрѣ показалась Ристори и дала восемь представленій. Игралъ скрипачъ Венявскій; забавлялъ публику извѣстный Левассоръ. Пріѣзжала Пострана и персіяне Гуссейнъ-Бека.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ снова прибылъ Государь и посѣтилъ въ первый разъ кафедральный соборъ св. Яна, называемый по просту *Фарой* (Fara). Здѣсь толпилось нѣсколько народу. Архіепископъ города Варшавы, Фіалковскій, говорилъ привѣтствіе.

Въ этотъ вечеръ (11 (23-го) сентября), а также и на другой день, городъ былъ иллюминованъ. Въ большомъ театрѣ давали для Государя оперу Монюшки *Flis* (матросъ), шедшую въ первый разъ. Вмѣстѣ съ Государемъ на этомъ представленіи были: принцъ Регентъ-Прусскій и принцъ Карлъ Баварскій. Черезъ два дня потомъ прибылъ въ Варшаву принцъ Карлъ-Августъ-Іоаннъ Саксенъ-Веймарскій и принцъ Наполеонъ, остановившійся въ Лазенкахъ.

Вскорѣ послѣ бала, даннаго княземъ Горчаковымъ 14-го (28) сентября въ замкѣ (гдѣ было народу 650 человѣкъ. Государь ужиналъ, имѣя по правую руку княгиню Горчакову, а по лѣвую графиню Браницкую: она была на балу самая знатная изъ польскихъ дамъ) — устроилась въ окрестностяхъ Вилянова блистательная охота. Государь застрѣлилъ 2 лани, 5 зайцевъ и 7 фазановъ. Хозяйка, графиня Августова Потоцкая, встрѣтила гостей въ Вилляновѣ, и на другой день, 18-го (30-го сентября, показалась, въ открытой каретѣ, на Повонзкахъ, во время смотра Государемъ войскъ. Вмѣстѣ съ нею сидѣли: графини Браницкая, Красинская и другая Потоцкая, Адамова. Государь подъѣзжалъ къ ихъ каретѣ и со всѣми съ ними разговаривалъ [1]).

[1]) Эти подробности заимствованы изъ тогдашнихъ варшавскихъ газетъ.

Это была польская аристократія втораго слоя. *Первые* уже куда-то скрылись и не показывались. Потомъ скрылись и эти.

Въ этомъ году явился на фельетонномъ поприщѣ Іосифъ Минишевскій, извѣстный впослѣдствіи секретарь Велепольскаго, кончившій такъ печально. Мы скажемъ объ немъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ; а въ ту минуту, о которой идетъ рѣчь, онъ былъ извѣстенъ какъ авторъ нравственно-сатирическихъ *писемъ Чесникевича къ Маршалку* (Listow Cześnikiewicza do Marszałka), обратившихъ на себя вниманіе публики живымъ и бойкимъ перомъ.

Итальянская война 1859 года возбудила въ Польшѣ богъ-вѣсть какія надежды. Кучи поляковъ бросились за границу. Одинъ изъ нихъ, совершенно мнѣ незнакомый, ѣхавшій со мною до Дрездена (когда я отправлялся въ итальянскую армію) сказалъ ни съ того, ни съ сего: «мы скоро встрѣтимся съ вами опять, *когда Наполеонъ пойдетъ снизу вверхъ*». Наполеонъ какъ тогда говорили, будто-бы втягивалъ насъ въ эту войну, предлагая, въ вознагражденіе Галицію, но мы уклонились и просили его «не переходить Альпы». Онъ вѣроятно и не думалъ, а все это, какъ водится у него, всѣ эти Клапки и Кошуты, съ венгерско-польскимъ легіономъ, при его штабѣ (уже не очень далеко отъ Венгріи) было ничто иное, какъ ловкая демонстрація, клонившаяся къ тому, чтобъ заключить съ Австріей выгоднѣйшій миръ. Наполеонъ самъ побоялся зажечь этотъ страшный пламень, который могъ обнять и его дисциплинированную армію; а *дѣти* мечтали, что это такъ просто и такъ сбывчиво... Мирославскій, получившій за свои баденскіе подвиги тотъ неизбѣжный чинъ «генерала», какими богаты всѣ революціи, писалъ объ эту пору огромные томы всякой всячины, говорилъ рѣчи, въ которыхъ извѣстную часть никогда и никто не понималъ, но которыя постоянно возбуждали рукоплесканія молодежи. Нельзя не согласиться, что Мирославскій имѣетъ въ себѣ нѣчто, способное увлекать; онъ говорилъ бойко, и вообще не глупо, но заносился какъ норовистый конь и былъ весьма *неостороженъ въ выраженіяхъ*, по просту сказать, нѣсколько зрящій болтунъ. Это главное. Польское дѣло связано съ Европой такими щекотливыми нитями, что не только вождямъ польскаго народа, но и каждому поляку должно говорить гдѣ бы то ни было, оглядываясь во всѣ стороны и взвѣшивая какъ можно больше каждое слово. Мирославскій никогда объ этомъ не думалъ и заносился при первомъ удобномъ случаѣ въ самую опасную степь и дичь. Но лишь-только его осаживали и приводили въ порядокъ, слушающіе видѣли въ немъ опять умнаго и образованнаго человѣка — минутъ на 20. Затѣмъ онъ снова заносился и снова надо было осаживать. Таковъ былъ онъ и есть постоянно, этотъ странный кандидатъ въ польскіе диктаторы... и даже куда хотите.

Для тѣхъ, кто не знаетъ, почему и откуда онъ явился, необходимо разсказать, въ скобкахъ, краткую исторію польской эмиграціи.

Въ разные года поляки выселялись въ Европу значительными массами и разсѣевались по всему лицу земному. Гдѣ только и за какими морями не лежатъ заброшенныя кости этихъ необыкновенныхъ сыновъ своей отчизны! Трудно любить отечество больше, чѣмъ любитъ его полякъ. Самая серьозная эмиграція была послѣ войны 1831 года. Въ массѣ переселившихся находились всевозможныя сословія. Конечно, преимущество было за военными, за среднимъ, и даже ниже, чѣмъ среднимъ сословіемъ, — этими бездомными бобылями, у которыхъ не было ничего, кромѣ усовъ да сабли. Но были между ними и аристократическія фамиліи, звучавшія очень громко. Какъ на родинѣ, такъ и тамъ, поляки разбились на партіи, унесли съ собою привычку — думать одно, т. е. добиваться освобожденія отчизны, а дѣйствовать врознь, подъ разными хоругвями. Аристократы отошли подъ хоругвь князя Адама Чарторыжскаго; демократы — подъ хоругвь Іоахима Лелевеля. Трудно было польскимъ эмигрантамъ желать лучшихъ вождей. Бѣда та, что они расходились въ воззрѣніяхъ на одинъ и тотъ же предметъ, вслѣдствіе чего общее ихъ дѣло иногда, или лучше сказать постоянно, разлаживалось, и въ результатѣ выходила каша — что совершенно по-польски.

Партія демократическая, состоявшая изъ людей болѣе обтертыхъ жизнію, смотрѣла на дѣло проще и прямѣе; она стремилась къ возрожденію Польши въ границахъ 1772 года, посредствомъ дѣйствія на *симпатическія чувства народовъ*, отошедшихъ въ чужія руки, т. е. попросту узнать, заставить высказаться, *куда кто хочетъ*: къ Россіи, Австріи, Пруссіи, или къ Польшѣ?

Партія аристократическая дѣйствовала на основаніи *правъ Польши, какъ государства, существовавшаго тогда-то и въ такихъ-то предѣлахъ*,—правъ, которыя имѣли бы силу только... въ гражданской палатѣ. Демократы бросили бы аристократовъ ихъ мечтамъ, еслибъ владѣли хорошими денежными средствами и находились въ связи съ европейскими дворами. Но этого-то у нихъ и не доставало. Аристократическая партія умѣла всегда держаться вблизи солидныхъ кабинетовъ Европы — болѣе всего подъ крыломъ Франціи, такъ много разъ ихъ надувавшей. Утопающій хватается и за соломенку — поляки говорятъ «и за бритву». Что дѣлать: въ этомъ отношеніи обѣ партіи исполнены были постоянно однихъ и тѣхъ же мечтаній; и можно сказать, что покуда свѣтъ будетъ свѣтомъ и покуда въ немъ останется хоть тѣнь Бонапартовъ — а Польша будетъ таже: положеніе вещей не измѣнится ничуть и разные Браницкіе не перестанутъ ухаживать за принцами Наполеонами и быть при нихъ въ роли стрѣлковъ и адъютантовъ.

Партіи однако старались сходиться и дѣйствовать за одно, на сколько это было возможно. Мы позволимъ себѣ забѣжать немного впередъ.

Въ 1861 году не стало обоихъ вождей: угасъ и Чарторыжскій и Лелевель, оба въ самыхъ позднихъ лѣтахъ: Чарторыжскій прожилъ 92 года, Лелевель 75. Надо было замѣнить этихъ людей. Такъ-какъ Чарторыжскій считался польскимъ королемъ *in petto*, и даже иные называли его Адамъ I, то здѣсь, во уваженіе къ необыкновеннымъ качествамъ покойнаго и понесеннымъ черезъ него трудамъ и пожертвованіямъ въ пользу края (онъ отдалъ Польшѣ три четверти своего состоянія), — поступлено было на основаніи наслѣдственныхъ правъ: у князя было два сына *Витолдъ* и *Владиславъ*. Витолдъ, старшій, женатый на Гроховской, полькѣ не слишкомъ знатной фамиліи; бездѣтный, преданный наукамъ и не такъ здоровый, уступилъ будущую корону Польши брату своему Владиславу, который имѣетъ въ супружествѣ графиню Марію-де-Виста-Алегро, дочь испанской королевы Христины, отъ втораго ея брака съ герцогомъ Ріанзаресъ. Кромѣ этого, Владиславъ былъ любимцемъ отца и преданъ одной политикѣ. Вотъ этотъ-то и есть тотъ *ксенже* [1]), котораго варшавскіе поляки называютъ главою «парижскаго центральнаго комитета», центральнѣе котораго у нихъ не предполагается ничего на свѣтѣ.

Ксенже дѣлаетъ большіе займы, платитъ щедро разнымъ журналамъ и вообще много способствалъ настоящему революціонному движенію Польши.

Но демократы на него постоянно косятся, не умѣя никоимъ образомъ переварить въ своемъ желудкѣ *наслѣдственнаго польскаго короля Владислава V*. Имъ воображается король, избранный волею всего народа и притомъ такой, которому можно велѣть выйти въ отставку когда угодно.

Осиротѣвшая по смерти Лелевеля демократическая партія растерялась гораздо больше, отыскивая себѣ вождя. Наслѣдственнаго тутъ ничего не было, даже въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ: Лелевель умеръ холостякомъ. Самый громкій голосъ, раздававшійся тогда между польскими демократами (преимущественно, довольно пестрой и безалаберной молодежью), былъ голосъ Мирославскаго, героя Бадена, Сициліи, написавшаго кучу военныхъ и другихъ сочиненій... и выборъ палъ на него, хотя всѣ знали, что это сильно не то, что нужно; но другаго рѣшительно не было.

Это случилось въ 1861 году. Мы подойдемъ къ продолженію событій послѣ. А теперь воротимся къ 1859 году — къ итальянской войнѣ и къ дѣятельности поляковъ въ ту минуту.

Увидавъ непрочность своихъ мечтаній, основанныхъ на движеніи французской арміи къ тому пункту, гдѣ, какъ въ ящикѣ Пандоры, захлоп-

---

[1]) **Ksiaże** по польски значитъ *князь*.

нута всякая революціонная дичь, и буйныя стихіи ждутъ не дождутся, когда ихъ выпустятъ на волю, а поляки, собравшіеся около тѣхъ мѣстъ, рѣшили сдѣлать хоть что-нибудь и основали въ Генуѣ польскую военную школу, гдѣ Мирославскій выбранъ былъ чѣмъ-то въ родѣ директора. Учениковъ считалось тамъ всего на все 58 человѣкъ. Между ними случился какой-то *Янчевскій*, котораго подозрѣвали въ сношеніяхъ съ русскими. Мирославскій самъ былъ того же мнѣнія и, кажется, способствовалъ дуэли этого человѣка съ *Кучинскимъ* — почти убійству: Янчевскій палъ. Это обстоятельство поссорило профессора Лангевича, читавшаго тамъ артиллерію, съ директоромъ Мирославскимъ. По увѣренію нѣкоторыхъ, они даже стрѣлялись. Мирославскій предложилъ послѣ этого распечатывать всѣ письма воспитанниковъ, чему большинство воспротивилось и перешло на сторону Лангевича. Лангевичу суждено было и подъ чужими небесами одерживать надъ своимъ соперникомъ побѣды. Вообще о Мирославскомъ говорили, что онъ ни съ кѣмъ не можетъ ужиться.

Впослѣдствіи, когда Россія признала Виктора-Эмануила итальянскимъ королемъ, генуэзская школа была закрыта, а ученикамъ предложено выѣхать въ Константинополь.

Но связи Польши съ Мирославскимъ не прекращались. На немъ уже останавливалось вниманіе значительной массы демократовъ. Лелевель былъ сильно дряхлъ.

Государь пріѣхалъ въ Варшаву въ началѣ октября 1859 года, съ разными иноземными принцами.

Горчаковъ устроилъ въ замкѣ живыя картины, гдѣ участвовало нѣсколько полекъ. Графиня Лаваль, вмѣстѣ съ сенаторомъ Коссаковскимъ, дали балъ въ домѣ послѣдняго, на Новомъ-Святѣ. Настоящія звонкія фамиліи уже исчезли на всѣхъ подобныхъ увеселеніяхъ.

Въ слѣдующемъ, 1860 году, Европа была ошеломлена неслыханной дотолѣ по размѣрамъ рѣзней друзовъ съ маронитами, которая обратилась потомъ вообще въ истребленіе христіанъ, живущихъ на Ливанѣ и Антиливанѣ. Было уничтожено въ самое короткое время до 40 тысячъ христіанъ, преимущественно въ городахъ: Дамаскѣ, Сайдѣ и въ деревняхъ: Захлѣ, Маржѣ, Кабельясѣ и Деиръ-эль-Камарѣ. Христіанскія державы, въ отвращеніе отъ христіанъ Востока подобныхъ бѣдствій на будущее время, согласились послать въ Сирію особыхъ чрезвычайныхъ комиссаровъ, предложивъ Портѣ прислать также и своего, дабы всѣмъ вмѣстѣ заняться устройствомъ въ томъ краю болѣе солиднаго и благонадежнаго управленія, которое было бы не способно подавать руку дикому изувѣрству и фанатизму.

Это лежало въ основаніи, было канвой, по которой каждая держава вышивала свой рисунокъ. На первомъ планѣ дѣйствовали конечно,

главныя владыки міра — *Англія* и *Франція*. У каждой изъ нихъ были свои старые счеты съ Сиріей. Хотѣлось свесть эти счеты, воспользовавшись рѣзней и путаницей.

Прежде нежели комиссары тронулись съ мѣста, Наполеонъ отправилъ въ Сирію восемъ тысячъ человѣкъ зуавовъ какъ бы въ помощь гибнущимъ христіанамъ. Отправилъ, никого не спросясь и дѣйствуя такимъ образомъ на основаніи той мысли, что переговоры, замедливъ отправленіе арміи, увеличили бы несомнѣнно число жертвъ, и безъ того дошедшее до небывалой цифры. Собственно, ему нужно было, чтобы армія потолкалась нѣкоторое время въ Сиріи и дала бы возможность снабдить разными военными запасами французскіе ханы Сайды и другихъ мѣстъ. Англіи ничего не оставалось, какъ послать туда же эскадру, равносильную французской арміи. Мы также послали эскадру.

Само собою разумѣется, что для *Англіи* и *Франціи*, составлявшихъ суть всей комиссарской возни въ Сиріи того года, было важно, чью сторону возьметъ Россія. — Россія склонилась на сторону Англіи и слѣдовательно Турціи, т. е. стала, весьма естественно, поддерживать законную власть султана. Франціи это не понравилось. Наполеонъ зналъ, гдѣ *пятка* Ахиллеса, куда его можно было ранить — и подалъ руку начинавшейся польской революціи.

Государь, Императоръ пріѣхалъ въ Варшаву въ началѣ октября того года (1860), вмѣстѣ съ Государемъ наслѣдникомъ. Въ особенности поляки стали коситься на его иноземныхъ гостей: австрійскаго императора, принца-регента прусскаго и другихъ. При появленіи послѣднихъ въ театрѣ 9-го (21) октября, на представленіи новаго балета « Моднярки, или парижскій карнавалъ »— изъ райка полетѣли какіе-то пузырьки, съ вонючею жидкостью, которая распространила такой запахъ, что всѣмъ надо было выбраться изъ театра. Полиція, состоявшая тогда изъ однихъ поляковъ, не отыскала виновныхъ въ безпорядкѣ. Только изслѣдованіе пузырьковъ показало, что это была асса-фетида, съ примѣсью какого-то другаго удушливаго матерьяла.

На всѣхъ иллюминаціяхъ, которыя давались потомъ въ Варшавѣ въ честь высокихъ гостей, неизвѣстные люди обливали гуляющихъ ѣдкою жидкостью, портившую платья. Плошки были сбрасываемы со столбиковъ.

Однажды, когда австрійскій императоръ ѣхалъ на смотръ войскъ на Повонзки, уличные лобусы бѣжали за коляской со стороны, гдѣ сидѣлъ онъ и кричали всякій вздоръ...

Послѣ этихъ печальныхъ происшествій, оба императора, открывая балъ (данный княземъ Горчаковымъ 11-го (23) октября въ замкѣ) — обычнымъ полонезомъ, имѣли русскихъ дамъ: Государь Императоръ жену генерала Коцебу, а австрійскій императоръ, шедшій въ первой парѣ,

велъкнягиню Горчакову, Принцъ регентъ прусскій шелъ съ графиней Каролиной Потоцкой; затѣмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ съ княгиней Софьей Горчаковой; принцъ Фридрихъ мекленбургъ-шверинскій съ княжной Константовой Любомірской, и наконецъ принцъ Карлъ Саксенъ-Веймарскій съ графиней Коссаковской.

Черезъ два дня послѣ этого Государь Императоръ уѣхалъ въ Петербургъ. Это былъ послѣдній визитъ его Варшавѣ.

Съ самаго начала 1861 года стали показываться въ Варшавѣ такъназываемые *плакаты*, иначе, «подметные листки» съ разнымъ возмутительнымъ содержаніемъ.

Даже явилась «коця музыка» съ битьемъ оконъ. Первыя окна были разбиты въ самый новый годъ, по новому стилю, у графа Урусскаго, бывшаго предводителя дворянства, за какой-то данный имъ балъ. Потомъ у госпожи Кучинской, вдовы прежняго предводителя дворянства, что былъ передъ графомъ Урусскимъ.

11-го (23-го февраля) подброшенъ былъ плакатъ, приглашавшій жителей собираться, черезъ два дня, именно 13-го (25-го), на Старое място, чтобы оттуда итти всѣмъ на Грохово поле и почтить память погибшихъ тамъ сыновъ отчизны. Это была годовщина знаменитой Гроховской битвы. Правительство приняло всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы этого сборища не было, но все-таки народъ собрался, къ пяти часамъ вечера, и ждалъ, что будетъ? Между-тѣмъ, какъ толпы туда стекались (многіе шли единственно по любопытству, ничего не понимая и даже не зная ни о какихъ плакатахъ)—изъ паулинскаго костела, что на углу Долгой улицы и Фреты, выступила процессія, состоявшая преимущественно изъ воспитанниковъ разныхъ учебныхъ и ремесленныхъ заведеній, съ знаменами, факелами, и направилась къ Старому мясту, гдѣ полиція старалась разогнать столпившіяся передъ тѣмъ кучи, но это было трудно. Они уже вошли во вкусъ уличныхъ безпорядковъ, и, что ни часъ, становились смѣлѣе и смѣлѣе. «Что тутъ стоишь?» спрашивалъ полиціантъ у какого-нибудь отрепаннаго лобуса. — А ты что тутъ стоишь? — спрашивалъ обратно тотъ у полиціанта. «Проходи, не велѣно!» говоритъ опять полиціантъ. — Что не велѣно? на улицѣ стоять? — Говорилъ лобусъ: — кто не велѣлъ? Гдѣ это написано?

Такія объясненія слышались по всѣмъ угламъ рынка — и никто не двигался съ мѣста. Пріѣхалъ оберъ полиціймейстеръ Треповъ, въ коляскѣ, и долженъ былъ, на приглашеніе его разойтись выслушать точно такіе же отвѣты. Ему, какъ и полиціантамъ: говорили, «ступайте отсюда сами, коли хотите, а намъ и тутъ хорошо!»—Да это безпорядокъ! восклицалъ онъ. «Безпорядокъ — на улицѣ стоять? Кто это вамъ сказалъ?» гремѣло нѣсколько голосовъ. «А если я такъ приказываю», крик-

нулъ наконецъ Треповъ...но послѣ этого долженъ былъ поспѣшно ретироваться къ колясеѣ.... и уѣхалъ въ замокъ, гдѣ, переговоривъ съ княземъ Горчаковымъ, взялъ полъэскадрона жандармовъ и направилъ ихъ по Свентоянской улицѣ къ тому пункту, куда подходила процессія. Жандармы встрѣтили ее въ концѣ Свентоянской улицы, гдѣ будка и колодецъ, и просили воротиться. но никто не слушалъ. Тогда одинъ жандармъ обнажилъ саблю, врѣзался съ лошадью въ средину толпы, произошла свалка... и черезъ мигъ, на площади, видѣвшей богъ-знаетъ какія чудеса: и казнь Остапа, и Тараса Бульбу, одѣтаго графомъ; и Наливайку, которому здѣсь отрубили голову и несчастнаго Пекарскаго, съ котораго ремнями драли кожу, — все это видѣло Старое място,—черезъ мигъ, говорю, на немъ не осталось ничего, кромѣ разбросанныхъ факеловъ, значковъ и флаговъ. Народъ сталъ расходиться. Кто попалъ къ замку — увидѣлъ передъ нимъ, на плацу, батальонъ пѣхоты. На Саксонской и другихъ площадяхъ также стояли войска. Было уже темно, часовъ восемъ вечера. Всю эту ночь ѣздили по городу сильные патрули. Между жителями оказались раненые саблями и помятые лошадьми.

На слѣдующій день, 14-го (26-го февраля,) не было ничего ровно. Но 15-го (26-го), по случаю «Набоженства» въ кормелитской церкви (близъ банковой площади), гдѣ сходился преимущественно рабочій людъ, — устроилась опять странная процессія: около пятидесяти человѣкъ разныхъ школяровъ и ремесленниковъ, съ флагами на древкахъ, и божею матерью впереди, двинулись, около одиннадцати съ половиною часовъ утра, по направленію къ паулинскому костелу, зашли въ него, попѣли свои гимны, и пошли къ собору св. Яна, иначе, къ Фарѣ: и тутъ зашли внутрь и снова попѣли. Отсюда толпа (разумѣется, по дорогѣ значительно увеличившаяся) повалила къ бернардинскому костелу, по Свентоянской, но у замка встрѣтили ее приготовленные заранѣе казаки и разогнали нагайками. Вслѣдствіе этого распространились по городу слухи, что казаки у замка *бьютъ, народъ*: *ратуйте, ребята!* то-есть «защищайте!» — Со всѣхъ концевъ Варшавы потекли къ замку и къ Бернардинамъ кучи людей. Преимущественно собирались такія толпы у замка, противъ дому Мальча (гдѣ теперь XI циркулъ) и у бернардинскаго костела. Такъ стояли и трунили надъ казаками часа три. Иногда лобусъ подходитъ подъ самую казацкую лошадь, прикидываясь дурачкомъ и спрашивая самымъ глупымъ тономъ: «а это что тутъ за борода на конѣ? а? э?» — Я тебя, чортовъ сынъ! говорилъ казакъ, припускаясь за нимъ съ нагайкой и снабжая его въ догонку еще болѣе выразительнымъ словцомъ. Лобусъ бѣжалъ, или отстранялся- «Я, дядинька, ничего! ей-богу ничего!» — и тѣмъ, временемъ снималъ съ ноги растоптанный башмакъ и бацъ имъ зазѣвавшагося казака. «Ахъ ты,

такой-эдакой!» шумѣлъ опять казакъ и припускался за лобусомъ въ другой разъ.

Такія сцены происходили во ста пунктахъ, передъ тѣмъ самымъ замкомъ, гдѣ теперь ничто подобное никому и во снѣ не приснится. Вотъ ужь истинно: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»... толпы стояли; казаки сидѣли на коняхъ, не то возились и перебранивались съ лобусами. Казалось, этому не будетъ конца. Старикъ князь Горчаковъ какъ увѣряютъ, отправилъ въ Петербургъ телеграфическую депешу. Что пришло оттуда, мы не знаемъ.

Между тѣмъ толпы не расходились, а росли. Надо было на что-нибудь рѣшиться. Дежурный генералъ Заблоцкій повелъ отъ замка роту солдатъ...

Въ это самое время (часу въ четвертомъ по полудни) случилось, на бѣду, какое-то погребеніе въ бернардинскомъ костелѣ. Кажется хоронили возвратившагося изъ Сибири помѣщика Ксаверія Стобницкаго. Подъэхалъ катафалкъ; хотѣли итти за гробомъ, стоявшимъ въ церкви, но козаки, посланные къ костелу, въ предупрежденіе *процессіи*, вообразили, что это-то процессія и есть — и загородили ходъ. Пока что, пока догадались разыскать оберъ-полицеймейстера и взять отъ него разрѣшеніе на пропускъ гроба изъ церкви, прошло довольно времени; толпы скопились у бернардиновъ и вездѣ, по ближайшимъ улицамъ; было конечно не безъ схватокъ съ казаками. Одинъ мой знакомый видѣлъ, какъ простыя женщины собирали въ подолъ камни..... Наконецъ гробъ поставленъ и поѣхалъ, но поѣхалъ не направо отъ костела, какъ слѣдовало (тутъ видѣлась вдали стѣна казаковъ), а налѣво, къ узкому мѣсту краковскаго предместья. Кому-то вздумалось, для порядку, отдѣлить отъ бернандинскихъ казаковъ часть и отправить ихъ впереди погребальной процессіи, съ обнаженными шашками. Такъ процессія и двигалась...

Незадолго передъ этимъ моментомъ помяли и неудачно хватили нагайкой какого-то поляка. Онъ кричалъ и обратилъ на себя вниманіе толпы. Собралася вокругъ куча и раненнаго присудили отнести съ тріумфомъ, на рукахъ, въ земледѣльческое общество, засѣдавшее тогда въ «намѣстниковскомъ палацѣ» *). Тамъ было довольно много помѣщиковъ и во главѣ ихъ президентъ, графъ Андрей Замойскій. Едва они поняли, въ чемъ дѣло, какъ всѣ обратились къ нему съ просьбою — отправить

---

*) Бывшій дворецъ Радзивилловъ, на краковскомъ предмѣстьи, не такъ далеко отъ почты. Тутъ жили прежніе намѣстники до революціи 1830 года. Замокъ былъ въ то время занятъ высшими правительственными мѣстами и имѣлъ внутри совсѣмъ другое расположеніе комнатъ.

въ замокъ «делегацію, то-есть по-нашему депутатовъ: «за что-де насъ, бьютъ и колечатъ?»

Замойскій отвѣчалъ, что они, то-есть земледѣльческое общество, не имѣютъ права мѣшаться въ управленіе городомъ; что для разбора подобныхъ происшествій установлены особыя власти и что этого господина слѣдовало-бы отнесть не въ земледѣльческое общество, а въ ратушу [1]). «Да онъ помѣщикъ!» крикнулъ кто-то: «нашъ братъ, нешто мы не имѣемъ права за него вступиться?» — Хорошо, сказалъ Замойскій: если онъ помѣщикъ, такъ зачѣмъ-же онъ лѣзъ въ толпу, а не засѣдалъ съ нами, когда у насъ засѣданіе? Былъ бы здѣсь, какъ того требовали правила, остался бы цѣлъ.

Разнообразные крики прервали его рѣчь. Онъ увидѣлъ необходимость прекратить засѣданіе и пошелъ, съ болѣе тихими и благоразумными, домой, изъ воротъ налѣво, а часть помѣщиковъ, подъ предводительствомъ Карчевскаго (въ тотъ день убитаго) двинулась на право. Можно было растолковать пожалуй, что и Карчевскій пошелъ домой: это былъ его путь — онъ жилъ въ Смоленской гостинницѣ, на Беднарской улицѣ. Такъ-ли, не такъ-ли, — минута, въ которую помѣщики, подъ начальствомъ Карчевскаго, тронулись отъ намѣстниковскаго палаца на-право, къ узкому пункту краковскаго предмѣстья, — была именно та, когда на встрѣчу имъ двигалась погребальная процессія, имѣя впереди себя казаковъ. Толпа валила на толпу, точно войско на войско. Увидѣвъ казаковъ съ обнаженными шашками, Карчевскій закипѣлъ и предложилъ товарищамъ загородить имъ дорогу баррикадой. Мгновенно было повалено на бокъ нѣсколько дружекъ и полетѣли камни... это случилось какъ-разъ въ узкомъ краковскомъ предмѣстьѣ. Дѣло принимало серьозный оборотъ. Тогда велѣли особому отряду казаковъ подъѣхать къ этому мѣсту и выстрѣлить вверхъ изъ карабиновъ. Пули ихъ очень долго сидѣли въ домѣ Мальча. Раздался хохотъ, свистки, полетѣли новые камни...

Въ это время приблизился генералъ Заболоцкій съ ротой, о которой мы уже сказали. Построивъ ее у дома Мачьча, гдѣ XI циркулъ, и напротивъ статуи-Богоматери, онъ велѣлъ открыть огонь. Выстрѣлы загремѣли поодиночно, внизъ, вверхъ, какъ случится. Одна пуля угодила въ въ 3-й этажъ Европейской гостинницы [2]). И вотъ тогда-то пали эти извѣстныя *пять жертвъ*, надѣлавшія столько шуму. Это были, прежде всего, упомянутый уже нами помѣщикъ, Маркеллъ *Карчевскій* (56 лѣтъ), помѣщикъ Здиславъ *Рутковскій* (23 лѣтъ), техникъ *Адамкевичъ*, работавшій

---

[1]) Открыта въ 1859 году.

[2]) Гдѣ между прочимъ находится управленіе оберъ-полицеймейстера. Выраженіе въ ратушу въ Варшавѣ значитъ тоже, что «въ полицію».

на новомъ мосту [1]), черезъ Вислу, ремесленникъ съ желѣзной фабрики Карлъ *Брендель* и ученикъ какой-то школы *Арцыхевичъ*. Кромѣ того было человѣкъ двадцать раненыхъ. Трупы отнесли въ Европейскую гостинницу въ номеръ 2-го этажа, и туда повалилъ народъ всякаго званія. Явилось множество дамъ. Крикъ пошелъ по городу страшный: «какъ? за что?..» Байеръ спѣшилъ снять съ убитыхъ фотографическія карточки, копіи которыхъ можно видѣть до сихъ поръ въ Краковѣ.

«Ресурса» значитъ по-польски «клубъ». Всѣхъ клубовъ въ Варшавѣ три: *дворянскій*, на краковскомъ предмѣстьѣ, — около главной гауптвахты, *офицерскій* или просто *русскій*, тоже на краковскомъ предмѣстьѣ, противъ европейской гостинницы, и наконецъ *купеческій* — на сенаторской, близъ Банковской площади.

Здѣсь дѣло идетъ объ этомъ послѣднемъ. Тамъ сходилась по вечерамъ всякая неугомонная молодежь средняго круга. но бывало много и почтенныхъ личностей разнаго рода. Тутъ являлись и литераторы: Крашевскій, тогдашній редакторъ «Польскій газеты» (Gazeta Polska) и авторъ милліона повѣстей, драмъ, разсказовъ, скиццовъ, —самое плодущее перо Польши, какое только можно себѣ представить; человѣкъ извѣстный между поляками. Являлся и Минишевскій, имѣвшій свой обширный кружокъ и знакомства. Заглядывалъ Байеръ, владѣтель перваго фотографическаго заведенія въ Варшавѣ, господинъ весьма красивый, съ головой Леонорда-да-Винчи, но странный и простоватый, любимый всѣми какъ добрякъ и патріотъ порывистаго свойства, готовый на всякое хорошее дѣло и на такую галиматью, раздражающую народъ, какъ сниманіе *голыхъ труповъ*, *пробитыхъ пулями*. Ходилъ богатый фабрикантъ Натансонъ—какъ чувствуете по фамиліи—изъ евреевъ, которые, во время революціи, отличаются въ Польшѣ самымъ ярымъ патріотизмомъ и поляки называютъ ихъ тогда не иначе, какъ «братьями, *поляками* Моисеева закона». Вы увидите ниже эту исторію изъ разныхъ документовъ и случаевъ.—Ходилъ ксендзъ Стецкій, Вышинскій (принадлежавшій потомъ къ центральному комитету); показывался сапожникъ Гишпанскій; бывалъ редакторъ «Курьера» Кучъ... и мало ли сколько ходило туда знаменитыхъ и незнаменитыхъ обывателей Варшавы. Болтали, играли въ карты, курили,—дѣлали то, что дѣлается въ каждомъ клубѣ. Но тогда, въ эпоху начинавшагося революціоннаго броженія, сказанная купеческая ресурса была главнымъ общественнымъ пунктомъ, гдѣ собирались мудрые головы толковать о томъ... что будетъ... и, можетъ, скоро будетъ...

Сравнивая съ партіями эмиграціи, варшавская купеческая ресурса

---

[1]) Строится до сихъ поръ. Заложенъ государемъ императоромъ 9 го (21-го) октябр 1860 года.

была *Лелевель*, пожалуй *Мирославскій*, а земледѣльческое общество, по крайней мѣрѣ извѣстная часть его — *Чарторыжскій*.

Въ день паденія «пяти жертвъ» ресурса увидѣла въ своихъ стѣнахъ страшныя скопища народу. Ужь было не до игры, не до праздной болтовни Минишевскаго; у всѣхъ было на языкѣ одно: «*пять убитыхъ... невинныхъ жертвъ*... больше ни объ чемъ не толковали.

Послѣ всевозможныхъ споровъ и криковъ: «Что дѣлать?» рѣшили отправить къ намѣстнику *делегацію* и просить у него заступничества, правоты и вмѣстѣ съ тѣмъ немедленной смѣны оберъ-полиціймейстера, виноватаго, по ихъ мнѣнію, болѣе всѣхъ другихъ въ стрѣльбѣ.

«Ктожъ пойдетъ къ князю?» спросилъ кажется Байеръ. — Да вотъ вы пойдете: вы съ нимъ знакомы, вы дѣлали его портретъ и карточки; вы знаете все его семейство... «Но его знаютъ многіе, напримѣръ докторъ Халубинскій; онъ его лечилъ.» — Ладно, пойдетъ и Халубинскій! Пойдете, Халубинскій? — «Отчего нѣтъ, но лучше бы отъ всѣхъ сословій». — Чтожъ, и то дѣло: отъ всѣхъ, такъ отъ всѣхъ! — И вотъ выбраны были наудачу первые попавшіеся на глаза представители разныхъ кружковъ, люди не особенные (по крайней мѣрѣ половина), а такъ, добрые польскіе патріоты. Изъ ксендзовъ указаны были: Вышинскій и Стецкій; изъ помѣщиковъ: Петровскій, Розенъ; изъ купцовъ, представитель ихъ сословія, банкиръ Шенкелеръ; затѣмъ Натансонъ, Кенигъ, Кронебергъ; изъ литераторовъ: Крашевскій и Кучъ; наконецъ, глава сапожнаго цеха, знаменитый Гишпанскій, душа и «baranek», какихъ мало. Его всѣ знали и любили, какъ добраго человѣка и, на свой пай, образованнаго весьма не дурно. Съ нимъ было весело потолковать и взять у него нѣсколько практическихъ уроковъ для жизни. Это былъ, между прочимъ, типъ исчезающаго городскаго шляхтича, низменнаго слоя.

Гишпанскій былъ тогда на квартирѣ и уже укладывался спать, когда къ нему прибыла депутація изъ клуба,—просить его въ «делегаты» —такъ-молъ и такъ. Онъ натянулъ, что у него было получше и сказалъ, что никогда не откажется служить «dla dobra kraju» (на благо родины), и отправился въ клубъ.

Рѣшено было двинуться въ замокъ тогда же. Была уже ночь, часъ одиннадцатый. Когда доложили князю, она велѣлъ впустить пановъ-делегатовъ. Они увидѣли въ залѣ: его, генерала Коцебу и президента города, Арно. Нѣтъ сомнѣнія, что сцена встрѣчи делегатовъ была приготовлена. Князь имѣлъ въ клубѣ своихъ и зналъ все, что тамъ дѣлается.

Онъ принялъ делегатовъ ласково и сказалъ, что несчастіе произошло вслѣдствіе не такъ понятаго приказа... вслѣдствіе какой-то ошибки... что даже не извѣстно, кто скомандовалъ солдатамъ стрѣлять... что онъ уже приказалъ изслѣдовать это дѣло и строго взыщетъ.

Все молчали. Выступилъ Гишпанскій и произнесъ слѣдующе: «вотъ я, ваше сіятельство, сапожникъ; у меня артель. Коли изъ моей мастерской выйдутъ плохіе сапоги, то вы, купивши ихъ, не станете говорить, что неизвѣстно, кто виноватъ и не кликнете моего хлопца, который, можетъ-быть и точно испортилъ или подрѣзалъ товаръ, а скажете: «подавай мнѣ сюда хозяина, Гишпанскаго!»

— Стало быть, по твоему, *я* виноватъ? — спросилъ, улыбаясь, намѣстникъ.

— «Стало-быть!»

Эта выходка произвела Гишпанскаго въ герои! Его карточки раскупались на другой день съ азартомъ. Даже до сихъ поръ продаются не только въ Варшавѣ, но въ Краковѣ и въ Львовѣ. Самъ Горчаковъ полюбилъ его и называлъ «маленькимъ Кавуромъ».

— Ну чтожъ мнѣ однако дѣлать?—спросилъ князь у делегатовъ: я распорядился, какъ умѣлъ. Виновные будутъ найдены и понесутъ должное наказаніе.

— Виноватъ оберъ-полицмейстеръ, ваше сіятельство, сказали делигаты: удалите его; онъ причина и первыхъ безпорядковъ, 25 февраля.

— Удалить его не за что. Онъ не виноватъ.... впрочемъ тамъ увидимъ...

Прощаясь съ делегатами, князь обѣщалъ, при первомъ безпокойствѣ въ городѣ, явиться къ народу лично и выслушаетъ всякую жалобу и неудовольствіе.

Делегаты отправились опять въ свою ресурсу, гдѣ ждали ихъ съ нетерпѣніемъ. Поднялся новый шумъ... Князю донесли снова обо всѣхъ толкахъ. Кто-то ему внушилъ и онъ вѣрилъ въ это, кажется, до послѣдняго дня жизни, что Варшава вся стоитъ какъ бы на минахъ; все готово; только приставить фитиль — и конецъ!.. Послѣ нѣкоторыхъ соображеній и переговоровъ съ Коцебу и президентомъ города, онъ велѣлъ послѣднему отправить въ ресурсу своего секретаря и попросить делегатовъ къ себѣ на квартиру. Секретарь отправился, тогда же, ночью. Делегаты явились къ президенту немедля и онъ имъ сказалъ, что князь соглашается удалить оберъ-полицмейстера и назначаетъ на мѣсто его такого-то....

Когда дѣтямъ дѣлается уступка, то они никакъ не могутъ остановиться и попросятъ сейчасъ чего-нибудь еще. Делегаты, хоть между ними находились и сѣдовласые старцы, были съ извѣстной стороны страшные дѣти, сильно нескладный, не станцовавшійся кружокъ. Они не могли отнестись спокойно къ тому обстоятельству, что вотъ за ними, нѣкоторымъ образомъ ухаживаютъ, посылаютъ, просятъ. Они зашумѣли, что этого, назначеннаго вновь, имъ точно также не надо; что они его хорошо не знаютъ,

— Да какого же вамъ? спросилъ Арно.

— Дайте намъ Паулуччи!

Не знаю, ту ли же минуту, или на другой день, только Горчаковъ согласился и на это требованіе делегатовъ: уступилъ имъ Паулуччи, и сверхъ того позволилъ учредить изъ себя же, изъ своихъ пріятелей и знакомыхъ, особую *народовую стражу* и похоронить убитыхъ, какъ хотятъ, съ какой угодно церемоніей, лишь бы соблюденъ былъ въ городѣ подобающій порядокъ. Что до обыкновенной полиціи — князь обѣщалъ устранить ее вовсе. Все такъ и сдѣлалось. Городъ представилъ нѣчто невиданное и неслыханное: не было никакой правительственной полиціи около мѣсяца сряду; ходили какіе-то чудаки, съ ярлыкомъ на шапкѣ, гдѣ было написано: «*straz biespieczeństwa*». Всѣ граждане Варшавы съ гордостью посматривали на сочиненное делегатами, *свое*, родное воинство. Для мечтателей, отъ него уже было недалеко и до арміи... Это воинство отправляло различныя городскія службы: ходило рунтомъ по ночамъ; распоряжалось на базарахъ; но болѣе всего присутствовало въ Европейской гостинницѣ, гдѣ лежали трупы и гдѣ была всегда неотолченая труба народу. Тутъ конечно требовался порядокъ. *Straz biespieczeństwa* смотрѣла тамъ за порядкомъ. Дамы пріѣзжали въ гостинницу съ корзинками, полными небольшихъ траурныхъ значковъ, которые прикалывали къ конфедераткамъ молодыхъ людей и всякаго, кто пожелаетъ. Плакали, говорили богъ-знаетъ что...

Между тѣмъ князь Горчаковъ, разрѣшивъ все это почелъ нелишнимъ, на другой день послѣ баррикадъ и стрѣльбы, опубликовать слѣдующій приказъ:

«Возваніе властей къ скопищамъ народу на улицахъ, чтобы они расходились, не привели ни къ чему; и вчера, 27 февраля, рота пѣхоты, направленная къ Краковскому предмѣстью, гдѣ ее встрѣтили камнями, — дала залпъ. Я велѣлъ изслѣдовать самымъ тщательнымъ образомъ причины этого несчастнаго столкновенія. Не потерплю насилій ни съ какой стороны. Мирные граждане должны всемѣрно уклоняться отъ уличныхъ сборищъ, возбуждаемыхъ опасными поджигателями, и расходиться по требованію власти, чтобы спасти себя отъ какого-либо непредвидѣннаго случая.

Жители города Варшавы! не поддавайтесь предательскимъ увлеченіямъ враговъ порядка, которые намѣрены нарушить общее спокойствіе. Послушайтесь голоса человѣка, коего справедливость, въ продолженіе тридцатилѣтняго пребыванія его между вами, всѣ могли замѣтить,

Намѣстникъ королевства, генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ.»

Тогда же явилось воззваніе къ народу и со стороны делегатовъ:

«Въ субботу, 28 февраля (2 марта) въ 10 часовъ утра произойдетъ погребеніе жертвъ, погибшихъ 27 февраля. Во имя любви къ отчизнѣ, во имя самыхъ священныхъ и дорогихъ для каждаго изъ насъ обязанностей, заклинаемъ жителей города, чтобы честь отдаваемая этимъ жертвамъ, въ минуту погребенія ихъ тѣлъ, сопровождалась наивозможно-высшимъ порядкомъ и благочиніемъ. Жители Варшавы! Послушайтесь братій вашихъ.»

Дѣйствительно, похороны произошли въ чрезвычайномъ порядкѣ. Вся процессія снята фотографомъ Байеромъ. Это было нѣчто необыкновенное, какъ-будто хоронили сотни двѣ фельдмаршаловъ, отличившихся безчисленными побѣдами надъ врагомъ. Впереди шли сироты и старцы Варшавскаго благотворительнаго общества; затѣмъ воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній; цехи съ траурными хоругвями, свѣчами и факелами; католическое духовенство, тѣла убитыхъ, еврейское духовенство, въ своемъ національномъ платьѣ и, согласно своему обряду, съ покрытыми головами. Въ заключеніе шли даже такъ-называемые «друцяжи» (dróciarzy)— бѣдная, оборванная ребятешь изъ Карпатскихъ горъ, занимающаяся въ Варшавѣ, и по другимъ польскимъ городамъ, проволочными издѣліями. Они ходятъ въ своемъ оригинальномъ костюмѣ, одномъ и томъ же зимой и лѣтомъ: въ широкихъ шляпахъ и въ курточкахъ (*гуняхъ*), имѣя при себѣ пукъ проволоки, проволочныя мышеловки и тому подобныя вещи. Проволока по польски *drôt* (друтъ), оттого-то ихъ и зовутъ *dróciarzy*.

Словомъ, не былъ забытъ ни одинъ классъ народа, ни одно сословіе, ни одна нація, проживающая зачѣмъ-нибудь въ Варшавѣ. Это были не похороны, а настоящая манифестація, со всѣми аттрибутами, только совершившаяся при соблюденіи внѣшней тишины и порядка. Былъ, если хотите и безпорядокъ, но прикрытый шапкой-невидимкой; законная власть смотрѣла на все это сквозь пальцы.

Отпѣваніе тѣлъ произошло въ костелѣ св. Креста, на краковскомъ предмѣстьѣ. Преданы тѣла землѣ на Повонзковскомъ кладбищѣ.

На другой день, 19 февраля (3 марта) разошлось по городу, а потомъ и по всей Польшѣ, въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ, слѣдующее циркулярное письмо, будто бы отъ Фіалковскаго:

«MOLITWA O POWOLNOS'C [1]).

Всѣ части предвѣчной Польши (odwieczne̒j Polski) налагаютъ на себя, въ продолженіе неопредѣленнаго срока, трауръ. Женщинамъ имѣть бѣлое платье единственно въ день свадьбы. Сносите какъ можно терпѣливѣе горькія и глубокія раны. Остерегайтесь хвастовства, самохвальства; будьте народомъ единомыслія и самоотверженія. Нынѣ и за много лѣтъ до сего времени нашъ символъ есть вѣнецъ терновый, тотъ самый, которымъ вчера увѣнчали мы гробы павшихъ жертвъ. Знайте, что вѣнецъ обозначаетъ терпѣніе страданіе, самоотверженіе, освобожденіе! Приглашаемъ читающихъ всякаго исповѣданія распространять сіе далѣе. Варшава, 3 марта 1861.»

А делегаты выпустили тогда же слѣдующій приказъ:

«Вчера совершилось погребеніе жертвъ, павшихъ въ середу. Вчера народъ доказалъ, что понимаетъ, что такое значитъ обязанность въ отношеніи къ отечеству: всѣ испол

---

[1]) Этого выраженія мнѣ никто не могъ перевести, и потому я оставляю его такъ. Говорятъ, это безсмыслица, но я видѣлъ печатный экземпляръ.

нили ее, всѣ безъ изъятія. Соединенные однимъ и тѣмъ же чувствомъ, мы прощались съ погибшими Братія! пусть это чувство обязанности правитъ нами и впредь во всякую минуту.

Нѣчто подобное явилось и отъ земледѣльческаго общества.

Затѣмъ пошла страшная возня все съ тѣми же *жертвами*, уже упокоенными на Повонзкахъ. Носились съ ними, носились... только и толковъ было, что о «poległych». Манифестаціи тянулись за манифестаціями. Выбиты были прежде всего особыя медали, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Богоматери, а съ другой — изломаннаго креста [*]). Вокругъ была надпись: «*Ratuj Ojcze!*» (Господи, спаси!) и числа 25, и 27 февраля. Эти медали, какъ нѣчто священное, были носимы на крестѣ, подъ сорочкою. Даже у иныхъ поляковъ цѣлы до сихъ поръ.

Потомъ сочинился *комитетъ* для сооруженія памятника «poległym»; затѣмъ еще другой *комитетъ*, для вспомоществованія оставшимся послѣ убитыхъ семействамъ. Тутъ же прицѣпили и раненыхъ 25 и 27 февраля.

9 марта новаго стиля, то есть на 8-й день послѣ похоронъ, что называется по польски *октавой*, была, какъ водится, панихида по убитымъ во всѣхъ костелахъ и даже въ жидовскихъ синагогахъ. Особенно отличился при этомъ раввинъ Крамштюкъ, въ синагогѣ на Наливкахъ. Упомянувъ о «poległych», онъ воззвалъ къ своимъ прихожанамъ такъ: «да будетъ смерть ихъ для насъ примѣромъ!... Соединимся съ судьбою нашихъ *собратій* на землѣ польской и будемъ, какъ говоритъ Іеремія: «Пещись о благоденствіи края, гдѣ назначилъ намъ жить Господь Богъ: съ благоденствіемъ-бо его и мы возблагоденствуемъ!»

Въ главныхъ костелахъ, въ этотъ день, лучшіе артисты пѣли соотвѣтственные церемоніи гимны. У св. Креста былъ исполненъ великолѣпный *Requiem;* дирижировалъ извѣстный Аполинарій Конійскій, директоръ варшавской консерваторіи. У реформатовъ устроилъ нѣчто подобное оперный композиторъ Монюшко, при помощи перваго тенора Добрскаго. Дамы собирали квесту. Начала княгиня Роза Любомірская, урожденная графиня Замойская. Было собрано на первыхъ порахъ 515 рублей; кромѣ того множество золотыхъ вещей, серегъ, колецъ и крестиковъ. Одушевленіе дошло до невѣроятной степени. Женщины плакали. Многія изъ нихъ, очень бѣдныя, разставались съ послѣдней драгоцѣнностью, какая при нихъ случилась...

Квеста продолжалась гораздо позже. Трудно сказать, куда шли эти

---

[*]) 25 Февраля, на Старомъ Мястѣ, при очисткѣ площади жандармами, былъ сломанъ у кого то изъ участниковъ въ процессіи, крестъ. Изъ этого сдѣлали исторію и этотъ-то крестъ изображенъ былъ на медали. Евреи города Варшавы впослѣдствіи пожертвовали новый крестъ, въ замѣнъ сломаннаго, а поляки въ главную синагогу нѣсколько подсвѣчниковъ, въ семь рожковъ, какіе употребляются евреями при ихъ богослуженіи.

деньги и всякія пожертвованія..... начальство смотрѣло на все это, какъ-то странно улыбаясь. Но главною ошибкой было то, что оставили *народовую стражу* командовать въ городѣ, вмѣсто обыкновенной полиціи, еще на нѣкоторое время послѣ похоронъ пяти жертвъ. Это была страшная ошибка. Благо, все кончилось тихо и смирно; похоронили; на это хватило порядку и субординаціи — ну, и погладить бы ихъ по головкѣ и распустить по домамъ... Но вообразить, что эта импровизированная полиція, эта ребятежь, нуждавшаяся еще очень сильно въ школьной ферулѣ—сохранитъ порядокъ и потомъ, въ обыкновенные, будніе дни Варшавы, въ улицахъ которой толчется около двухъ сотъ тысячъ народу! — Впрочемъ князь Горчаковъ былъ слишкомъ заваленъ и вся тяжесть положенія упала на его плечи. Въ числѣ ближайшихъ подчиненныхъ князя не нашлось людей, которыя достаточно помогали бы ему, не оставляли своими указаніями, рѣшались бы принять на себя отвѣтственность за болѣе раціональныя движенія. Можетъ и были такіе, кто понималъвещи лучше другихъ: можетъ-быть нѣкоторые приближенные князя не хотѣли вмѣшаться въ дѣло серьозно. *Дѣло* было совсѣмъ особенное, исключительное; старой писарской методой взять тутъ было очень трудно. Бывало, напишешь бумагу, а тебѣ на нее отвѣтятъ, а ты на это опять бумагу — и пошелъ, и пошелъ... до чего нибудь и допишешься непремѣнно. Иногда бываютъ и такія бумаги, которыхъ никто не понимаетъ, а отписаться можно. Но тутъ выкинулась работа совсѣмъ инаго свойства: требуется чистота, отсутствіе обломовщины; непонятныхъ бумагъ; всякая черта гляди прямо и ясно, какъ солнечный лучъ; потому, всякій и боялся: ну, какъ я что-нибудь напишу, придерживаясь, по памяти, старой старины; что-нибудь посовѣтую, а выйдетъ галиматья!.. Что тогда?

И вотъ, князь Горчаковъ понесъ на себѣ всѣ заботы. Всѣ отдѣлывались какимъ-то неопредѣленнымъ молчаніемъ...! И все на своихъ плечахъ вывозилъ князь Горчаковъ; самъ все сочинялъ; самъ разрѣшалъ всѣ вопросы и никогда не имѣлъ серьозныхъ возражателей.

Кромѣ *народовой стражи* была оставлена имъ и самая «делегація»—люди добрые, патріоты, но составлявшіе вмѣстѣ все-таки ничто иное, какъ «хаоса бытность довременну.»

Эта «бытность хаоса» засѣдала сперва въ своей любезной ресурсѣ; тамъ писались какіе-то протоколы; говорились рѣчи; все это было живо, горячо, но, съ нѣкоторой стороны, преуморительно.

Я упомянулъ нѣсколько выше, что польскіе евреи всегда пользовались революціями края, оказываясь (можетъ-быть очень искренно, это ужь ихъ дѣло) самыми ревностными польскими патріотами. Они всегда что-нибудь чрезъ это выигрывали. Что до поляковъ, имъ тоже нельзя

было шутить съ такою массой народа, хотя бы и жидовскаго, у котораго въ рукахъ вся мелкая, а частію и крупная, торговля края. Въ одной Варшавѣ жидовъ 40 тысячъ человѣкъ слишкомъ, т. е. чуть не треть. И вотъ поляки, начинающіе борьбу, охотно принимали въ свой кругъ эти тысячи; ухаживали за ними, называли ихъ *братьями*, *поляками* Моисеева закона; позволяли жидовской рожѣ Майзельса, Ястрова, и других раввиновъ, болѣе или менѣе почтенныхъ, рисоваться въ фотографическихъ выставкахъ наравнѣ со своими героями, старыми и новыми: Лангевичемъ, Дембинскимъ, Костюшкой... происходило такое братаніе съ жидами, какого нигдѣ и никогда не происходило. Въ этомъ случаѣ Польша и польскіе евреи есть нѣчто совершенно исключительное на всемъ земномъ шарѣ. Каковъ, напримѣръ, типическій Янкель, выставленный Мицкевичемъ въ поэмѣ Панъ-Тадеушъ — такого жида нѣтъ нигдѣ, да можетъ не было и въ Польшѣ. Впрочемъ, правда и то, что послѣ всякой революціи, *поляки Моисеева закона* поступали снова въ *жиды*— и все шло по-старому.

Въ краткую эпоху правленія хаотической делегаціи, какой-то умный еврей, уже чуя, чѣмъ пахнетъ въ воздухѣ, надоумилъ своихъ родичей собрать сумму для бѣдныхъ варшавскихъ ремесленниковъ польскаго происхожденія, которые не имѣли возможности, за недостаткомъ средствъ, справлять свои годовые праздники какъ надо. Сумма была собрана живо, 9,200 злотыхъ, и отправлена въ ресурсу, на имя делегата-ксендза Стецкаго. Лишь только ремесленники объ этомъ узнали, какъ повалили въ ресурсу съ письменными просьбами (иныя были на *гербовой* бумагѣ!) къ Стецкому, объясняя ему свою недостаточность. Эти просьбы складывались въ кучу... что по нимъ воспослѣдовало и по скольку получилъ каждый ремесленникъ, я не знаю. Но Поляки приняли къ свѣдѣнію такую доброхотность евреевъ, припомнили и *крестъ*, и другія движенія въ пользу революціи и, когда импровизированный нижній парламентъ былъ перенесенъ по приказанію намѣстника изъ ресурса въ ратушу, гдѣ делегаты засѣдали уже не иначе, какъ подъ надзоромъ одобреннаго ими оберъ-полицеймейстера Паулуччи — они замолвили передъ нимъ слово о своихъ братьяхъ Моисеева закона и это слово дало впослѣдствіи плоды. Вы увидите это ниже.

Скучно было членамъ новаго парламента засѣдать въ ратушѣ, съ *генераломъ*. Они вздыхали по ресурсѣ — и начавъ что-нибудь подъ предсѣдательствомъ генерала, переносили это дѣло въ ресурсу, подъ *другое предсѣдательство*, и тамъ толковали снова, гораздо дольше и съ большимъ увлеченіемъ, иной разъ до пѣтуховъ. Настоящія существенныя засѣданія были все-таки въ ресурсѣ *безъ генерала*. Начальство, слѣдившее за этимъ, стало употреблять всевозможныя мѣры для прекра-

щенія митинговъ ресурсы. Это вызвало, со стороны поляковь горячую оппозицію — *nie pozwolam*! — и тогда то былъ положенъ краеугольный камень знаменитаго впослѣдствіи «Центральнаго Комитета.

Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльческое общество довѣдалось о тайныхъ сборищахъ соотчичей. Часть помѣщиковъ постоянно ходила въ ресурсу и мыла съ демократами, что называется, чашки и ложки. Большинство было радо такому явленію, какъ тайный комитетъ. (Есть мнѣніе, что земледѣльческое общество было за одно съ демократами во всѣхъ затѣяхъ.) Но умѣренные глядѣли на все это грустными глазами. Они видѣли обнимающій Польшу страшный пожаръ. Имъ хотѣлось остановить его. Но какъ? Начальство было нерѣшительное и мало предупреждало безпорядки. Обратилось къ ребятамъ, къ кучѣ чудаковъ, упавшихъ съ неба, и косились на земледѣльческое общество, гдѣ былъ весь сокъ, вся суть, соль польской земли. А потому, умѣренные люди общества, сговорившись съ благомыслящей половиной ресурсы, сочинили *адресъ къ государю*.

Адресъ пошелъ въ Петербургъ, подписанный Фіалковскимъ, всей аристократіей королевства, какая случилась на лицо; сверхъ того было до 18 тысячъ подписей. Было бы болѣе, но были приняты мѣры. Вотъ этотъ адресъ [1]):

«Государь!

«Горестныя происшествія, случившіяся недавно въ Варшавѣ, раздраженіе, предшествовавшее имъ, и послѣдовавшая за ними глубокая скорбь, проникшая всѣ сердца, побудили насъ повергнуть настоящее прошеніе къ стопамъ вашего величества объ имени всей страны, въ надеждѣ, что ваше благородное сердце, Государь, не отвергнетъ гласъ несчастнаго народа.

«Эти событія, которыхъ горькія сцены мы удерживаемся описывать, вовсе не были вызваны разрушительными страстями отдѣльныхъ классовъ населенія; напротивъ того, они составляютъ единодушное и краснорѣчивое выраженіе чувствъ отвергнутыхъ и нуждъ непризнанныхъ. Болѣе полустолѣтія страданій, претерпѣваемыхъ всѣмъ народомъ, управлявшимся въ теченіи вѣковъ учрежденіями либеральными; народомъ, у котораго отняты были даже законные пути для принесенія Монарху жалобъ и выраженія общихъ нуждъ; все это поставило его въ такое положеніе, что онъ не можетъ иначе проявить свой голосъ какъ стономъ жертвъ. А потому онъ и не перестаетъ приносить эти жертвы.

«Въ глубинѣ души каждаго жителя этой несчастной страны хранится сильное чувство особенной національности, отличной отъ національностей другихъ народовъ Европы. Это чувство не сокрушено ни временемъ, ни событіями; несчастіе не только не ослабило, но укрѣпило его. Все, что оскорбляетъ или вредитъ ему, волнуетъ умы. Вслѣдствіе того, это роковое вліяніе подорвало всякое довѣріе между правителями и управляемыми.

«Довѣріе не можетъ возродиться, пока будутъ употребляемы насильственныя, принудительныя мѣры, не ведущія ни къ какому результату. Страна, нѣкогда стоявшая въ уровень, по образованію, со своими сосѣдями въ Европѣ, не въ состояніи развиваться

---

[1]) См. Совр. Лѣт. 1861 № 11.

ни морально, ни матеріяльно, доколѣ ея церковь, законодательство, публичное воспитаніе и вся ея общественная организація будутъ лишены своей національности и своихъ историческихъ преданій.

«Желанія нашего народа тѣмъ сильнѣе, что въ огромной европейской семьѣ, въ настоящее время, онъ только почти одинъ лишенъ необходимыхъ условій существованія, безъ которыхъ никакое общество не можетъ идти по пути развитія, указаннаго Провидѣніемъ.

«Повергая передъ престоломъ выраженіе нашей скорби и нашихъ пламенныхъ желаній, и вѣря въ высокую справедливость и правосудіе вашего императорскаго величества, мы осмѣливаемся, Государь, взывать къ вашему великодушію».

29 февраля (9 марта) полученъ былъ изъ Петербурга, на имя намѣстника, слѣдующій отзывъ *):

«Я прочиталъ просьбу, которую вы мнѣ прислали. Долженъ бы счесть ее за неумѣстную (comme nulle et non avenue), потому-что *нѣсколько человѣкъ* (quelques individus) пользуясь безпорядками, случившимися на улицахъ, берутъ на себя самовольное право пренебрегать всякими распоряженіями правительства; но я не вижу въ этомъ покамѣсть ничего) кромѣ увлеченія.

»Я посвящаю всѣ мои старанія на приготовленіе реформъ, какихъ требуетъ время и развитіе нуждъ государства. Подданные мои въ королевствѣ составляютъ также предметъ моихъ попеченій. Все, что можетъ упрочить ихъ благосостояніе, не находитъ и не найдетъ никогда равнодушнымъ.

«Я уже далъ имъ доказательство того, что желаю сдѣлать ихъ участниками въ предпринятыхъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ государства. Остаюсь нынѣ все въ тѣхъ же намѣреніяхъ и чувствахъ. Имѣю право разсчитывать на то, что таковыя чувства найдутъ съ ихъ стороны отвѣтъ и не будутъ задержаны на пути желаніемъ чего-либо несвоевременнаго и неумѣреннаго, чего бы Я не могъ имъ дать, не повредивъ интересамъ моихъ подданныхъ. Исполню всѣ мои обязанности. Ни въ какомъ случаѣ безпорядкамъ потакать не буду. На такомъ грунтѣ строить ничего нельзя. Требованія, кои захотѣли бы на немъ опереться, тѣмъ самымъ сами бы себя подкопали. Уничтожили бы всякую довѣренность и встрѣтили бы съ моей стороны суровое порицаніе, ибо двинули бы вспять государство на дорогѣ къ правильному развитію, которой Я неуклонно хочу слѣдовать».

Благосклонный къ вамъ
Александръ».

Положеніе Россіи было въ то время не совсѣмъ спокойно. Польское движеніе нашло себѣ у насъ нѣкоторый отголосокъ. Въ русскихъ безпокойствахъ видѣли отраженіе польскихъ. Воображалось, что тутъ виновата Польша, тогда-какъ въ сущности виноваты были мы, внутренніе безпорядки и нелѣпое состояніе разныхъ атмосферъ. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ также появились плакаты и подземныя типографіи, подававшія руку польскимъ...

---

*) Тамъ же.

Мы дали замѣтить читателямъ выше, что между лицами, составлявши земледѣльческое общество, было всегда много такихъ, которыя но сочувствовали начавшемуся движенію въ Польшѣ и готовы были ть ему руку. Но ихъ удерживало до поры до времени... что-то такое, въ чемъ они сами не могли отдать себѣ отчета. Что-то весьма неопредѣленное; какія-то надежды, питаемыя Замойскимъ и другими *вождями*... Когда же былъ полученъ отвѣтъ на адресъ—всѣ обратились къ вождямъ: что они скажутъ? Вожди молчали....

И вотъ вся масса, сдерживаемая дотолѣ этимъ *Богъ-знаетъ-чѣмъ*, ухнула черезъ плотину. Мутные ручьи побѣжали. Молодежь ресурсы и всякая *краснина* почувствовала себя въ одинъ мигъ сильнѣе въ тысячу разъ, чѣмъ была наканунѣ этого молчка аристократовъ.

Въ это время является на сценѣ административной дѣятельности королевства—маркизъ Велепольскій. Я называю его *маркизомъ*, держась имени, какое пошло въ народъ. Такъ звали его всѣ. Такъ зоветъ его и Мазадъ, въ своихъ статьяхъ о Польшѣ. Собственно же его титулъ таковъ: графъ Велепольскій, маркизъ Гонзаго Мышковскій.

Это былъ одинъ изъ польскихъ магнатовъ первой величины, въ нѣкоторомъ родѣ тузъ, но тузъ, скрывавшійся гдѣ-то во мракѣ, за горами. Всѣ магнатскія фамиліи поляковъ болѣе или менѣе повторялись, болѣе или менѣе были извѣстны даже намъ, русскимъ: это Потоцкіе, Чарторыжскіе, Радзивиллы... кто ихъ не знаетъ? но имя Велепольскаго (по крайней-мѣрѣ для насъ, русскихъ) какъ-будто никогда и нигдѣ не звучало. Онъ явился, какъ *Deus ex machina*; упалъ съ облаковъ. Всѣ смотрятъ: Велепольскій!.. Велепольскій!.. что это за Велепольскій?

Главною причиной беззвучности этого стараго польскаго имени, этого мрака, осѣнявшаго Велепольскаго, была его необщительность и гордость. Едва ли существовалъ на землѣ человѣкъ, столь гордый, какъ маркизъ Велепольскій. Для его гордости можно бы даже выдумать какое-нибудь другое слово. Онъ сидѣлъ въ своей деревнѣ бирюкомъ, окруженный непробиваемой никакими пушками атмосферой важности и неприступности. Въ противность обыкновенной, очень простой и гостепріимной жизни польскихъ помѣщиковъ, онъ устроилъ въ своей деревни звонки, золотыхъ швейцаровъ, доклады и т. п. вещи. Такъ что ѣхать къ нему въ гости, семь верстъ киселя ѣсть, значило, почти навѣрное: только расписаться, или оставить карточку.

Вслѣдствіе этого, его посѣщала одна его родня: Потоцкіе, Островскіе, и еще кое-кто изъ избранныхъ окрестныхъ тузовъ.

Молодость свою Велепольскій провелъ преимущественно за границей. Онъ кончилъ курсъ въ Берлинскомъ университетѣ; сидѣлъ на одной лавкѣ съ теперешнимъ прусскимъ королемъ, и даже былъ съ нимъ очень дру-

женъ. Это обстоятельство было, какъ кажется, первымъ поводомъ къ сближенію маркиза съ Россіей.

Надо сказать правду: природа одарила этого замѣчательнаго человѣка весьма щедро: онъ былъ чрезвычайно уменъ и талантливъ. Главное, на что судьба устремила его талантъ, было—изученіе юридическаго права, исторіи и языковъ. Въ этомъ маркизъ, что называется, собаку съѣлъ. Жизнь очень скоро представила ему самую разнообразную юридическую дѣятельность. Повѣрятъ ли, что съ 1828 года по наше время онъ имѣлъ около 70 крупныхъ и мелкихъ тяжбъ, изъ которыхъ большую часть выигралъ.

Первая, сколько нибудь замѣчательная тяжба его была съ роднымъ дядей за пинчовскій майоратъ.

Надо замѣтить, что польскіе майораты, со времени введенія въ краю наполеонова кодекса (1808) уничтожились. Единственный майоратъ, уцѣлѣвшій какими-то судьбами, былъ майоратъ графовъ Замойскихъ, заключавшій въ себѣ 68 кв. миль и близь 150 деревень.

На основаніи этого, дядя Велепольскаго, имѣя большіе долги, отдѣлилъ, подъ конецъ жизни, часть своего бывшаго майората на удовлетвореніе кредиторовъ, а въ оставшейся его части, въ Пинчовѣ, рѣшился скоротать вѣкъ.

Племянникъ его, *нашъ* Велепольскій, подалъ на дядю просьбу въ варшавскій кассаціонный судъ, объявивъ поступокъ его незаконнымъ, т. е. что майоратъ, несмотря на введеніе кодекса Наполеона, все таки майоратъ и дѣлимъ быть не можетъ. Эта тяжба была имъ однакоже проиграна.

Велепольскій хотѣлъ возобновить свой искъ, но революція, вспыхнувшая затѣмъ въ Польшѣ, помѣшала этому дѣлу. Онъ ѣздилъ даже въ Лондонъ польскимъ революціоннымъ агентомъ и тамъ что-то работалъ противъ насъ въ 1831 году (Графъ Андрей Замойскій съ тѣмъ же самымъ былъ посыланъ въ Вѣну).

Едва окружающая поляковъ атмосфера успокоилась, какъ Велепольскій снова за свои любезныя тяжбы.

Въ 1834 году удалось ему отыскать какой то новый «крючокъ» противъ дяди. Я говорю *крючекъ* не потому, чтобы это былъ въ дѣйствительности крючокъ, а хочу только показать, какъ смотрѣла публика на его иски. Ей постоянно видѣлись, съ его стороны, одни *крючки* и *придирки*, хоть иной разъ, а можетъ и всѣ разы, Велепольскій былъ правъ какъ нельзя больше.

Итакъ, онъ отыскалъ, какъ говорили, какой-то крючекъ противъ дяди и вызвалъ его на публичное состязаніе въ Варшаву. Это возобновленіе проиграннаго уже процесса называется у юристовъ «restitutio in integrum». Народу собралось множество. Зрѣлище было и любопытно, и тяжело, въ

одно и тоже время. Племянникъ выходилъ на бой съ роднымъ дядей, будучи, кромѣ того, прямымъ его наслѣдникомъ, какъ бы сынъ. Въ этомъ-то впрочемъ и заключалась вся штука. Сталъ бы Велепольскій хлопотать о цѣлости чужаго майората!

Такъ-какъ поблика не любила Велепольскаго, и въ процессахъ его видѣла одни крючки и расположеніе къ сутяжничеству, то, присутствуя при рѣшеніи этихъ процессовъ, постоянно желала успѣха его противникамъ; это происходило какъ-то само-собою, помимо воли слушателей. Тоже случилось и тутъ. Велепольскій защищалъ себя очень искусно. Были минуты, когда казалось, что онъ выиграетъ. (Надо замѣтить, что адвокаты, выбираемые имъ, обязаны были держаться его плана. Они передавали его мысли своимъ языкомъ, потому-что самъ онъ говорилъ небойко).

Въ залѣ воцарилось гробовое молчаніе. Всѣмъ было какъ-то не по себѣ. Точно всѣхъ приговаривали къ смерти... Тогда всталъ старикъ Велепольскій, дядя, и сказалъ племяннику оригинальное, увѣщальное слово. Онъ говорилъ съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ, даже, подъ-конецъ заплакалъ. Это произвело необыкновенное впечатлѣніе на всѣхъ, можетъ-быть даже на самыхъ присяжныхъ. Такъ ли, не такъ ли, маркизъ Александръ опять проигралъ тяжбу.

Смерть дяди сдѣлала его наслѣдникомъ Пинчова, правда, Пинчова урѣзаннаго, но онъ присоединилъ къ нему что-то, какія то прилегавшія съ боку земли и, разными хлопотами въ Петербургѣ обратилъ таки все это, въ послѣдствіи, въ майоратъ.

Потомъ Варшава видѣла еще нѣсколько его процессовъ, изъ которыхъ замѣчательнѣе другихъ былъ процессъ о библіотекѣ Свидинскихъ, въ 1858 году. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: было три брата Свидинскихъ. Старшій, извѣстный украинскій магнатъ, имѣвшій владѣнія и подъ Пинчовымъ, собиралъ всю свою жизнь книги, монеты и рѣдкости всякаго рода. Подъ конецъ, это составило огромную и замѣчательную коллекцію, которую старикъ помѣстилъ въ своемъ имѣніи, близь Пинчова. Смотря въ гробъ, онъ думалъ: куда перейдетъ все это добро, стоившее ему такихъ трудовъ и денегъ. Братья его, эмигранты 1831 года, скитались тогда по бѣлу-свѣту и объ нихъ слухъ простылъ. Старику вообразилось, что они никогда не вернутся на родину... Мысль, что его сокровища поступятъ, такимъ образомъ, въ руки москалей, въ казну—обдавала его холодомъ. И вотъ, подумавши и погадавши самъ съ собой, Свидинскій рѣшилъ завѣщать библіотеку съ имѣніемъ, при которомъ она находилась, маркизу Велепольскому, какъ человѣку богатому, тузу, который не могъ ни продать, ни растранжирить его рѣдкостей. Они сдѣлали актъ передачи по формѣ. Вдругъ, въ 1858 году, вслѣдствіе амнистіи, братья Свидинскіе воротились, какъ бы съ того свѣту, и потребовали у Веле-

польскаго возвращенія наслѣдства. (Старшій Свидинскій уже не жилъ) Началась тяжба. Велепольскій проигралъ ее въ Радомѣ, но перенесъ въ варшавскій сенатъ—и тутъ выигралъ.

Менѣе замѣчательныхъ *тяжбъ* я не описываю. И объ этихъ упомянулъ, съ нѣкоторыми подробностями, единственно потому, чтобы читатели могли видѣть *характеръ* процессовъ Велепольскаго: когда онъ считалъ себя вправѣ тягаться.

Трудно сказать вообще какую роль играли всѣ эти тяжбы въ репутаціи маркиза вообще; только соотечественники называли его сутягой. Даже сейчасъ приводилось число поднятыхъ имъ процессовъ—шестьдесятъ три!

Съ этою-то славой дилетанта тяжбъ и крючкотворства появился Велепольскій на политическомъ поприщѣ 1861 года. Можетъ-быть агитаторы воспользовались этой чертой и выставили ее еще рѣзче, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Начинавшейся революціи не нравилося, что противъ нихъ идетъ ихъ же братъ, полякъ, котораго имя все-таки нѣсколько звучно. Между тѣмъ, говоря правду и вглядываясь въ дѣло глубже, этотъ человѣкъ несъ имъ гораздо болѣе благополучія и покоя, нежели могла выработать разорительная, неравная борьба, не имѣвшая никакой серьозной поддержки.

Велепольскій старался сойтиться съ нами еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда русская армія заняла Краковъ, и Велепольскій возбуждалъ славянъ противъ Австріи: эти старанія кончились ничѣмъ.

Но тутъ минута была другая: мы искали вліятельнаго польскаго туза, готоваго принести себя на жертву русско-польскому дѣлу; и притомъ не какого-нибудь, а толковитаго и образованнаго, который былъ-бы въ состояніи работать не однимъ своимъ вліяніемъ и вѣсомъ въ обществѣ, но и перомъ; словомъ, былъ нуженъ тузъ, могущій взять на себя устройство новой, прочной администраціи въ взволнованномъ и мудреномъ краю, — администраціи, которая бы соотвѣтствовала вполнѣ настоящему положенію вещей. Въ Петербургѣ чувствовали, что система и личный составъ управленія Польшею нуждаются въ большихъ перемѣнахъ и улучшеніяхъ. Это чувствовалъ лучше всѣхъ самъ князь Горчаковъ.

Велепольскій-же былъ рекомендованъ намъ, какъ геній и какъ столбъ, на который правительство могло опереться съ честію и смѣло. Дѣйствительно: поговорить съ нимъ нѣсколько времени по душѣ — очаруешься. Это истинно — ума палата. Юридическая его подготовка и опытность, извѣстная всему свѣту, представлялась въ настоящемъ случаѣ рѣшительнымъ кладомъ. Въ заключеніе, вспомнили о его брошюрѣ: *Lettre d'un gentilhomme polonais au prince de Metternich*, гдѣ Велепольскій, по случаю несчастной галицийской рѣзни (будучи также и гали-

ційскимъ помѣщикомъ), разстается съ австрійскимъ правительствомъ, и прямо говоритъ, что онъ идетъ служитель *Романовымъ*. Это случилось въ 1847 году. Тогда же онъ отправилъ сына Сигизмунда на службу въ Россію, въ какой-то уланскій полкъ, адъютантомъ къ графу Ридигеру, и убѣдилъ свою родню: Потоцкихъ и Островскихъ также по отдавать дѣтей въ русскую службу. Вслѣдствіе этого, одинъ изъ Потоцкихъ числился въ канцеляріи Горчакова — тутъ связи съ Горчаковымъ. Велепольскій въ первую же бесѣду очаровалъ престарѣлаго князя...

Все, казалось, было ладно. Упущено изъ вниманія только-то, что Велепольскій, при всемъ его умѣ и другихъ достоинствахъ, сильно хромалъ недостаткомъ политическаго *такта* (болѣзнь, довольно общая полякамъ) и былъ гордъ. Политическому такту научиться трудно: это также талантъ, отпускаемый природой. Этого таланта въ Велепольскомъ не хватало. А гордость и необщительность, въ управленіи народомъ, въ высшей степени щекотливымъ, ужь просто никуда не годились, особенно на томъ мѣстѣ, куда маркизъ пробирался, и при тѣхъ обстоятельствахъ, которыми вокругъ пахло.

Полякъ пойдетъ за вами куда угодно; отдастъ душу, все; позволитъ вязать изъ себя узлы, только ведите себя съ нимъ осторожно. умѣючи; не задѣвайте его заповѣдныхъ струнъ; не задерживайте этого немного норовистаго коня, но и *не распускайте* — nota bene! Радзивиллъ-пане-коханку понималъ какъ никто тайну обращенія съ поляками и едва не ссадилъ поэтому съ трона короля, и даже ссадилъ-бы, еслибъ не русское войско...

Въ медвѣжьихъ лапахъ и фигурѣ Велепольскаго, въ его взглядѣ, манерѣ говорить—увы! было всего меньше свойствъ этого мягкаго, милаго, привѣтливаго, но въ тоже время характернаго и могучаго Радзивилла: этого славянскаго, смѣющагося, открытаго лица, которое такъ и тянуло къ себѣ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, какъ водоворотъ тянетъ и закручиваетъ утлыя лодки. Лицо маркиза всегда глядѣло мрачно. Брови висѣли какъ тучи надъ глазами. Желательно было бы вычислить, сколько разъ онъ въ жизни улыбнулся...

Далѣе—Велепольскій *никогда не служилъ*. Онъ не командовалъ ни ротой, ни батальономъ—и вдругъ главный командиръ! Какъ хотите, это скользко и неловко.

Конецъ концевъ, необходимо было обратить вниманіе и на то, что Велепольскаго *не любили*. Это было очень важно въ ту минуту, когда и любимый человѣкъ, поступивъ на службу сопротивныхъ и идя какъ бы наперерѣзъ всѣмъ, могъ весьма легко спотыкнуться и возбудить богъ-вѣсть какія подозрѣнія, чтоже нелюбимый?..

Вѣроятно, между нашими правительственными лицами все-таки кото-

рые чуяли, чѣмъ собственно пахнетъ Велепольскій, но выбирать было не изъ кого: онъ былъ *одинъ* на юру. Больше не могло и быть: всякій видѣлъ, что тутъ сильно головоломная дорога: что итти по ней—значитъ, почти проститься съ бѣлымъ свѣтомъ, поставить на карту рѣшительно все.

Маркизъ шелъ къ безднѣ, очертя голову. Въ истолкованіи этого очертяголоваго движенія я придерживаюсь тѣхъ, кто за маркиза, то-есть что онъ одушевлялся мужественнымъ чувствомъ гражданина и тѣми обязанностями, которыя въ чрезвычайныя минуты отечества должны быть присущи всякому честному человѣку.

Враги маркиза объясняютъ такой его шагъ единственно политической безтактностью и громаднымъ честолюбіемъ, которое во время не было удовлетворено.

Разумѣется, поляки сразу отъ него отшатнулись. При томъ настроеніи умовъ, какое тогда господствовало въ Варшавѣ нужно было явиться какому-нибудь особенному чорту, чтобы выиграть. Дѣло было страшно испорчено и запутано. Велепольскій (богъ-его знаетъ), кажется, ни объ чемъ этомъ не думалъ—и съ перваго-жъ абцугу окатилъ всѣхъ холодной водой своей надменности.

Онъ прибылъ въ Варшаву около того времени, когда явился адресъ. Само собою разумѣется, что Велепольскому было не совсѣмъ удобно подъ нимъ подписаться. Тѣмъ бы и кончить; но онъ сталъ сочинять *свой* адресъ, который конечно не нашелъ себѣ никакихъ подписей кромѣ его родни, Потоцкихъ да Островскихъ. Въ свѣтѣ же, натурально стали говорить, что Велепольскій потому и не подписалъ *тотъ*, что у него есть *свой*. Это была первая безтактность. Конечно адресъ маркиза не могъ имѣть никакого ходу.

Еще не вступая ни въ какую должность, Велепольскій былъ уже изолированъ, стоялъ особнякомъ, внѣ всякаго польскаго кружка. Земледѣльческое общество отказалось принять его въ свои члены. Отъ него несло для поляковъ *русскимъ духомъ* и, въ добавокъ, свойственнымъ ему холодомъ бѣлыхъ шпицбергенскихъ медвѣдей.

Будучи страшно самолюбивъ (и все-таки полякъ, а извѣстно: что ни полякъ, то стремленіе образовать собственную партію; проще говорятъ: *что ни полякъ—то и партія*), маркизъ никакъ не могъ простить Варшавѣ ея увлеченія графомъ Андреемъ Замойскимъ, который, правда, не имѣлъ и сотой доли талантовъ и ума Велепольскаго, но зато былъ человѣкъ-душа, незапятненная передъ поляками ни единымъ сопротивнымъ помысломъ. Въ Варшавѣ и даже почти во всей Польшѣ его звали просто *Андрей*. Русскіе называли *Андрюха*. Между «Андрюхой» и Велепольскимъ давно пробѣжала черная кошка, которую видѣлъ хорошо одинъ Велепольскій, а Замойскій смотрѣлъ на все это довольно равнодушно.

Въ добавокъ ко всему сказанному, Велепольскій понялъ *тогдашнее значеніе* земледѣльческаго общества; понялъ, что Замойскій и другіе, умѣреннѣйшіе, сыграли въ молчанку, когда пришелъ отвѣтъ на адресъ и дали такимъ обрязомъ развиться революціи. Такъ-какъ онъ шелъ противъ революціи, стало-быть шелъ и противъ помѣщиковъ. Земледѣльческое общество и Замойскій стояли на дорогѣ. Онъ скоро попросилъ ихъ посторониться. *)

Н. Бергъ.

Краковъ 1864 г.

(*До слѣдующей книжки*).

*) Не желая измѣнять своеобразнаго колорита статьи нашего почтеннаго корреспондента, представляющаго, по нашему мнѣнію, такой живой интересъ, мы не тронули его воззрѣній на историческое развитіе русскаго народа, хотя и не можемъ вполнѣ согласиться съ ними. *Ред.*

СЪ НѢМЕЦКАГО.

РЕБЕНКУ.

Сядь-ка на колѣни, ты ко мнѣ скорѣй
И рученкой шею крѣпче мнѣ обвей.

Глазки что такъ ясно, весело глядятъ
Целовать безъ счету, я весь день бы радъ.

Все бы слушалъ звонкій, дѣтскій голосокъ,
Слушалъ, отдыхая сердцемъ отъ тревогъ.

Хочешь покачаю, сказку разскажу,
Спать тебя въ кроватку, съ пѣсней уложу.

Въ свой чередъ уложишь, ты меня потомъ,
Какъ заснуть придется мнѣ послѣднимъ сномъ.

Будетъ позабыта пѣснь моя со мной...
Ты объ ней малютка вспомнишь-ли порой?

А. Плещеевъ.

ПЕРВЫЕ ДВА ГОДА ПОСЛѢДНЯГО
ПОЛЬСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

(Продолженіе.)

Первыя дѣйствія маркиза Велепольскаго. — Выходки польскихъ газетъ. — Реформы. — Рѣчь Велепольскаго къ ксендзамъ и выходки поляковъ противъ него. — Закрытіе Земледѣльческаго общества. — Манифестація у дома этого общества, у дома Замойскаго и на Замковой площади. — Удаленіе войскъ. — Распоряженіе о сборищахъ. — Сборище на площади Сигизмунда и стрѣльба. — Запрещенія и аресты. — Процессіи внутрь края. — Смерть кн. Горчакова и сужденіе о немъ. — О ген. Сухозанетѣ. — Всяческіе безпорядки въ Варшавѣ. — Отношенія ген. Сухозанета къ марк. Велепольскому. — Новыя учрежденія. — Русская полиція, сформированная ген. Потаповымъ. — Пѣніе гимновъ. — Гимнъ *z dymem pożarow*. — Гимнъ *Boże coś Polskę*. — Прибытіе ген. Ламберта. — Ген. Герштенцвейгъ. — Смерть Фіалковскаго. — Манифестація на его похоронахъ. — Съѣздъ въ Городлѣ. — Плакаты. — Разсказъ странника. — Протестъ. — Годовщина смерти Костюшки. — Аресты въ костелахъ. — Смерть ген. Герштенцвейга и отъѣздъ ген. Ламберта. — Отставка Велепольскаго. — Пріѣздъ ген. Лидерса. — Закрытіе костеловъ. — Театры. — Назначеніе Фелинскаго. — Манифестаціи противъ него. — Растрѣляніе Арнгольда и Сливицкаго. — Рана ген. Лидерса. — Слухи о Потебнѣ. — Назначеніе В. К. Константина Николаевича. — Рѣчи Велепольскаго. — Прибытіе В. К. и покушеніе Ярошинскаго. — Вопросъ объ убійствахъ въ центральномъ комитетѣ. — Газета *Głos kapłana*. — Организація возстанія. — Кто былъ членами ц. комитета. — Рыль и Ржонца. — Казни. — Занятія Великаго Князя. — Снятіе военнаго положенія. — Отношенія къ маркизу Велепольскому.

11 (23-го) марта того же 1861 года объявлено въ газетахъ, что временная делегація города Варшавы, засѣдавшая въ ратушѣ подъ начальствомъ генерала Паулуччи, перестала существовать; а 15 (27-го), вмѣсто бывшаго учебнаго варшавскаго округа и духовнаго отдѣла учреж-

---

Нашъ почтенный корреспондентъ проситъ насъ сдѣлать замѣтку, что онъ въ своей статьѣ уступилъ интересу минуты и сообщаетъ все, что можетъ, быстро, и проситъ снисхожденія, если что не такъ. Оставя статью въ портфелѣ

дено *министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія*, въ коемъ главнымъ предсѣдательствующимъ директоромъ, иначе *министромъ*, назначенъ графъ Александръ Велепольскій, маркизъ Гонзага-Мышковскій.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что, прощаясь съ городомъ, делегація особой печатной статьей, допущенной во всѣхъ газетахъ, взывала къ жителямъ о сохраненіи порядка, рекомендуя «неуклонное шествіе по избранному пути, съ соблюденіемъ политической зрѣлости.»

Велепольскій поселился въ казиміровскомъ палаццѣ, что на краковскомъ предмѣстьи, рядомъ съ монастыремъ визитокъ [1]). Принимая у себя чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ (того же 15 (27-го) марта), онъ сказалъ имъ слѣдующую рѣчь, смотря въ маленькую бумажку. Иначе онъ никогда не говорилъ.

на полгода, конечно, можно бы придти къ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ взглядамъ, добавить кой-какія подробности... но имѣетъ свою цѣну и кипящая быстрота, которой, какъ телеграфу, должны быть прощены грамматическіе недосмотры и ошибки. Статья не имѣла прошедшаго, никому не была прочтена. Настоящее положеніе вещей въ Краковѣ и въ Варшавѣ дѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ подобныя чтенія. Автору пришлось разсуждать самому съ собой и съ разными брошюрами, которыхъ число вообще, у насъ и за границей, очень не велико. Сдѣлавъ замѣтку, которую желалъ нашъ многоуважаемый корреспондентъ, мы должны прибавить, что нѣкоторая неполнота его статьи произошла вовсе не отъ него и въ огромной долѣ сдѣлалась здѣсь въ Петербургѣ.—Впрочемъ, изложеніе событій въ томъ порядкѣ и объемѣ, какъ они представлены нашимъ почтеннымъ корреспондентомъ, дѣлается имъ едва ли не первымъ.—Наконецъ, чтобы читатель могъ судить, до какой степени велики и неисчислимы всевозможныя препятствія для разъясненія польскаго дѣла, мы сообщаемъ изъ письма Н. В Берга, изъ Варшавы, отъ 25 февраля слѣдующее: «Я принужденъ былъ оставить Галицію и выѣхать сюда. Дальше идти нельзя. Я нетолько уперся въ стѣну, но даже попалъ за стѣну: «сидѣлъ за рѣшоткой, въ темницѣ сырой» *два дня не опрошенный*. Тамъ было еще нѣсколько человѣкъ разныхъ націй. Намъ давали отъ казны *только воду*. По снятіи протокола, ночью, на другой день, меня выпустили и велѣли немедленно выѣхать изъ Кракова.—Посадить за желѣзную рѣшотку чужаго подданнаго, имѣющаго законный паспортъ, посадить за то, что у него, нашлись необходимыя для его статьи брошюры, *выставленныя въ окнахъ магазиновъ въ Краковѣ* и не давать ничего кромѣ воды; даже не давать кровати на ночь и свѣчи,—это уже через-чуръ.» Впрочемъ, читатели узнаютъ о заключеніи нашего корреспондента подробнѣе изъ слѣдующаго № нашего журнала, гдѣ мы надѣемся помѣстить корреспонденцію Н. В. Берга о положеніи вещей и о дѣйствіяхъ поляковъ въ Галиціи. *Ред.*

[1]) Кажется имя «казиміровскаго» онъ получилъ оттого, что былъ построенъ супругой короля Іоанна III Собесскаго, которую звали *Іоанна-Казиміра*.

«ГОСПОДА!

Привѣтствую въ лицѣ вашемъ сотрудниковъ; привѣтствую чиновниковъ не учебнаго варшавскаго округа, а возсозданнаго министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Эта перемѣна означаетъ еще болѣе глубокую и существенную перемѣну вещей. Самъ Монархъ возвращаетъ нашему отечеству самое важнѣйшее для народа дѣло—дѣло вѣры и просвѣщенія (przez nią Monarcha sprawę dla narodu najważniejszą, sprawę wiary jego i oświaty, znowu jak dawniéj na łono kraju zwraca.)

Настоящее собраніе наше, какъ товарищей, есть первое выраженіе реформъ, Всемилостивѣйше намъ ассюрированныхъ; а затѣмъ, въ насъ и нами долженствующая совершиться перемѣна да будетъ основаніемъ другихъ улучшеній: ибо къ чему-бы все это послужило, еслибъ мы не старались образовать изъ молодаго поколѣнія людей, способныхъ принять удѣлъ въ такихъ серьозныхъ преобразованіяхъ?

Трудъ нашъ тяжелъ и великъ. Полнѣйшая реорганизація гимназій; восполнѣніе отдѣловъ гимназіи высшей, впродолженіи столь долгаго времени праздныхъ — это задача не малая!

Чтобъ содѣйствовать успѣху всего этого—подадимъ другъ другу руки!»

Чиновники, послѣ этой рѣчи ничего. Посмотрѣли на Велепольскаго не безъ любопытства, какъ на рѣдкаго звѣря, и разошлись. Многіе изъ нихъ никогда его не видывали и мало объ немъ слыхали.

Въ газетахъ было публиковано о готовящихся чрезвычайныхъ преобразованіяхъ. Обѣщанъ былъ государственный совѣтъ королевства въ Варшавѣ, и такіе же по губерніямъ, повѣтамъ и городамъ. Предполагалось открытіе высшей гимназіи.

Все это *предполагалось*. Но еще ничего не было готово.

Поляки уже читали въ это время совсѣмъ другое, между строками: оффиціальные листки Варшавы изловчались въ иномъ мѣстѣ поставить и свою закорючку. Вдругъ, подъ черточкой, оказывались, какъ бы ненарокомъ врошенныя слова: Baczność! Burza nadchodzi! (Бдите, буря приближается!) И больше ничего. Опять черточка и точка. Это была для того, кому вѣдать о томъ надлежало, цѣлая огромная статья. Цензура, состоявшая изъ поляковъ, пропускала подобныя вещи, зная, какіе мы русскіе ротозѣи и обломовы.

Праздникъ *резуррекціи*, близкій къ нашему выносу плащаницы, никогда до тѣхъ поръ не вызывавшій въ газетахъ никакихъ особенныхъ разглагольствій (онъ приходилъ и проходилъ, какъ всѣ праздники, безъ всякихъ дифирамбовъ прессы), тутъ, въ мартѣ 1861 года, сопровождался между-прочимъ такими словами: «всѣ, единою слитые мыслію, наполнили костелы, ибо минута резуррекціи—это тріумфъ вѣры; это воскресеніе распятаго на крестѣ Спасителя міра, который, не смотря на то, что прошелъ по терніямъ мученичества, всталъ снова и восторжествовалъ побѣду, въ срамъ и стыдъ врагамъ своимъ».

Понятно, какія соображенія и сравненія выводилъ отсюда читавшій

эти строки польскій людъ—между тѣмъ какъ наэлектризованный воздухъ жегъ и палилъ ему нервы...

Въ одномъ журналѣ, въ передовой статьѣ, сочинена была особая молитва и сказано: «да идетъ, подъ ея знаменемъ, впередъ, съ достоинствомъ зрѣлаго народа, и взявъ за лозунгъ крестъ Господа, со святыми словами, кои повторяемъ ежедневно: *«и не введи насъ во искушеніе»*, дойдемъ до цѣли, ибо Господь *«избавитъ насъ отъ лукаваго»*.

Такія вещи печатались тогда нерѣдко. Начальство не обращало на нихъ вниманія; одинъ Велепольскій слышалъ хорошо, что такое носится въ воздухѣ и сильно просилъ принять скорѣе мѣры по преобразованію края; и вотъ, подписанъ протоколъ государственнаго секретаріата царства польскаго, относительно учрежденія государственнаго совѣта, въ Варшавѣ, а также и совѣтовъ губернскихъ, повѣтовыхъ и городскихъ, по выборамъ.

Объявляя объ этомъ, Князь Горчаковъ взываетъ къ жителямъ такъ:

«Поляки!

Важныя событія настоящей минуты заставляютъ меня обратиться къ вамъ еще разъ со словами мира и разсудка.

Постановленія, всемилостивѣйше дарованныя Его Императорскимъ и Царскимъ Величествомъ, суть вѣрное ручательство за сохраненіе интересовъ вашего края,—за сохраненіе того, что дороже всего вашему сердцу: религіи и народности.

Воля Его Величества такова, чтобы эти учрежденія были введены какъ можно скорѣе и добросовѣстнѣе.

Въ видахъ осуществленія сего, окажите единодушное желаніе соблюдать порядокъ и спокойствіе, и остерегитесь отъ волненій, которыхъ правительство терпѣть не станетъ, и которыя каждое правительство обязано преслѣдовать.

Князь намѣстникъ Горчаковъ.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Велепольскій принималъ у себя епископа Декерта [1]) и другія духовныя лица Варшавы, причемъ сказалъ имъ слѣдующую рѣчь:

«Достойный ксендзъ—епископъ!
Почтенные прелаты и отцы!

Въ предстоящемъ здѣсь римско-католическомъ и уніатскомъ духовенствѣ поздравляю нынѣ вѣстниковъ мира!

Отверзтую въ народѣ передъ нашими глазами пропасть всесильная десница Провидѣнія начинаетъ сверзать и послѣ дней печали настаетъ утѣшеніе и радость.

Римско-католической церкви надлежитъ все мое вниманіе. Упомянуть объ этомъ мнѣ тѣмъ естественнѣе, что вѣра католическая есть моя и отцовъ моихъ вѣра. Но сію мою стремительность и благорасположеніе (życzliwość) къ церкви я сдерживаю пока на возжахъ.

---

[1]) Сколько извѣстно по оффиціальнымъ источникамъ, Фіалковскій не былъ у Велепольскаго, а равно и послѣдній у Фіалковскаго.

Такъ, достойный ксендзъ-епископъ, уважаемые прелаты и отцы! Я—представитель власти, завѣдывающей всѣми исповѣданіями, соединенно съ просвѣщеніемъ. Я буду держаться только дѣйствительной и разумной терпимости—одного изъ величайшихъ достояній нашего вѣка [1]).

Будучи членомъ правительства всемилостивѣйшаго моего Государя, я нигдѣ, на сколько могу, а тѣмъ болѣе въ моемъ вѣдомствѣ, не допущу правительствъ въ правительствѣ. Отъ установленныхъ правилъ никому уклоняться не позволю и готовъ охотно выслушивать жалобу на стѣсненіе. Если она окажется справедливой, удовлетворю ей, на сколько имѣю власть, или представлю оную на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Потребности церквей и особъ духовныхъ буду имѣть всегда въ виду.

Надѣюсь на ваше благоразуміе и умѣренность. А вы, уважаемые господа, надѣйтесь также и на мои вамъ добрыя пожеланія.»

Легко замѣтить, что тонъ этой рѣчи уже гораздо выше и грубѣе произнесенной къ чиновникамъ 15 (27-го) марта. Это гораздо болѣе «съ высока»—z góry—какъ выражаются поляки. Велепольскій шелъ такимъ путемъ на основаніи слѣдующихъ соображеній: онъ зналъ очень хорошо, что духовенство въ Польшѣ—все. Что надо-де озадачить ихъ—и тогда конецъ! Показать имъ, что я—молъ *все вижу и понимаю*, «życzliwość» моя къ церкви и къ духовнымъ, то-есть расположеніе, желательность,—и разскакалась-бы, но вы бударажите, за одно съ бабьемъ и ребятишками, народъ, а потому я «сдерживаю на возжахъ эту живчивость». Исправьтесь и тогда увидите, какой я добрый.

Пугнуть непослушную и безобразную толпу картечью — это еще имѣетъ смыслъ; но пугать такими словами кучу іезуитовъ, въ расположеніи которыхъ мы имѣли нужду,—и къ тому же, пугать при первомъ съ ними знакомствѣ—это было конечно новой политической безтактностью маркиза.

И Декертъ, и всѣ другіе «шановные прелаты и отцы» молча, по іезуитски, опустили глаза и головы. Между ними и ихъ министерствомъ все было кончено.

«Ты говоришь: не потерплю жонду въ жондѣ (проворчали они, сходя съ его ступеней), а какъ потерпишь? И, можетъ-быть, ужь терпишь!..»

Правительство въ правительствѣ дѣйствительно уже существовало: центральный комитетъ, называвшійся тогда между поляками *главнымъ комитетомъ*, разсылалъ печатные плакаты. Нѣкоторые изъ нихъ народъ считалъ голосомъ, исходящимъ изъ устъ архипастыря. — При монастыряхъ заводились тайныя типографіи.

Того-же дня, вечеромъ, городъ уже иначе говорилъ о Велепольскомъ.

---

[1]) Nie zbocze więc z toru prawdsiwéj tolerancji, jednego z wielkich nabytków wieku.

Послѣдніе голоса въ его пользу умолкли. Осталось очень, очень немного.

Вскорѣ вышла въ свѣтъ фотографическая карточка, изображающая Велепольскаго въ креслахъ, съ кулакомъ на столѣ. Сверху была надпись: «nie ścierpię Rządu w Rządzie» (не потерплю правительства въ правительствѣ)—а кругомъ, въ мелкихъ виньеткахъ, кипѣла подземная дѣятельность: типографскіе станки, подслушиванье, разсылка депешъ...

Необходимо замѣтить, что маркизъ важно обошелся и съ русскими: его душа не переваривала многихъ лицъ, какими былъ окруженъ намѣстникъ. На его вечерахъ въ палацѣ казиміровскомъ, а потомъ брюловскомъ, все было развѣшиваемо по аптекарски, какъ бы у какой коронованной особы. Маркизъ кому подавалъ палецъ, кому два, кому только кивалъ головою.

Наши не церемонились долго: поглядѣли, поглядѣли — и провозгласили его *измѣнникомъ*. Ничто такъ не слетаетъ легко со всякаго русскаго языка, какъ обвиненіе въ измѣнѣ. И пойдутъ толковать, выводить, подмигивать... Слово это принялось, ходило по Варшавѣ во все господствованіе Велепольскаго, и даже уѣхало съ нимъ на островъ Рюгенъ. Хотя въ сущности это былъ вздоръ ужасный. Маркизъ Велепольскій могъ быть политически несладенъ, гордъ, но измѣнникомъ онъ никогда не былъ.

Любопытно-бы было заглянуть въ его душу, когда онъ отпустилъ «шановныхъ прелатовъ и отцевъ»: что онъ думалъ и какъ себя чувствовалъ? Мнѣ кажется, онъ чувствовалъ себя, какъ Ноздревъ послѣ какой-то нелѣпой закуски, когда объяснялъ Чичикову, что у него во рту точно эскадронъ переночевалъ...

Правду сказать, никому тогда нездоровилось. Увѣщательные приказы писались, одинъ за другимъ, рѣчи говорились. Правительство приступало къ преобразованіямъ, къ улучшеніямъ, но тѣмъ не менѣе думало и о военныхъ мѣрахъ. На другой же день, послѣ «духовной» бесѣды Велепольскаго съ шановными прелатами, прибылъ въ Варшаву Хрулевъ. Объ немъ было очень много писано въ разныхъ газетахъ; живетъ онъ между нами, а потому я избавлю читателей отъ характеристики этого извѣстнаго генерала.

Затѣмъ, чрезъ три дня, закрыто земледѣльческое общество, какъ «принявшее несоотвѣтственное настоящему времени направленіе»,—такъ сказано въ газетахъ.

Вслѣдъ за закрытіемъ земледѣльческаго общества произошли манифестаціи.

Что говорили по этому поводу въ купеческой ресурсѣ, того «не лѣть намъ, русскимъ человѣкамъ, глаголати». Рѣшено было произвести на

другой день какую-нибудь серьозную демонстрацію. Дѣйствительно, 26 марта (7 апрѣля) устроилось слѣдующее:

Двѣ процессіи вышли изъ костеловъ капуцинскаго и бернардинскаго, имѣя во главѣ духовныя лица, съ крестами, между которыми былъ и сломанный 25 февраля. Процессіи потянулись на повонзковское кладбище, гдѣ, нѣсколько прежде, собралось множество народу у могилы *5 жертвъ*. Ее украсили вѣнками и различными эмблемами, съ польскимъ орломъ. Пѣли патріотическіе гимны и потомъ, совершивъ поминки, отправились всей гурьбой обратно въ городъ, неся въ рукахъ цвѣты и зеленыя вѣтви.

Часу въ четвертомъ, кучи народу, составленныя преимущественно изъ тѣхъ, кто былъ на Повонзкахъ, всего на-все тысячъ двадцать, явились передъ домомъ кредитнаго общества [1]), все съ тѣми же зелеными вѣтвями и цвѣтами. Немного послѣ вышла почти такая же толпа изъ маршалковской улицы, неся вѣнки, между которыми былъ одинъ значительныхъ размѣровъ, съ надписью: *земледѣльческому обществу*. И эта толпа направилась къ тому же дому. Вскорѣ онъ покрылся цвѣтами и вѣнками. Нашего орла, возвышавшагося надъ фронтономъ, одѣли чернымъ крепомъ, и рядомъ съ нимъ подняли торжественно бѣлаго польскаго орла, при громкихъ крикахъ и пѣніи гимна: «Pod Twoję obronę» (къ тебѣ прибѣгаемъ) и «jeszcze polska nie zginęła».

Само собою разумѣется, намѣстнику тотчасъ дали объ этомъ знать. Онъ послалъ туда генерала Панютина, очень извѣстнаго полякамъ и даже иными любимаго. Онъ былъ тогда генералъ-губернаторомъ города Варшавы. Панютинъ легко проникъ въ толпу, но провожавшаго его казака не пустили, сказавши: «для чего вамъ казакъ? Вы можете придти къ намъ и такъ, вамъ бояться нечего». — Да я и не боюсь, сказалъ Панютинъ. «Niech żyje jenerał!» закричали кругомъ (да здравствуетъ генералъ!).—Что вы тутъ дѣлаете, дѣти мои? спросилъ онъ ихъ громко. «А такъ, пришли поминки творить по земледѣльческому обществу.»—А эти гирлянды? «Это отъ разныхъ польскихъ провинцій: Волыни, Подола, Бялоруси, Мазовша, Украйны, Литвы»...—Ну, а этотъ орелъ? «Это нашъ польскій орелъ: пришли поляки творить поминки по умершему польскому обществу, стало тутъ и нуженъ на это время польскій орелъ. Мы взяли вашего и занавѣсили!» [2])—Все это, братцы, называется безпорядкомъ. Разойдитесь пожалуйста по домамъ! «Ладно, мы сейчасъ пойдемъ!»

---

[1]) Тамъ было бюро земледѣльческаго общества, а въ намѣстниковскомъ палацѣ оно только засѣдало.

[2]) Все это изложено по польскимъ источникамъ (wiadomości z kraju) съ весьма незначительными добавленіями по разсказамъ очевидцевъ.

сказали нѣкоторые голоса; и точно толпы пошли, но не по домамъ, а къ графу Андрею Замойскому, въ домъ его, рядомъ съ большимъ, откуда впослѣдствіи стрѣляли по генералу Бергу. Замойскій жилъ внутри двора, въ оффицынѣ [1]), которая имѣла балконъ. Передъ этимъ балкономъ собрались страшныя массы народу и просили Замойскаго выйти. Онъ выслалъ секретаря, но этимъ не удовлетворились и снова требовали самого графа. Замойскій вышелъ... легко понять, что такое послѣдовало! Огромный вѣнокъ былъ врученъ ему отъ имени народа...

Въ это время изъ замка двинуто двѣ роты солдатъ къ дому кредитнаго общества, чтобы разогнать собравшійся тамъ народъ и снять орла, но ни народу, ни орла не нашли и воротились къ замку, гдѣ стали около воротъ, въ колоннахъ. Было предположеніе, что толпы непремѣнно соберутся у замка. Такъ и вышло. Пошумѣвъ передъ домомъ Замойскаго, массы двинулись на замковую площадь и подошли къ самымъ войскамъ, носъ къ носу, такъ что не было никакого разстоянія между народомъ и солдатами,—и давай всячески трунить надъ послѣдними. Иныя отчаянныя конфедератки предлагали имъ сигаръ. Тѣ, разумѣется, глухо молчали. «Ваше благородіе!» кричалъ иной сорванецъ офицеру: «позвольте солдату покурить! Безъ васъ не беретъ. А то, можетъ, и вамъ угодно сигаръ?..»

Зрѣлище было крайне-странное и возмутительное. Офицеры и солдаты выражали негодованіе. Князь Горчаковъ вышелъ на площадь (читатели припомнятъ обѣщаніе, данное имъ делегатамъ: выйти и объясниться съ народомъ *лично*, при первомъ замѣшательствѣ)—вотъ онъ и вышелъ и, толкуя кое съ кѣмъ, дошелъ до колонны Зигмунта и тутъ сѣлъ на поданную ему лошадь, чтобы обозрѣвать съ нея все, какъ съ пьедестала. Онъ вздумалъ было что-то говорить, куда!.. поднялись крики. Князь разсердился и сказалъ довольно громко: «Пошли вонъ!»—Это не подѣйствовало. «Я велю стрѣлять!» крикнулъ князь Горчаковъ. — Стрѣляйте, отвѣчали ему: вотъ наши груди; развѣ мы пятимся! Лучше смерть, нежели неволя! Давайте намъ права, конституцію, земледѣльческое общество! и проч.

Иные шутники замѣчали: «убирались бы въ замокъ, старикъ: сыро, вечеръ, катарру хватите!»

Адъютанты намѣстника, протискиваясь въ народъ, тщетно старались возстановить порядокъ. Никто ничего не слушалъ. Велѣно было наконецъ спросить: «чего-жъ они хотятъ и когда розойдутся?»—Когда войска уйдутъ и мы уйдемъ! заголосили коноводы манифестаціи. И, вообра-

---

[1]) *Оффицыной* называется у поляковъ отдѣльный внутренній флигель, а также и заворотъ дома внутрь.

зите, князь Горчаковъ уступилъ!! (Надо было конечно чувствовать подъ ногами мины, съ приставленнымъ къ нимъ фитилемъ, чтобъ дойти до такой поблажки народу; иначе она необъяснима.) Войскамъ приказано ретироваться въ замокъ. Они уходили, съ висящимъ на хвостѣ народомъ, который какъ будто-бы вгонялъ ихъ въ замокъ. Представьте торжество манифестаторовъ. По площади раздались свистки, ура. Коноводы велѣли строиться толпѣ въ правильные ряды: красныя конфедератки къ краснымъ, зеленыя къ зеленымъ — и такъ, ликуя, замаршировали въ Саксонскій садъ. Если попадалась на встрѣчу цилиндрическая шляпа, ее сбивали и топтали ногами. Съ этихъ поръ началось преслѣдованіе нашихъ шляпъ. Дѣло было къ вечеру. Долго по городу слышался необузданный крикъ: *wygrana! wygrana*! (побѣда, побѣда)!..

Ночью было шумное сборище въ ресурсѣ. Мѣшать никто и не думалъ. Замѣтьте, что *народовая стража* все еще существовала! дѣти видѣли, что имъ поблажаютъ; что ихъ... какъ-будто боятся, и задумывали итти далѣе.

Но въ то же время было не менѣе шумное засѣданіе и въ замкѣ. Всѣ пришли къ убѣжденію, что шутить тутъ нечего. Что если еще разъ повторятся подобныя оскорбленія, направленныя противъ солдатъ и офицеровъ, трудно ручаться за десциплину войскъ: онѣ сами принуждены будутъ за себя вступиться, если за нихъ никто не вступится.

Написано было тогда же ночью правило, что всякія сходки отнынѣ воспрещаются народу, подъ страхомъ употребленія военной силы. Если замѣчено будетъ, что толпы гдѣ-либо собираются—ударитъ барабанъ. Кто останется послѣ этого на улицѣ въ кучахъ, будетъ взятъ подъ стражу, и просидитъ отъ 8 до 12 дней. Ослушники втораго барабана задерживаются въ смирительномъ домѣ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ. Ослушники третьяго—тамъ-же, отъ 6 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. А кто станетъ оказывать сопротивленіе при арестѣ, того въ крѣпость отъ 3 до 5 лѣтъ.

Съ ранняго утра 27-го марта (8-го апрѣля) правительство старалось огласить въ городѣ это постановленіе, но объ немъ никто не хотѣлъ и слышать. А часть жителей дѣйствительно не знала и не видала его въ глаза. Городъ всталъ, какъ пьяный отъ вчерашнихъ исторій. Никому не вѣрилось, что у нихъ въ самомъ дѣлѣ есть... какая-то сила, способная даже удалять съ плацовъ регулярныя войска.

Прежде нежели какое-либо правительственное оглашеніе могло распространиться какъ слѣдуетъ, толпы уже стали бродить по улицамъ. Костелы капуцинскій и бернардинскій перезванивались, кажется, съ той мыслію, что изъ обоихъ имѣли двинуться процессіи, дабы сойтись въ одномъ пунктѣ (вскорѣ за колонной Зигмунта) и итти вмѣстѣ къ замку, для добыванія себѣ новыхъ привиллегій.

Первая процессія пошла отъ капуциновъ по Медовой улицѣ, съ факелами, знаменами и съ крестомъ напереди, который несъ чрезвычайно-рослый дѣтина Новаковскій, ученикъ художественной школы (онъ участвовалъ во всѣхъ предъидущихъ демонстраціяхъ и былъ всегда на самомъ видномъ мѣстѣ). Дойдя до Сенаторской, процессія повернула налѣво, къ колоннѣ Зигмунта, дабы, обогнувъ ее, слѣдовать къ бернардинамъ, откуда имѣла выступить, какъ уже сказано, другая процессія, для соединенія съ этой. Но были уже приняты мѣры: у колонны Зигмунта первая процессія встрѣчена казаками и разсѣяна очень быстро. Новаковскій взятъ, и отправленъ въ крѣпость. Несомый имъ крестъ сломанъ. Говорили, что онъ же его и сломалъ, защищаясь, но изъ этого сочинили новую исторію о «сломанномъ крестѣ». Пошли рисунки, гдѣ Новаковскій былъ представленъ обнимающимъ крестъ, или молящимся на него, съ самымъ постнымъ и печальнымъ выраженіемъ лица. Не знаю, какимъ образомъ это сдѣлано, но явились фотографическія карточки Новаковскаго именно въ этомъ видѣ, передъ крестомъ на колѣняхъ. Карточки сняты несомнѣнно съ него самого, а никакъ не съ рисунка. Я видалъ ихъ въ Варшавѣ, Краковѣ и Львовѣ.

Такова была участь первой процессіи. Другая, вышедшая отъ бернардиновъ, видя уже невозможность соединенія съ капуцинской, направилась къ статуѣ Богоматери, что тутъ же недалеко, налѣво, противъ дома Мальча, гдѣ XI циркулъ. Началось пѣніе, молитвы... Былъ часъ третій дня. Въ это время ѣхала мимо, отъ почты (которая оттуда въ пяти шагахъ выше, по краковскому предмѣстью, къ спуску на Вислу), почтовая карета. Возницы этихъ каретъ, одѣтые обыкновенно почтальонами и имѣющіе при себѣ рожки, умѣютъ трубить на нихъ что угодно. Почтальонъ этой роковой кареты вздумалъ, поравнявшись съ молящимися у статуи, хватить на своемъ рожкѣ: «jeszcze Polska nie zginęła». Половина народу бросилась къ нему къ криками ура, и, окруживъ карету, бѣжала почти до самаго мосту, а почтальонъ трубилъ.

Тогда изъ замка выступилъ взводъ солдатъ съ барабаномъ, приглашавшимъ жителей къ порядку. Солдаты маршировали; барабанъ билъ. Уже привыкши обходиться съ войсками за панибрата, толпы, бросивъ почтальона, который укатилъ себѣ подъ гору на мостъ, повалила къ барабану. Онъ билъ, а народъ стекался и стекался. «Что это?» спрашивали задніе. А тамъ ужь пододвигались откуда-то еще и еще, и тоже спрашивали: «что это значитъ?» Другіе, конечно, знали, что значитъ, а все-таки шли и спрашивали уже просто для смѣху. Очень скоро площадь у Сигизмунда, потомъ улицы: сенаторская, подвальная и пивная наполнились народомъ...

Въ эту минуту начались хрулевскія атаки, сперва казаками и жан-

дармами, но когда это оказалось недѣйствительнымъ, и въ войска полетѣли камни и полѣнья, выстроена колонна пѣхоты и грянули залпы. Стрѣляли по направленію сейчасъ поименованныхъ улицъ, а также и по свентоянской. Само собою разумѣется, что при этомъ оказалось много раненыхъ и убитыхъ. Ихъ сносили на дворъ замка. Иныхъ народъ втащилъ въ кандитерскую «*Belego*», въ клубъ, въ европейскую гостинницу, въ домъ Лезлера, но войску велѣно было ихъ оттуда взять, чтобъ не вышло послѣ новыхъ *жертвъ* и новыхъ манифестацій, подъ личиной панихидъ, комитетовъ о раненыхъ и т. п.

Разумѣется, не обошлось безъ неизбѣжныхъ трагическихъ сценъ, которыми и не преминула воспользоваться партія движенія. Вотъ нѣсколько разсказовъ, которые коноводы всячески распространяли. Близь колонны Зигмунта какая-то молоденькая и хорошенькая полька, помогая народу собирать трупы, была сама ранена пулей въ грудь. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ стрѣлявшимъ и сказала: «добивайте!» Хотѣла выговорить еще что-то, но силы ей измѣнили и она упала на мостовую...

Въ другомъ пунктѣ близь узкаго краковскаго предмѣстья, былъ такой случай: шелъ ксендзъ съ крестомъ, на челѣ процессіи (которыя не переставали образовываться и стекаться въ большихъ и малыхъ размѣрахъ, со всѣхъ сторонъ—и это тянулось до самой ночи). Казаки налетѣли на него и опрокинули. Ксендзъ, падая, отдалъ крестъ какому-то молодому человѣку, котораго тоже ниспровергли. Падая, онъ подалъ крестъ жиду,—жидъ поднялъ его къ верху и закричалъ: «jeszcze Polska nie zginęła!» Его участь была таже...

Потомъ одинъ офицеръ увидалъ на углу какой-то улицы маленькаго ребенка, лѣтъ шести, и спросилъ: «Ты что тутъ, пострѣленокъ!»—Смотрю на кровь братій!—отвѣчалъ мальчикъ (patrzę na krewę braci!)

И такихъ сценъ было множество. Народъ не бѣжалъ отъ выстрѣловъ, а напротивъ валмя валилъ на нихъ. На Свентоянской взрослые воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній устроили родъ цѣпи, схватившись руками, чтобы не пускать на выстрѣлы ошалѣвшія массы, но это ни къ чему не послужило: волна прорвалась...

Войска, съ своей стороны, были тоже прорвавшаяся волна: они мстили насмѣшкикамъ за вчерашнія и старыя издѣвки.

Въ ночь похоронили убитыхъ. По слухамъ, ихъ было, вмѣстѣ съ раненными, до 500. Поляки говорили, что трупы просто запросто бросали въ Вислу, и это повторено разными иностранными журналами.

Князь Горчаковъ, на другой день, огласилъ по городу приказъ, гдѣ описывались кратко несчастныя событія 8-го апрѣля, и говорилось между прочимъ слѣдующее:

«Во имя Бога, во имя уваженія къ Монарху, ради общественнаго порядка, ради интересовъ, счастія и чести вашей отчизны, заклинаю васъ: опомнитесь!»

Но куда! поляки уже не слыхали никакихъ увѣщаній. Нѣтъ, ужь это *zanadto*, говорили они (ужь это черезчуръ!)—любимое ихъ выраженіе въ подобныхъ случаяхъ. Это «zanadto» раздавалось въ воздухѣ до конца. Между тѣмъ, собственно говоря, ничего нѣтъ *zanadto* между славянскими племенами: онѣ все простятъ другъ другу, все можно уладить; дайте только *людей и порядокъ*.

Въ то время, какъ я думалъ такимъ образомъ, мнѣ попался въ руки одинъ изъ номеровъ *Хвили* (16-го января 1864 года г.). Вотъ что тамъ написано:

«Polsca może w przyszłości straszne Rośyi winy darować» (Польша можетъ въ будущемъ простить Россіи страшныя прегрѣшенія)—и это говорится теперь, когда поляки утопили-бы насъ въ лужѣ, еслибъ были въ силахъ. Чтожъ можемъ во всякое время сказать мы, имѣющіе право относиться къ нимъ спокойнѣе и будучи не менѣе ихъ добрымъ, не злопамятнымъ народомъ?..

Легко понять, что правительство было вынужденно приступить немедленно къ разнымъ мѣрамъ строгости. Прежде всего уничтожена *народовая стража*; потомъ—городская почта. Всѣмъ предписано носить обыкновенную европейскую одежду, оставя чамарки, камизельки, и всякіе знаки траура. Ходить послѣ 10 часовъ съ фонарями. Раненымъ непоказываться на улицахъ. Шинки, кофейни и баваріи велѣно было запирать съ 8 часовъ вечера. Запрещалось употребленіе окованныхъ желѣзомъ палокъ.

Поляки однакоже угомонялись плохо. Изъ фонарей сдѣлали родъ особой потѣхи. Явились фонари монстры; фонари съ нарисованными рожами; фонари на шапкахъ, на брюхѣ...

Аресты слѣдовали за арестами. Всѣ цпркулы были полны арестованными, кто за фонарь, кто за палку, кто за трауръ. Въ это время солдаты уже не разбирали строго правыхъ. Взыскивать было трудно. Происходили весьма естественныя въ такихъ обстоятельствахъ злоупотребленія.

Разумѣется, наши заграничные *пріятели* воспользовались такимъ положеніемъ дѣлъ и выставляли всякое варшавское происшествіе въ искаженномъ видѣ. Многія газеты были положительно куплены Чарторыжскимъ и другими коноводами аристократической партіи польскаго движенія. Принято было лгать и клеветать во всю ивановскую, лишь бы только производилось *приличное* впечатлѣніе, раздражало умъ и поддерживало энергію повстанцевъ. «Le Monde» отъ 21-го апрѣля (2-го мая), послѣ описанія стрѣльбы по народу 8-го апрѣля, кончаетъ извѣщеніемъ,

что «чиновники, подающіе въ отставку, ссылаются въ Сибирь, или даже *присуждаются къ разстрѣлянію*».

Въ томъ же духѣ выражается «La Presse» отъ 9-го мая, и наконецъ «Neuepreussische Zeitung».

О краковскомъ «Часѣ» и львовскомъ «Голосѣ» нечего и говорить. Тутъ по крайней-мѣрѣ *сама Польша*, не чужіе; своя рубашка къ тѣлу ближе.

Но не то мудрено, что подкупленная, или хоть только разъяренная на насъ, по своимъ особымъ соображеніямъ, заграничная пресса насъ ругала: мудрено то, что наши варшавскія оффиціальныя газеты находили нужнымъ съ нею перебраниваться. Такъ напримѣръ въ 93 номерѣ львовскаго «Голоса» явилось какое-то ругательное письмо противъ Велепольскаго, подписанное епископомъ *Декертомъ*: вдругъ Декертъ объявляетъ печатно, что онъ такого письма отъ роду не писалъ. Это произвело еще пущій смѣхъ.

А газеты, печатая подобныя вещи, какъ отреченіе Декерта,—время отъ времени все-таки вставляли между черточками кой-какія замѣтки и публикаціи, понятныя тѣмъ, кому было нужно.

Въ музыкальныхъ магазинахъ продавались: *траурный маршъ* Мончинскаго, гимны: *не остави насъ!* Антоновича, и *вѣнецъ терновый*, Новаковскаго. Послѣдній относился конечно къ «вѣнцу терновому» Новаковскаго, ученика художественной школы, который шелъ съ крестомъ напереди капуцинской процессіи 8-го апрѣля,—былъ арестованъ, а крестъ его, во время свалки, сломанъ, о чемъ вы уже знаете.

Литографъ Дзвонковскій и К° публиковали, что у нихъ получена новая гравюра, представляющая фарисея, который показываетъ Христу *чиншовую* монету.

А тогда былъ только-что поднятъ вопросъ о «чиншахъ», т. е. постоянномъ оброкѣ, которымъ предполагалось замѣтить «панщизну.»

Правительство вступало въ сношенія съ хлопами, которыхъ участіе въ разгоравшейся революціи, конечно, могло бы надѣлать намъ много хлопотъ, но до этого участія было еще сильно—далеко.

Нужно было вѣдаться съ одной Варшавой, съ ея шляхтой, и всякимъ деревенскимъ сбродомъ, который, попавъ въ городскіе ремесленники, считалъ себя уже чѣмъ-то въ родѣ шляхтича. Эти уличные лобусы; эти бобыли-подмастерья и работники разныхъ заведеній; наконецъ всякая школьная ребятешь,—вотъ кто собственно былъ опасенъ, или по крайней-мѣрѣ вызывалъ извѣстныя предосторожности, и заставлялъ правительство стоять на вѣчной вахтѣ, да вымышлять пружины.

Процессіи, угрожаемыя разбитіемъ и арестами въ улицахъ, бросились въ Ченстохово, къ извѣстной чудотворной иконѣ Божіей матери, къ ко-

торой обращается Мицкевичъ въ началѣ своей знаменитой поэмы *Панъ Тадеушъ*. Ходили и ближе, въ Черняково, версты 4 отъ Варшавы, на поклоненіе св. Бонифацію. Это дѣлалось довольно торжественно, при благословеніи ксендзовъ, и подымало на ноги сельскій людъ; процессіи разсѣявали по дорогѣ необычайное множество «воззваній», которыя пересылать по почтѣ, или распространять другимъ какимъ-либо образомъ было опасно.

Въ домахъ распаляли воображеніе юношей единственныя польскія женщины, эти лично-храбрыя и отчаянныя амазонки, готовыя всегда на какую-угодно безумнѣйшую выходку, хоть стать въ ряды и итти на смерть. Гербъ Варшавы имѣетъ недаромъ *сирену*, *вооруженную саблей*. Всѣ фонтаны города украшены этимъ изображеніемъ; а на «Старомъ Мястѣ» (которое, какъ вы знаете изъ моей замѣтки, видѣло всякія чудеса, и здѣсь начался городъ [1])—на Старомъ Мястѣ есть даже статуя *амазонки, съ рыбьимъ хвостомъ, занесшей въ воздухъ обнаженную саблю*.

Амазонки въ своемъ увлеченіи и ярыхъ фантазіяхъ дошли до того, что съ ними боялись говорить даже ихъ поляки. Для нихъ все казалось возможнымъ. Самые храбрые и безумные, погибавшіе въ улицахъ, и послѣ въ лѣсахъ, были для нихъ все еще какъ-то не храбры. Имъ воображалось, что нужно еще что-то; нужно подняться всѣмъ и поднять на воздухъ Варшаву. Когда имъ говорили, что это нельзя; что ихъ мало; что они безоружны... амазонки начинали нести такую чепуху, что надо было бѣжать, или, не церемонясь, закрыть ладонью прелестный ротикъ.

Конецъ апрѣля, вслѣдствіе усиленныхъ патрулей, арестовъ и размѣщенія войскъ по нѣкоторымъ площадямъ и улицамъ, прошелъ довольно спокойно. 30-го апрѣля (12-го мая) попробовали даже уничтожить фонарчики... но на другой же день послѣ этого произошла исторія въ саду, при казиміровскомъ палацѣ.

Богъ-знаетъ зачѣмъ Велепольскій приказалъ отгородить для себя часть этого сада, гдѣ обыкновенно гуляли ученики реальной варшавской гимназіи, помѣщавшейся въ томъ же палацѣ, въ одномъ изъ его боковыхъ корпусовъ.

Едва началась работа и были утверждены на скорую руку первые семь звѣньевъ рѣшотки, какъ въ калитку ввалилась толпа бывшей варшавской *garde mobile*, и все перевернула вверхъ ногами. Известка заготовленная для смазки кирпичей, которыми хотѣли обложить основаніе,

---

[1]) *Городъ* по польски *Място* (Miasto).

полетѣла подъ гору, въ прудъ, и подушила тамъ рыбу. Рабочіе разбѣжались.

Конечно, объ этомъ сейчасъ извѣстили намѣстника; но потрясенный всѣми этими событіями, онъ уже угасалъ. Вѣроятно, онъ взглянулъ въ это время во всю свою прошедшую, довольно долгую жизнь и въ самые послѣдніе дни этой жизни. Какъ грустно! Какая безотрадная перспектива! Собственныя его честныя стремленія, при недостаткѣ воли, талантливости и такой роковой обстановкѣ, тоже разлетѣлись прахомъ! Ни одного друга, ни одного человѣка, который бы спасъ старика, *честнаго* старика, рѣдкаго немздоимца, служившаго Россіи изо всѣхъ силъ, какія у него были, — и никого, кто бы выручилъ... хоть въ эти послѣднія минуты! Вдали горитъ Севастополь, надъ грудами героевъ... триста тысячъ героевъ легли на глазахъ этого человѣка какъ одинъ трупъ!. — Теперь кругомъ пустыня, наполненная мундирами; одинъ генералъ Коцебу, скоро—и тотъ уѣхалъ за границу.

Горчаковъ гасъ. Черезъ двѣ недѣли, именно 18-го (30-го) мая его не стало [1]). Военный министръ Сухозанетъ назначенъ исправлять должность намѣстника.

Итакъ, заняться рѣшеткой было не время,—ея не возобновляли. Велепольскій оставилъ казиміровскій палацъ и переѣхалъ въ намѣстниковскій.

Замѣна князя Горчакова генераломъ Сухозанетомъ ничего не перемѣнила. Правда генералъ Сухозанетъ назначался временно.

Онъ прибылъ въ Варшаву 20-го мая (1-го іюня). Варшава была таже самая взволнованная Варшава, какою оставилъ ее отошедшій въ вѣчность князь Горчаковъ. Въ послѣднія минуты его жизни (когда городомъ правилъ генералъ-губернаторъ Мерхелевичъ) и въ первые дни генерала Сухозанета совершались по улицамъ процессіи годичнаго польскаго праздника, называемаго «Boże Ciało» (пречистое тѣло Господне). Разумѣется, коноводы придрались къ этому, чтобъ устроить какой-нибудь безпорядокъ. Полиція сильно наблюдала за этими процессіями, но все-таки шалости случались почти всякій день по нѣскольку разъ [2]). Особенно правительству было много хлопотъ 19-го (31-го) мая, когда процессія двинулась изъ собора св. Яна съ Старому Мясту. Кто-то крикнулъ сбоку: «войско идетъ! войско идетъ! бить васъ будутъ!» Войска никакого не было, но массы шарахнулись и произошло чрезвычайное вол-

---

[1]) Тѣло его отвезено въ Севастополь и похоронено на южной сторонѣ, 7-го (19-го іюня) 1861 года.

[2]) Boże Ciało празднуется недѣлю.

ненiе, такъ-что потомъ духовенство и полицiя съ трудомъ возстановили порядокъ.

Сборы по улицамъ въ большихъ массахъ по прежнему продолжались. Конфедератки, жупаны, кунтуши, чамарки, костюшковскiя шапки, малиновые галстуки и цвѣтные сапоги также появлялись, несмотря на неоднократное предостереженiе полицiи и поминутные аресты.

Однажды, въ первыхъ числахъ iюня, два гимназиста пришли въ Саксонскiй садъ въ оборванныхъ фракахъ и въ неестественно-высокихъ цилиндрическихъ шляпахъ; направясь по главной аллеѣ, они стали сбивать со всѣхъ гуляющихъ обыкновенныя европейскiя шляпы; потомъ сняли съ себя фраки и повѣсили ихъ на деревьяхъ, какъ вѣшаютъ преступниковъ; шляпы бросили подъ ноги и растоптали, а затѣмъ надѣли на себя имѣвшiяся при нихъ конфедератки.

Съ одного моего знакомаго, около этого времени, три раза сбивали шляпу, пока онъ не сталъ носить фуражку. Женщинъ, ходившихъ въ цвѣтныхъ платьяхъ, всячески обижали и брызгали на нихъ ѣдкими жидкостями. По улицамъ нельзя было спокойно прогуливаться. Едвали какой-нибудь городъ мiра представлялъ когда-либо такое зрѣлище, какое представляла Варшава все лѣто и начало осени 1861 года.

Не только оскорбляли на улицахъ, но начались оскорбленiя внутри домовъ. Устраивались передъ иными домами такъ называемыя «*кошачьи музыки*» (cocia muzyca). Въ окна людей, которые не нравились, летѣли камни. Кондитерская Веделя была положительно уничтожена съ лица земли за то, что ея хозяинъ отказался внести три рубля на какое-то «набожѐнство». Такiя же исторiи повторились нѣсколько позже: на новомъ святѣ, у перчаточника Островскаго, у какого-то булочника на маршалковской; потомъ у купца Натансона, въ Наливкахъ. Директоръ театра, Абрамовичъ (котораго квартира была внутри театральнаго зданiя, окнами во дворъ, гдѣ послѣ жили офицеры прусскаго полка) долженъ былъ также выслушать «коцю музыку».

Въ публичныхъ садахъ—саксонскомъ и красинскомъ, устраивались ребятишками игры въ *русскаго и польскаго круля;* разумѣется, русскому сильно доставалось и его войску всегда приходилось очень плохо. Впослѣдствiи эти игры изъ садовъ перенеслись во дворы. Одному извѣстному мнѣ ребенку забили грязью ротъ, такъ-что онъ едва отъ этого не умеръ..

Исправляющiй должность намѣстника не прибѣгалъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Генералъ Шейдеманъ, при безпорядкахъ на маршалковской улицѣ, выѣхалъ съ артиллерiей, но ему не велѣно стрѣлять.

Окружающiе намѣстника были было недовольны его образомъ дѣйствiй. Но преимущественно съ нимъ имѣлъ схватки Велепольскiй,

магнатская гордость котораго никакъ не варила начальника, не аристократа.

Маркизъ держалъ себя через-чуръ независимо; и генералъ Сухозанетъ, въ свою очередь, не выносилъ надменности польскаго аристократа и сдерживалъ поминутно его заносчивые порывы. Велепольскому оставалось воевать единственно въ данной области. Помня происшествіе съ рѣшоткой, гдѣ его не поддержали, онъ издалъ вдругъ приказъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Варшавы, чтобы *воспитанники снимали шапки передъ высшими лицами всѣхъ вѣдомствъ: духовнаго, гражданскаго и военнаго*—точно это было въ Тамбовѣ или въ Пензѣ. Разумѣется, такой приказъ надѣлалъ смѣху. Наши смѣялись пуще всѣхъ, хоть тогда было сильно не до смѣху. Рѣшетки, шляпы, чамарки и другіе, по-видимому, пустяки переходили уже не въ пустяки. Раздавались самые безцеремонные крики о границахъ 1772 года...

Франція и Англія явно протягивали руку польскому возстанію. Австрія, какъ всегда, держала себя двусмысленно. Ей нужно было только отстранить пламень отъ себя. Въ присоединенномъ недавно Краковѣ, этомъ вѣчномъ повстанскомъ лагерѣ Галиціи, начались однако кой-какіе подземные взрывы. Тусклая зарница озарила и тамошнее польское небо.

«Times» печатала тогда, между прочимъ, слѣдующее:

«Всѣми руками намъ должно взяться за работу, чтобы окончить засѣданія (въ нижнемъ парламентѣ), а мы тутъ вынимаемъ платки изъ кармановъ и давай хныкать надъ судьбами Польши! Неужели больше нечего дѣлать? Мы, великая нація, государство перваго разряда, выдаемъ ежегодно 15 милліоновъ фунтовъ на сухопутное войско, и столько же на флотъ, а для Польши не хотимъ палецъ объ палецъ ударить. Отчего бы Англіи не предпринять, ради ея, крестоваго похода противъ *другихъ* государствъ? По совѣту одного изъ покойныхъ государственныхъ мужей, послать бы намъ флотъ подъ Варшаву, а еслибы это оказалось неудобнымъ, то и подъ Петербургъ.»

Росселя упрекали въ бездѣйствіи, а Генесси, извѣстнаго защитника польскихъ интересовъ, предлагали даже... въ польскіе короли!

Часъ печаталъ по поводу всего этого богъ-знаетъ что, и былъ наконецъ запрещенъ въ имперіи и въ королевствѣ, по настоянію Велепольскаго, которому тамъ доставалось больше всѣхъ. Немного позже, за статью *Часа* въ 249 номерѣ, 29 октября, Велепольскій завелъ съ редакторомъ тяжбу и выигралъ ее въ высшемъ краковскомъ судѣ въ маѣ 1863 года. Мнѣ случилось даже присутствовать при окончательной сессіи суда. На г. Клобуковскаго (отвѣтственный редакторъ *Часа*, сидящій нынѣ въ криминалѣ) и на г. Ротера, типографщика, у котораго печатается

Часъ, наложенъ денежный штрафъ, впрочемъ весьма незначительный. Въ сущности все это было австрiйской комедiей.

Положенiе нашихъ властей становилось весьма затруднительнымъ. Мягкiй и своебычный ген. Сухозанетъ, сколько ни ссорился съ Велепольскимъ, однако былъ наконецъ достаточно имъ убѣжденъ, что требовались рѣшительныя мѣры для успокоенiя слишкомъ возбужденнаго настроенiя умовъ,—и вотъ, въ концѣ мая (именно 24, по новому стилю 5 iюня) подписанъ Высочайшiй указъ объ учрежденiи въ царствѣ государственнаго совѣта, коего штатъ былъ слѣдующiй:

		Жалованья каждому.
Государственныхъ совѣтниковъ . . .	12	3750 р.
Статсъ-секретарь	1	3750 »
Помощникъ статсъ-секратаря . . .	1	2250 »
Статсъ-референдарей	6	2000 »
Вицъ-референдарей	4	1500 »
Секретарей-референтовъ	4	1200 »
Архиварiусъ	1	1000 »
Секретарей	4	1000 »
Помощниковъ ихъ 1 класса. . . .	4	675 »
Помощниковъ — 2 »	4	450 »
Возныхъ	5	162 »
На канцелярiю		3000 »
	Итого	87,272 р.

Первое засѣданiе долго жданнаго совѣта происходило 4 (16-го) iюля, въ полдень. Исправляющiй должность намѣстника сказалъ довольно безцвѣтную рѣчь. Любопытствующiе могутъ прочесть ее во всѣхъ повременныхъ изданiяхъ.

Тогда же возвѣщено объ открытiи совѣтовъ по губернiямъ, повѣтамъ и городамъ царства. Началось очиншеванiе крестьянъ; устройство чиншевыхъ делегацiй, въ родѣ нашихъ мировыхъ съѣздовъ. Само собою разумѣется, что тутъ не обошлось безъ манифестацiй. Помѣщики, во время выборовъ, посредствомъ которыхъ приводились въ дѣйствiе всѣ эти учрежденiя,—произносили пространныя рѣчи.

Сила была почувствована; угомонять ее было некому да и не хотѣли...

Единовременно съ этимъ, генералъ адъютантъ Потаповъ формировалъ въ Новогеоргiевскѣ новую, *русскую* полицiю для города Варшавы, о чемъ было публиковано 19 (31-го) iюля—и затѣмъ вскорѣ эта полицiя введена. Но съ нею пошли новыя хлопоты: русскихъ полицiантовъ стали убивать на улицахъ и на квартирахъ. Кончилось тѣмъ, что часть ихъ разбѣжалась, а оставшихся Велепольскiй предложилъ снова замѣнить поляками. Заключительный и болѣе серьозный остракизмъ на польскую по-

лицію послѣдовалъ въ половинѣ 1863 года: Поляки изгнаны почти всѣ.

Городъ не успокоивался. Безпрестанно подбрасывались возмутительные плакаты. Въ костелахъ говорились невѣроятныя проповѣди; пѣлись такъ называемые патріотическіе гимны.

Самый извѣстный гимнъ этого времени, сдѣлавшійся чуть не польской марсельёзой, были стихи «Boże coś Polskę»; потомъ «Z dymem pożarów» и наконецъ «przez tak długie lata». Впослѣдствіи вышла цѣлая тетрадь.

Гимнъ «Boże coś Polskę» написанъ, лѣтъ 40 тому назадъ, поэтомъ Фелинскимъ нѣсколько иначе, нежели существуетъ теперь. При Императорѣ Александрѣ Павловичѣ его пѣли публично. Мотивъ въ одномъ мѣстѣ напоминаетъ «Боже, царя храни!»

Когда и какъ стали пѣть этотъ гимнъ въ костелахъ, за послѣднее время, я нѐ знаю. Одинъ полякъ описываетъ это въ брошюрѣ «Ruch polski 1861 roku» (польское движеніе въ 1861 году), не приводя числа и мѣста. Впечатлѣніе, говоритъ онъ, было разительное, невѣроятное. У всѣхъ потекли слезы... гимнъ вскорѣ повторился въ разныхъ костелахъ. Духовенство не препятствовало, а напротивъ помогало его распространенію. Но раздавшійся послѣ того, также въ костелахъ, другой гимнъ, Z dymem pożarow, сочиненія Уейскаго (Ujejskiego) былъ запрещенъ повсемѣстно, какъ содержащій въ себѣ антирелигіозныя строфы. Первый вооружился на него львовскій архіепископъ Ксаверій.

Если смотрѣть на эти вещи, какъ на стихотворныя произведенія, то, въ отношеніи къ искусству, гимнъ Z dymem pożarow станетъ выше другихъ. По мотиву-же лучше другихъ Boże coś Polskę.

Вотъ нѣсколько строфъ изъ перваго.

Съ кровавымъ куревомъ и съ дымомъ ярыхъ битвъ,
Къ тебѣ, о Господи, несется Польши голосъ,
Послѣдній стонъ ея—отъ эдакихъ молитвъ
    На головѣ дѣтей бѣлѣетъ волосъ.

Мольба безъ ропота, безъ жалобъ и безъ слезъ,
Не наша то мольба! Къ челу вѣнецъ терновый
У насъ давнымъ-давно безжалостно приросъ,
    Господня гнѣва слѣдъ суровый...

Ты долго насъ каралъ, но мы, простершись въ прахъ,
Молились, думая: Онъ правосудно судитъ;
Мы грѣшны; Господи, Ты милостивъ и благъ,
    Придетъ чередъ—и намъ спасенье будетъ,

Но Ты неумолимъ: Ты имъ опять помогъ
И снова наша кровь обильно пролилася. [1])
«Гдѣ-жъ нынѣ вашъ отецъ? Гдѣ милостивый Богъ?»
Они кричатъ, надъ Польшею глумяся...

Гимнъ Boże coś polskę состоитъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, мѣстами даже вялыхъ строфъ, исполненныхъ многословія и повтореній. Но, должно сказать правду, при пѣніи, особенно большими массами, производитъ чрезвычайное впечатлѣніе. Преимущественно трогаетъ до глубины души и вызываетъ слезы заключительный стихъ каждаго куплета:

Ojczyznę wolność daj nam wrócić, Panie! Представьте, когда хватятъ это тысячи, со слезами въ голосѣ, обративъ глаза къ небу!

Кто не знаетъ этихъ трехъ словъ: «Boże coś polskę», не имѣющихъ для большинства русскихъ никакого смысла. Онѣ значатъ: «*Боже, который Польшу*... далѣе слѣдуетъ: *впродолженіи столь многихъ лѣтъ окружалъ блескомъ могущества и славы.*»

Я считаю не лишнимъ перевести для читателей весь этотъ гимнъ, по-возможности, самымъ близкимъ и точнымъ образомъ. [1])

О Господи, который Польшу нашу
Не покидалъ въ несчастьяхъ въ оны дни,
И днесь отъ насъ жестокихъ казней чашу
Могучею десницей отжени,
И возврати забытому народу
Спокойствіе, отчизну и свободу!

Ты былъ за насъ, отецъ Ты нашъ небесный,
И Польша, подъ эгидою твоей,
Не падала, не гибла въ битвѣ честной;
Въ горнилѣ бѣдъ Ты слалъ спасенье ей,
И днесь пошли насчастному народу
Спокойствіе, отчизну и свободу!

---

[1]) Замѣчательное предчувствіе! Но вторая половина пророчества, къ счастію, не исполняется и, надѣемся, неисполнится; поляки не могутъ указать въ русской литературѣ на глумленія надъ ихъ несчастіемъ, и надо питать надежду, что и впредь они останутся при той же невозможности *Ред.*

[1]) Мы очень рады, что нашъ почтенный кореспондентъ рѣшился перевести эти гимны. Намъ русскимъ полезно знать всѣ орудія которыми дѣйствовали противу насъ поляки. Читатель, вѣроятно, замѣтить что въ обоихъ гимнахъ высказывается предчувстіе пораженія. Неужели же польскіе агитаторы рѣшились поднять возстаніе, раззорить край— не имѣя сами въ себѣ надѣжды на успѣхъ и предчувствуя неудачу?—Кромѣ того, надо замѣтить, что русская земля, напр., Кіевъ могла бы отвѣчать на эти гимны еще болѣе потрясающими словами, но къ сожалѣнію наше общество такъ бездѣятельно въ борьбѣ съ польскими притязаніями на нашъ западный русскій край. *Ред.*

Враговъ на насъ нахлынувшія тучи
Мечомъ своимъ разбей и сокруши,
И слезы нашихъ ратниковъ горючи
Лучомъ надежды ясной осуши.
И возврати несчастному народу
Спокойствіе, отчизну и свободу!

Покрой опять Ты насъ минувшей славой,
Да будетъ въ честь полякамъ эта брань!
Отецъ Ты нашъ, Богъ милостивой, правый,
Останови карающую длань,
И возврати несчастному народу
Спокойствіе, отчизну и свободу!

Дай отдохнуть отъ бѣдъ своимъ Ты людемъ;
А если вновь потонемъ во грѣхахъ,
Карай ты насъ, унизи насъ—и будемъ
Мы снова прахъ, но только... вольный прахъ!
А днесь пошли несчастному народу!
Спокойствіе, отчизну и свободу!

Позже присочинено къ этому еще нѣсколько куплетовъ. Брошюра, упомянутая мною (Ruch polski) увѣряетъ, что есть даже куплетъ съ именемъ Мирославскаго. Явились потомъ патріотическія гимны самаго разнообразнаго содержанія. Старыя пѣсни замѣнялись новыми, но Boźe coś polskę удержалось и было всегда на первомъ мѣстѣ.

27 іюля (8-го августа) мы ожидали демонстрацій. Были приняты мѣры, но безпорядки все таки случились: въ Фарѣ, за обѣдней, раздались патріотическія гимны... а вечеромъ произошли возмутительныя сцены на улицахъ. Народъ гасилъ иллюминацію, билъ окна, гдѣ свѣтились огни. На Медовой улицѣ толпились цѣлый день кучи праздныхъ гулякъ, что вызвало безконечные аресты; но стрѣлять, или вообще употреблять какое-бы то ни было оружіе—строго запрещалось. Генералъ Сухозанетъ ждалъ ежеминутнаго прибытія генерала Ламберта.

По особенно-странному стеченію обстоятельствъ, они въѣхали съ Сухозанетомъ въ Варшаву въ одинъ и тотъ-же день: графъ Ламбертъ съ юга, тотъ съ сѣвера—20 мая (1-го іюня). Генералъ Сухозанетъ, конечно, понялъ, зачѣмъ генералъ Ламбертъ вызванъ. Генералъ Ламбертъ, пробывъ въ Варшавѣ только 5 дней, уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ жилъ до августа, потомъ покатилъ въ Польшу.

Въѣздъ его въ Варшаву, какъ свѣтскаго человѣка, былъ болѣе обдуманъ, чѣмъ другіе въѣзды намѣстниковъ. Онъ сообразилъ все, на что могли обратить вниманіе поляки. Онъ въѣхалъ (11 (23-го) августа 1861 года) *безъ конвоя*. Прислуга его, державшаяся въ отдаленіи, была

въ партикулярныхъ платьяхъ. Замѣтивъ какого-то бѣдняка, онъ подалъ ему червонецъ.

Обо всемъ этомъ дѣйствительно говорили—минутъ 15.

Графъ Ламбертъ объявилъ, что принимаетъ у себя лично по субботамъ *всѣхъ*, кто только имѣетъ въ немъ надобность, и дѣлалъ это очень аккуратно. Поляки всматривались. Нѣкоторое время была тишина...

Мы уже сказали, что это былъ генералъ - аристократъ, которому не то, что кровь, но всякая бумага, гдѣ писали что-нибудь скучное, непріятное, была противна, какъ микстура. Ему хотѣлось-бы избѣжать всего непріятнаго, шероховатаго. Онъ началъ продолженіемъ методы генерала Сухазанета: то-есть какъ можно мягче, любезнѣе, уступчивѣе... Но увы, такія мѣры въ то время были уже не кстати,

Въ помощники генералу Ламберту, прислали человѣка сильно-работящаго,—генералъ-адъютандта Герштенцвейга; говорятъ, стараго его пріятеля и чуть-ли не товарища по воспитанію, съ которымъ они были на-*ты*...

Герштенцвейгъ занималъ до тѣхъ поръ мѣсто дежурнаго генерала въ главномъ штабѣ Его Величества. Служившіе съ нимъ говорили, что лучшаго и расторопнѣйшаго дежурнаго генерала не помнятъ. Упрекали его только въ одномъ: въ склонности къ административной рутинѣ, которая уже начинала уступать новымъ требованіямъ, выказывая поминутно все болѣе и болѣе свой тлѣнъ и прорѣхи. Но Герштенцвейгъ какъ-будто и знать не хотѣлъ объ этихъ прорѣхахъ. Онъ имъ не вѣрилъ и ихъ не видѣлъ. А если указывали пальцемъ, то сердился и спѣшилъ чинить съ самымъ ярымъ усердіемъ. Онъ былъ точенъ, какъ часы, и отъ другихъ требовалъ той-же точности. Былъ вообще *чиновникъ-генералъ*.

Герштенцвейгъ прибылъ въ Варшаву черезъ два дня послѣ Ламберта и занялъ мѣсто генералъ-губернатора.

Казалось, все устроено довольно сносно. Полиція свѣжая. Намѣстникъ человѣкъ умный и не старый; притомъ, весьма благовоспитанный. Генералъ-губернаторъ отличный. Все, что могли найти, нашли. Но было что-то роковое въ судьбахъ этого дѣла, этого страшнаго «польскаго вопроса»: едва новыя лица приступили къ управленію краемъ, какъ заболѣлъ архіепископъ Фіалковскій. Онъ былъ, правда, человѣкъ ветхій, однакожъ при другихъ обстоятельствахъ и другомъ настроеніи духа, могъ-бы еще жить. Но тутъ, смотря на разгоравшуюся революцію и лучше многихъ видя ея исходъ, онъ сталъ терять послѣднія остатки силъ, послѣднюю энергію духа. Онъ надорвался отъ этой безъисходной тоски, отъ этого нытья сердца по несчастной отчизнѣ не только съ польской, но даже и общей точки зрѣнія, онъ былъ человѣкъ весьма почтенный.

Онъ видѣлъ, что уличныя шалости уже выходятъ изъ предѣловъ того, что можетъ допустить самое снисходительное правительство.

Черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ Герштенцвейга случилось то нелѣпое опустошеніе лавки Натансона, о коемъ мы упомянули выше. Потомъ нѣсколько «коцихъ музыкъ» и сотни другихъ крупныхъ и мелкихъ безпорядковъ. Все это осматривалъ со своего одра отходящій въ вѣчность старецъ. Наконецъ усиленныя молебствія за его собственное выздоровленіе, не только по всѣмъ костеламъ Варшавы, но даже по многимъ городамъ Царства, и въ заключеніе, въ Краковѣ и во Львовѣ, имѣли характеръ манифестацій, отъ которыхъ достойный архипастырь могъ не выздоровѣть, а еще скорѣе отправиться на тотъ свѣтъ. Можетъ онъ чувствовалъ въ иныя минуты, что и самъ отчасти виноватъ въ иныхъ городскихъ волненіяхъ; самъ раздражалъ молодежь, дозволяя по костеламъ пѣніе революціонныхъ гимновъ и смотря сквозь пальцы, какъ варшавское духовенство и центральный комитетъ разсылали, подъ прикрытіемъ его имени, возмутительные циркуляры.

Глядѣлъ онъ, глядѣлъ на все это; страдалъ, страдалъ, и наконецъ скончался 23 сентября (5-го октября) въ 7 часовъ утра.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ о покойномъ митрополитѣ никакихъ другихъ свѣдѣній, кромѣ польскихъ, къ тому же весьма бѣдныхъ, въ видѣ какого-то послужнаго списка.

Вотъ что сказано объ немъ въ книжечкѣ «Wiadomości z Kraju» Lipsk 1863 года, стр. 115:

«Покойный митрополитъ родился 3 генваря 1778 года, въ деревнѣ Пщенѣ, недалеко отъ города Познани, въ тогдашнемъ Познанскомъ воеводствѣ. Отца его звали Стефанъ; мать Беата. У нихъ было, кромѣ Антонія, еще трое дѣтей, что, при ихъ незначительномъ состояніи, было только такъ, чтобы ихъ вскормить и воспитать прилично. Антоній, вышелъ изъ Познанской школы, выбралъ себѣ духовное поприще и вступилъ въ Гнѣздненскую семинарію. Тамъ (въ первой польской *каѳедрѣ*) посвященъ на каплана, въ 1801 году. Ксендзъ-прелатъ Мальчевскій, тогдашній правитель куявско-калишской эпархіи (administrator dyecezyi) взялъ его къ себѣ въ домъ, и ксендзъ Антоній оставался при немъ въ должности аудитора до 1819 года. По смерти Мальчевскаго, ксендзъ Фіалковскій переѣхалъ въ Вольборжъ, гдѣ правилъ должность «кантора» (kantora) при тамошнемъ коллегіатѣ. Доселѣ жители показываютъ келью въ епископскомъ палацѣ, которую онъ занималъ. Высшія духовныя достоинства не быстро сыпались на ксендза Антонія. Сдѣлавшись каноникомъ каѳедры влоцлавской, онъ сидѣлъ на этомъ мѣстѣ 30 лѣтъ. Види-

мо, онъ думалъ меньше о *фіолетахъ* [1]), чѣмъ о нуждахъ паствы. Его стараніемъ воздвигнутъ тамъ госпиталь во имя св. Антонія. Въ 1841 году, возведенный святѣйшимъ отцемъ въ санъ епископа гермополитанскаго, in partibus infidelium, онъ сдѣланъ суффраганомъ плоцкой эпархіи, а также и прелатомъ-пробощемъ тамошней каѳедры. Потомъ, въ 1844 году, по смерти епископа Хмѣлевскаго, митрополитальная капитула выбрала ксендза Фіалковскаго въ правители архіепархіи варшавской, которую принялъ онъ 5 октября 1844 года. Въ 1856 году, послѣ 12 лѣтъ завѣдыванія этимъ мѣстомъ, ксендзъ Фіалковскій канонизированъ (prekonizowany) чрезъ апостольскую столицу въ архіепископа, митрополита Варшавы. 11 генваря 1857 года, въ архикаѳедральномъ костелѣ [2]), принялъ архіепископскій паліушъ изъ рукъ святой памяти ксендза Лубенскаго, епископа родополитанскаго, и въ семъ званіи оставался 17 лѣтъ, до самой смерти.»

Разумѣется, его нужно было похоронить съ приличной помпой. Какъ не разрѣшить этого? Какое правительство и при какомъ состояніи нравственной атмосферы города могло этому воспрепятствовать? Рѣшились (какъ послѣдній опытъ)предоставить отправленіе похоронъ самимъ полякамъ, безъ участія русскихъ властей. Поляки устроили манифестацію.

Началось съ наклеиванія по стѣнамъ *афишъ*, которыя печатались богъ-знаетъ гдѣ и возвѣщали семидневный глубокій трауръ. Затѣмъ учредился, съ разрѣшенія намѣстника, совѣтъ изъ канониковъ и частныхъ степенныхъ лицъ, «какимъ образомъ уладить церемоніалъ погребенія.» Между тѣмъ толпы валили прощаться съ покойнымъ: это былъ цѣлый рядъ манифестацій и безпорядковъ.

Наконецъ, все было обдумано, какъ надо. Наступило 10 октября новаго стиля, день, назначенный для погребенія. Необходимо замѣтить, что онъ совпадалъ съ годовщиной соединенія Литвы съ Польшей.—Не только вся Варшава,—приглашены были къ участію въ похоронахъ многіе окрестныя села и мѣстечки. Отовсюду повалилъ разный народъ: духовенство, помѣщики, шляхта, хлопы. Иные съ трудомъ находили въ Варшавѣ мѣсто, гдѣ пристроиться. По вѣнской желѣзной дорогѣ прибыло наканунѣ погребенія около 700 человѣкъ: изъ Скерневицъ, Бонковъ, Езёрка, Компина, Кутно, Шлешина, Самниковъ; потомъ пріѣхали изъ Пулавъ, Грубешова, Черска, Лодзи [3]).

Церемоніальная процессія двинулась отъ архіепископскаго палаца, что

---

[1]) Такъ называютъ одежды высшихъ духовныхъ лицъ, имѣющія постоянно одинъ и тотъ-же фіолетовый цвѣтъ.

[2]) То есть у св. Яна, въ Варшавѣ.

[3]) Все это составлено по польскимъ источникамъ.

на Медовой улицѣ, не направо въ Фару, какъ слѣдовало (ибо тамъ назначено было отпѣвать тѣло) а налѣво, по Долгой, затѣмъ по Римарской, Банковой площади, Сенаторской улицѣ, Вержбевой, Саксонской площади, Краковскому предмѣстью и, мимо замка, въ Фару. Для чего было это скитаніе гроба по городу, ужь Богъ знаетъ. Впереди шли (какъ и при погребеніи 5-ти жертвъ)—сироты и старцы варшавскаго общества благотворительности, со всѣми членами этого общества; а равно и всѣ благотворительныя заведенія города. Затѣмъ учебныя заведенія обоего пола. Далѣе: художественное училище; земледѣльческая школа съ Маримонта; музыкальный институтъ; артисты и литераторы; медико-хирургическая академія; штатъ городскихъ врачей; цехи; братства; члены литературной архиконфратерны; жители окрестныхъ волостей; делегація погребальнаго комитета, съ траурными знаками; орденъ сестеръ фелиціанокъ; орденъ варшавскихъ сестеръ милосердія; черное духовенство; бѣлое духовенство; профессора духовной академіи; капитула; духовное лицо, исполняющее обрядъ отпѣванія; крестъ архіепископа, несомый однимъ изъ митрополитальныхъ канониковъ; гробъ на плечахъ; для порядку при семъ, часть погребальной делегаціи, съ знаками траура; за гробомъ—семейство покойнаго; правительственныя лица; помѣщики и народъ. Тутъже катафалкъ.

На Банковой площади встрѣтило процессію еврейское духовенство, называемое постоянно, для большаго приличія термина, *духовенствомъ Моисеева закона*. Оно сочло возможнымъ даже присоединиться къ процессіи—непосредственно за гробомъ, согласно своимъ правиламъ [1]). Евреи проводили гробъ до собора св. Яна и тутъ остановились. Можно сказать, что все, что только было въ состояніи двигаться въ этотъ день на ногахъ, участвовало въ необыкновенномъ церемоніалѣ. Улицы, гдѣ шла процессія, вполнѣ заперлись народомъ. Что тутъ игралось музыкантами и распѣвалось провожавшими гробъ—мы не знаемъ. Оркестрами, расположенными въ двухъ пунктахъ, командовали: Аполлинарій Контскій и Монюшко. Первый оркестръ, съ частію процессіи, ждалъ остальной половины на Саксонской площади. Тутъ дирижировалъ Контскій. Едва соединились обѣ части—онъ грянулъ особый гимнъ...

Сироты и воспитанники, находившіеся при Контскомъ, несли какія-то знамена. Далѣе былъ польской орелъ и даже польская корона, покрытая трауромъ. Ее несли гдѣ-то въ серединѣ, не такъ далеко отъ гроба. Байеръ увѣковѣчилъ все это фотографій.

И все это: гимны, Контскіе, Монюшки, короны, орлы... продвигались

---

[1]) Опять польскіе печатные источники.

мимо замка, гдѣ у окна сидѣлъ новый намѣстникъ, генералъ Ламбертъ, генералъ-губернаторъ Герштенцвейгъ и министръ Велепольскій...

Единовременно съ этой манифестаціей была устроена другая, внутри Царства, въ тотъ же самый день—то-есть въ годовщину соединенія Литвы съ Польшей.

Недѣли за двѣ, много за три до похоронъ Фіалковскаго, центральный комитетъ, называвшійся тогда *главнымъ* [1]), разослалъ по цѣлой Польшѣ слѣдующее печатное воззваніе:

«Братья поляки, русины и литвины! Важнымъ народнымъ торжествомъ было нѣкогда празднованіе годовщины соединенія Литвы съ Польшей, учрежденное королемъ Сигизмундомъ-Августомъ II, въ Люблинѣ. Самый актъ соединенія былъ только одной формальностью и какъ-бы закрѣпленіемъ дѣйствительнаго и добровольнаго слитія народа подъ скипетромъ польскаго короля Владислава Ягеллы. Неслыханными и небывалыми въ лѣтописяхъ судьбами, взаимная симпатія и мысль о свободѣ заняли въ этомъ случаѣ мѣсто насилія и побѣдъ. Оставить подобный фактъ безъ вниманія и не дать ему надлежащей оцѣнки въ настоящую минуту, не ознаменовать его народнымъ празднествомъ,—значило-бы отказаться, передъ лицомъ Европы, народовъ и собственной совѣсти, отъ своего прошедшаго и будущаго, въ одно и тоже время. А потому взываемъ нынѣ ко всѣмъ тремъ соединеннымъ народамъ, дабы они откликнулись нашему зову тѣмъ же сердцемъ, какимъ ихъ предки откликнулись на *съѣздъ городельскій*, и надѣемся, что нашъ голосъ будетъ услышанъ всякимъ, кто только любитъ отчизну и свободу.

Празднество сіе должно совершиться въ городѣ Городлѣ-Надбужномъ, что въ воеводствѣ, Любельскомъ, землѣ Хелмской (10 октября 1861 года, которое соотвѣтствуетъ 2-му числу этого мѣсяца, по старому календарю (день соединенія по лѣтописямъ).

Для приданія съѣзду надлежащаго значенія, какого онъ заслуживаетъ, взываемъ прежде всего къ высокопочтенному духовенству католическо-славянскаго и латинскаго исповѣданія, чтобы оно, сколько во уваженіе къ общимъ нашимъ страданіямъ и надеждамъ, столько же и для интересовъ церкви, тѣсно связанныхъ съ интересами Польши, благоволили принять самое искреннее и торжественное участіе въ празднествѣ, отрядивъ отъ себя епископовъ и депутаціи капитулъ разныхъ монашескихъ орденовъ и великихъ духовныхъ корпорацій ото всѣхъ эпархій прежней Польши. Взываемъ къ обществу ученыхъ и литераторовъ; къ университетамъ, редакціямъ польскихъ и русинскихъ журналовъ; ко всѣмъ обществамъ и кружкамъ промышленнымъ; къ городамъ и корпораціямъ поляковъ Моисеева закона, и вообще, ко всякаго рода общественнымъ учрежденіямъ, имѣющимъ какую-бы то ни было организацію: чтобы благоволили принять участіе въ городельскомъ съѣздѣ, пославъ отъ себя депутатовъ. Только такимъ образомъ учрежденный съѣздъ можетъ придать празднеству общественное и народное значеніе. Съ

---

[1]) Польскіе печатные источники. Центральный комитетъ существовалъ въ то время скрытно. Онъ *объявилъ* о себѣ позже, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

цѣлію оживить наши традиціи, а равно и для сообщенія торжеству историческаго и политическаго характера, приглашаемъ жителей всѣхъ княжествъ, воеводствъ и земель бывшей Польши прибыть также въ Городлъ, въ видѣ представителей отъ своихъ мѣстъ. Депутаты отъ корпораціи земель и вообще всѣ, представляющіе собою какое-либо сословіе или кругъ, имѣютъ увѣдомить о своемъ прибытіи въ Городлъ, 10 октября, въ 9 часовъ утра, дабы каждому занять соотвѣтственное назначеніе по программѣ. Слѣдуетъ перечень княжествъ, воеводствъ и земель, долженствующихъ принять удѣлъ въ торжествѣ: воеводства: Познанское, Калишское, Серадское, земля Добржинская. Воеводства: Плоцкое, Мазовецкое, земля Равская. Воеводства: Хелминское, Мальборское, Поморское, Прусское, Краковское, земля Освѣцимская, Заторская. Воеводства: Сандомірское, княжество Сенявское. Воеводства: Куявское, Русское. Земли: Жидачевская, Премысская, Галицкая, Хелмская, Воеводства: Волынское, Подольское, Любельское, Белзское, Подляское, Брацлавское, Черниховское, Виленское, Троцкое. Княжество Жмудское. Воеводства: Смоленское, Новгородское, Полоцкое, Витебское, Брестъ-Литовское, Мстиславское, Минское, Инфляндское, княжество Курляндское.

Трауръ на сей день снимается».

Теперь спрашивается у всякаго, спокойно и благоразумно разсуждающаго человѣка, какой бы онъ націи ни былъ, лишь бы только зналъ хоть немного нашу и польскую исторію и настоящее положеніе вещей въ Европѣ: спрашивается у этого человѣка, что онъ подумаетъ о людяхъ, пишущихъ очень серьозно такую бумагу и затѣвающихъ не бывалую манифестацію—въ краю, гдѣ есть русская полиція, войска и власти, которыя никоимъ образомъ не могутъ оставаться равнодушны къ подобному безпорядку? Сколько-жъ надо разсчитывать на ротозѣйство, доброту и обломовщину націи, среди которой можно рѣшиться что-либо такое устроить? Я говорю: *доброту* и *ротозѣйство*, ибо эти качества все-таки намъ неотразимо присущи, не смотря на способность иногда вдругъ ожесточиться, и «мордовать» тѣхъ, кто попалъ подъ руку, на кого тебя натолкнули. А потомъ опять сонъ и рыхлятина, пересыпанныя всякой славянской всячиной, лѣтъ на 20, на 50, на 100. Поляки это знаютъ очень хорошо, а потому и сочиняютъ такіе бумаги и съѣзды, съ дерзостью и небреженіемъ, совершенно невѣроятнымъ, какъ-будто часть Россіи, гдѣ предположено это устроить,—вдругъ вымерла, поражена чумой, оглупѣла, оглохла, обратилась въ безсмысленныхъ ребятъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у нѣмцевъ этого не затѣешь, и даже не придетъ въ голову. Вглядитесь только въ одинъ этотъ фактъ и вы сейчасъ увидите, что такое *нѣмецъ* и что такое *славянинъ*; и отъ кого изъ нихъ больше пахнетъ настоящимъ гнетомъ, кто изъ нихъ *по этой части* болѣе солиденъ.

Оно точно, мы иногда какъ-бы срываемся съ цѣпи, показываемъ рѣшимость, сильно, безжалостно «мордовать» поляковъ; а спросите: гдѣ ро-

дятся Мицкевичи, Косцюшки, Лелевели, Сырокомли, и всевозможные національные таланты Польши, по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ и художествъ? Вѣдь не въ бывшемъ-же Познанскомъ и Краковскомъ воеводствѣ, а въ Литвѣ и «конгрессувкѣ». Отчего это?—И вы опять приходите къ тому же и видите, что такое значитъ *нѣмецъ* и рыхлятина *славянинъ*, и гдѣ больше пахнетъ настоящимъ гнетомъ.

Говорятъ, что мы «мордуемъ» поляковъ; что мы не даемъ имъ жить, дышать. Но черезъ 200 лѣтъ они все-таки будутъ поляками и будутъ затѣвать, при первомъ удобномъ случаѣ, городельскіе съѣзды, съ землей Хелмской, съ воеводствомъ Куявскимъ, съ княжествомъ Мальборскимъ... а Познани, увы, тогда уже не узнаешь!

Паукъ началъ опутывать муху, обходить и бараборить надъ ея головой тонкими ножками... сначала она попискиваетъ, визжитъ; но потомъ тише, тише... наконецъ уступаетъ дьявольскимъ манипуляціямъ, только подрыгиваетъ изрѣдка ногами. Пожалуй возьми ее и распутай: она уже никуда не годится и летать не будетъ...

Нѣтъ, нѣмцы на счетъ этого *хорошіе* люди. У нихъ городельскаго съѣзда не сочинишь.

Посмотримъ-же, какъ онъ былъ у насъ, въ нашемъ баснословномъ *тридесятомъ* царствѣ. Тутъ предполагалась пустота, хаосъ, сказочный островъ Буянъ, богъ-знаетъ что.

Для большой живости разсказа, я представлю вамъ выписку изъ путевыхъ замѣтокъ одного польскаго *странника*, лично бывшаго на съѣздѣ. Тутъ есть черты очень любопытныя. Видны: славянская удаль, западный фанатизмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ что-то галиматьистое, праздное, смѣшное. [1]) И пушки наведены, и войско стоитъ—а они идутъ, какъ дѣло дѣлаютъ, безсмысленно умирать изъ-за странной, состряпанной какими-то оглашенными чудаками манифестаціи. Конечно, главнымъ образомъ разсчитывалось на то, что фитили не будутъ приставлены и все обойдется благополучно. Такъ и вышло.

Разсказъ городельскаго *странника* напомнилъ мнѣ, съ извѣстной стороны, слышанныя и видѣнныя мною не разъ похожденія русскихъ поклонниковъ гробу Господню, заносимыхъ иногда какимъ-то вѣтромъ и на Синай, и на Афонъ и на берега Мертваго моря... не вѣсть какъ, подхватила какая-то волна... тутъ турки, бедуины; голодно и скверно... но идетъ себѣ старушонка, скачетъ верхомъ по-мужски на Ердань въ кучѣ пестраго народа, подымая пыль... вся куча скачетъ... вотъ Сидимская долина... Іерихонъ... Содомъ, Гоморъ... никто ничего не пони-

---

[1]) Кромѣ того, изъ приводимыхъ замѣтокъ *странника* вполнѣ обнаруживается, что ородельскій съѣздъ былъ дѣломъ однихъ пановъ, а вовсе не народа. *Ред.*

маетъ и не хочетъ подумать, стоитъ-ли все это бедуинской пики въ бокъ или не стоитъ... скачутъ... кругомъ пески... подхватила волна... такъ угодно Богу.

Существенная масса народу, собравшагося подъ Городломъ, были ни дать ни взять эти старухи. Во всѣхъ славянахъ, даже не самаго низменнаго слою по образованію, столько празднаго, зрящаго и смѣшнаго. Такъ легко поднять всю эту, въ нѣкоторомъ родѣ, ребятешь посмотрѣть, какъ носъ майора Ковалева прогуливается въ Лѣтнемъ саду. Нѣмцы... ну тѣ-бы такъ скоро не поѣхали бы пустяки околачивать, да еще подъ выстрѣлами!..

Конечно, были и такіе, кто понималъ, какъ надо, настоящее политическое значеніе этой отважной шалости и идя туда, зналъ, что творитъ:

«Я ѣхалъ на почтовыхъ до Луцка (говоритъ *странникъ*). Тамъ мнѣ отсовѣтовали продолжать дорогу на Устилугъ, потому-что у меня, кромѣ подорожной, не было никакой другой бумаги. И вотъ, я нанялъ балагулу [1]) и покатилъ на Крыловъ и Гребешовъ, что въ королевствѣ. Ночуя въ Сельцахъ, имѣніи госпожи Чацкой, я узналъ отъ жида, что около Городла собрано 40 тысячъ войска; что на мѣстѣ, приготовленномъ для торжественнаго *обхода*, стоятъ орудія и никому нельзя пройти и проѣхать. Не довѣряя однакоже жидовскимъ разсказамъ, я все-таки тронулся къ Крылову, въ 9 часовъ утра. На дорогѣ, въ одной корчмѣ, сказали, что паромъ на Бугѣ снятъ и гусарскіе пикеты не позволяютъ перебераться на ту сторону. Скрѣпя сердце, я направилъ мою странническую подводу къ Устилугу, дабы раздѣлить тамъ судьбу, какую случится, съ тѣмъ, кто прибудетъ на городельской съѣздъ.»

«Минуя Владиміръ, я встрѣтилъ гусарскій полкъ Вел. Княг. Ольги Николаевны, пробиравшійся къ Устилугу. Гусары пѣли какую-то пѣсню. Пріѣхавъ въ Устилугъ, я прямо на паромъ и вижу: столпились у него разные возы и фургоны—какъ оказалось—ѣхавшихъ туда же, куда и я. Квартальный у парома (и еще соотчичъ!) объяснилъ мнѣ учтиво, что не велѣно никого пропускать на тотъ берегъ. Нечего дѣлать: пришлось терпѣть наравнѣ съ задержанными въ Устилугѣ. Вдругъ слышу: скачутъ гусары, а за ними слѣдомъ повозки изъ королевства! Въ нѣсколько часовъ всѣ дворы были разобраны. Не осталось пустаго мѣста. Повозки стояли кучами на улицахъ и тутъ расположился иной людъ ночевать, какъ кому довелось.»

«Съѣздъ былъ огромный. Однихъ помѣщиковъ и помѣщицъ, говорили, до двухъ тысячъ. Грустно было смотрѣть на ту сторону Буга: берегъ

---

[1]) Тоже, что въ Москвѣ *Ванька*, въ тѣхъ мѣстахъ *балагула:* плохенькій, какой попался, ковыляло-извощикъ.

чернѣлъ народомъ. Это показывало устилужскимъ, до какой степени имъ сочувствуютъ воеводства. Это были какъ-бы отброшенныя части одного и того же цѣлаго; овцы, отбившіяся отъ стада; дѣти одной и той-же бѣдной, общей намъ матери. Это былъ горячій отвѣтъ стремящихся къ ней на зовъ ея сыновъ и дщерей. Фраковъ и сертуковъ ни одного! все жупаны, кунтуши, конфедератки, [1]) пояса съ пряжками, гдѣ былъ приложенъ не то якорь—символъ надежды, не то изображеніе сломаннаго креста; терновый вѣнокъ; сердце, пробитое мечемъ; орлики на шеѣ и на груди и все это черное, траурное, плачущее. Горя нетерпѣніемъ увидѣть братьевъ, я рѣшился, съ нѣсколькими прибывшими, перебраться на ту сторону рѣки по судамъ и лодкамъ, которыя стояли въ одномъ мѣстѣ очень тѣсно. Это намъ удалось какъ нельзя лучше: мы очутились на той сторонѣ... какъ вдругъ намъ сказали, что за нами слѣдятъ: какой-то жидокъ побѣжалъ на гору и далъ знать. Дѣлать нечего: надобно было воротиться и уступить судьбѣ. Въ городѣ уже прошелъ слухъ, что мы арестованы. Тутъ же мы узнали, что во время нашего отсутствія, въ сумерки, совершалось «набоженство» въ кладбищенской часовнѣ, за городомъ, и рѣшено было, на другой день утромъ, въ 8 часовъ, отправиться вновь туда же и потомъ итти процессіей къ Бугу: ибо въ то же время тронется и городельская процессія для учиненія акта соединенія съ нами и для братской встрѣчи надъ рѣкой, раздѣляющей насъ отъ Короны [2]). Въ ожиданіи утра, народу приходили невольно на память кровавыя событія Варшавы, Вильны, Млавы, и каждый готовился къ смерти и поручалъ свой духъ Господу Богу.»

«Послѣ 9 часовъ вечера городъ представилъ оригинальный видъ: въ каждомъ домѣ толклись солдаты, прерывая тишину своими визгливыми пѣснями: имъ отвѣчали, въ повозкахъ и во дворахъ, патріотическіе польскіе гимны...»

«Наконецъ все смолкло и только слышалось, какъ караульные выводили свое «слушай»!.. Я заснулъ довольно поздно. Въ 8 часовъ утра движеніе города меня разбудило. Въ 8 часовъ я уже былъ въ часовнѣ, на кладбищѣ, какъ мы уговорились съ вечера, и отслушалъ мшу. Всѣ собравшіеся мужчины и женщины были преимущественно въ національныхъ платьяхъ. Послѣ мши пропѣли псаломъ: «pod Twoj obron» и

---

[1]) И такъ, по собственнымъ словамъ странника, на Городельскомъ съѣздѣ были только люди сбросившіе фракъ и сюртуки для жупановъ, контушей и пр.—т. е. только *паны. Ред.*

[2]) *Корона* — Великая и Малая Польша. Границы ея измѣнялись, но съ XVI вѣка установились такъ: Познань, Галиція, Украйна, Подолія, Волынь и часть теперешняго королевства, исключая цѣлаго Августовскаго и половины Подлясскаго воеводства.

только-что начали гимнъ «Boże coś Polske», какъ намъ сказали, что процессія по ту сторону Буга тронулась къ парому. Разумѣется, мы двинулись также, съ распятіемъ и инсигніями (insygniami) напереди. На всѣхъ лицахъ отражалась исторія послѣднихъ кровавыхъ дней. Величаво-блѣдный цвѣтъ ихъ свидѣтельствовалъ о томъ, какъ всѣ рѣшились, во что бы то ни стало, итти до конца и принять, если будетъ нужно, мученическій вѣнецъ.»

«Съ необычайной силой гимнъ ударилъ къ небесамъ. Шагъ за шагомъ двигались мы всей массой, черезъ улицы города, къ Бугу. Изъ костела показалась особая толпа, съ образомъ Богоматери, и соединилась съ нами. Образъ несли надъ головами двѣ женщины, впереди процессіи. Смѣлости у всѣхъ было довольно. Смотримъ на поворотѣ улицы, середи города, построены два взвода спѣшенныхъ гусаръ. Сію же минуту вся молодежь бросилась прикрывать ту сторону процессіи, съ которой стояли гусары. Подлѣ нихъ находился жандармскій начальникъ съ адъютантами Житомірскаго губернатора. Не глядя на нихъ и повторяя громко послѣдній стихъ куплета: Ojczyzne Wolnosć daj nam wrócić, Panie! [1]). Мы шли дальше. Видимъ, что войско насъ не намѣрено удерживать, идемъ... вдругъ гусарамъ дали какой-то знакъ: оба взвода побѣжали къ рѣкѣ, мимо насъ, и скоро исчезли изъ виду въ ущеліи, которое лежало на пути къ парому. Мы все-таки идемъ... когда мы достигли ущелія, то увидали, что гусары стоятъ въ два ряда надъ рѣкой, карабины на руку. Тогда молодежь бросилась напередъ, въ прикрытіе процессіи. Мгновеніе было торжественное. Солдаты крестились; а мы все шли и шли, громче и громче повторяя заключительный припѣвъ гимна; наконецъ остается до гусаръ только одинъ шагъ! Ихъ глаза поворотились къ офицеру, ожидая, что прикажетъ?.. Въ это время закричали сзади: *стой! стой!* Мы остановились. Подошелъ офицеръ и сказалъ, что имѣетъ строжайшее предписаніе не пускать никого къ парому; только одна изъ дѣвицъ, несшая образъ Богоматери, сказала вдругъ: «Что-жъ это, намъ и молиться нельзя? Кто внушилъ вамъ такую сатанинскую мысль?» Офицеръ не зналъ, что отвѣчать, а когда спросили, кто ему приказалъ не пускать? Проговорилъ, запинаясь: «Это... приказалъ полковникъ». Всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Гдѣ-же панъ полковникъ? Пожалуйте сюда, полковникъ»!—Блѣдный полковникъ высунулся изъ рядовъ, съ шапкой въ рукѣ. Его окружили и оглушили разными криками. Потомъ настала тишина. Только было слышно, какъ онъ упрашивалъ воротиться, говоря, что пропустить не можетъ никакимъ образомъ; что имѣетъ на это строжайшій приказъ... вдругъ сзади раздалось: впередъ! впередъ! Мы

[1]) «Отечество, свободу помоги намъ воротить, Господи!»

колебались, не зная, что дѣлать... наконецъ смотримъ: *инсигніи* поворачиваютъ назадъ, и вскорѣ затѣмъ мы поднялись ущеліемъ опять въ гору. Когда мы были уже на горѣ, выскочили откуда-то слѣва три гусара, съ пиками, спущенными внизъ, и во весь опоръ понеслись на насъ, однако, не доскакавъ вплоть, сдержали лошадей и поворотили назадъ. Гимнъ продолжалъ раздаваться съ той же силой. Когда мы дошли до мѣста, гдѣ стояли передъ тѣмъ два взвода спѣшенныхъ гусаръ,— увидѣли также два взвода, только на коняхъ, съ карабинами и пиками, видимо дожидавшихся нашего возвращенія. Едва мы съ ними поравнялись—забѣжалъ впередъ процессіи квартальный и сталъ что-то говорить, употребляя часто имя Царя. Сзади крикнули: «вали»! мы сунулись и квартальный потерялся въ толпѣ. Думали мы, что насъ атакуютъ около часовни, однако нѣтъ: дошли благополучно, не переставая пѣть гимнъ. Снова совершили «набоженство» и пропѣли нѣсколько гимновъ. Это продолжалось до 5 часовъ. Потомъ стали собирать деньги на госпиталь, какъ вдругъ опять появились наши мучители, гусары, хотѣли-было помѣшать сбору денегъ, но только погремѣли саблями и ускакали...»

«Такъ кончился городельскій съѣздъ, свидѣтельствующій, что наши воеводства откликаются коронѣ и желаютъ дѣйствовать съ нею заодно» [1]).

Забавнѣе всего, что эти чудаки составили въ Устилугѣ актъ *протеста*, который былъ въ послѣдствіи напечатанъ. Вотъ онъ курьозу ради:

«ПРОТЕСТЪ.

Учиненъ сей (działo się) на границѣ города Городла-Надбужнаго, что въ воеводствѣ Любельскомъ, землѣ Хелмской, октября 14-го дня 1861 года.

Бывъ вызваны своими делегатами, земли, составлявшія Польшу, Литву и Русь, во время съѣзда нашихъ предковъ въ Городлѣ, въ 1418 году, каковый съѣздъ Польшу, Литву и Русь воедино неразвывными узами связалъ,— именно: воеводства Познанское, Калишское, Серодское, земля Добржинская и т. д. собрались нынѣ, имѣя представителей отъ всѣхъ духовныхъ корпорацій, а равно депутаціи отъ разныхъ литературныхъ обществъ, университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, медико-хирургической академіи, редакцій польскихъ и русинскихъ журналовъ; депутаціи всевозможныхъ цеховъ и разнаго рода обществъ и кружковъ, составляющихъ какую-бы то ни было организацію, вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами народа всѣхъ исповѣданій; собравшись двинулись (такъ-какъ другая, большая половина съѣзда задержана на той сторонѣ войсками) подъ знаменіемъ Христа-Спаси-

---

[1]) Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что разсказъ странника убѣждаетъ совершенно въ противномъ. Изъ всего, что передаетъ онъ, вполнѣ ясно, что городельскій съѣздъ былъ дѣломъ только паповъ. Странникъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о участіи народа. Съ нашей русской точки зрѣнія это обстоятельство уничтожаетъ всякое значеніе съѣзда въ Городлѣ *Ред.*

теля и соотвѣтственныхъ религіозныхъ символовъ,—торжественнымъ, процессіональнымъ ходомъ по направленію къ городу, дабы въ 448 годовщину нашего соединенія возблагодарить Всевышняго, что онъ сохранилъ всѣхъ насъ въ той-же любви и братствѣ, не смотря на вредоносное вліяніе трехъ непріязненныхъ державъ; и у подножія Его алтаря молить о всеобщемъ нашемъ воскресеніи, но, встрѣченные войсками, не можемъ пробраться на ту сторону рѣки и слѣдовать въ Городлъ. На границѣ приснопамятнаго соединенія трехъ народовъ возобновляемъ городельскій актъ во всей его силѣ и обширности. Протестуемъ противу насилія и утѣсненія нашихъ правъ, противу жестокихъ мѣръ правительства, противъ самовольнаго раздѣленія Польши, и желаемъ возвращенія ея независимости.

Такъ-какъ сей актъ не можетъ быть, при настоящемъ положеніи дѣлъ, препровожденъ куда слѣдуетъ, яко составленный въ краю, управляемомъ деспотически и (!) не имѣющемъ народнаго представительства, то явится во всѣхъ заграничныхъ изданіяхъ, дабы сдѣлаться извѣстну алчнымъ правительствамъ и ихъ прессѣ въ тѣхъ земляхъ, по милости коихъ раздаются вопли угнетеннаго народа.»

Слѣдуютъ подписи.

По ту сторону Буга, у Городла, произошла точно такая-же манифестація. Процессія, подобная устилужской, остановлена у рѣки военнымъ начальникомъ округа, генералъ-лейтенантомъ Хрущовымъ. Благодаря благоразумнымъ мѣрамъ, никакихъ несчастій не случилось; даже не было никакой свалки.

Все это сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ, почти одновременно съ похоронами Фіалковскаго.

Между-тѣмъ, центральный комитетъ, ловя благопріятное настроеніе умовъ и пользуясь *слабыми* полицейскими мѣрами внутри края, распространилъ еще два слѣдующіе циркула; одинъ отъ высшаго духовенства, другой отъ себя.

«Духовенство столицы братіямъ и товарищамъ во всей Польшѣ.

Съ польскимъ довѣріемъ обращаемъ къ вамъ это слово и подаемъ руку, освященную слезами и кровію варшавскихъ мучениковъ. Подайте намъ вашу: пусть эта кровь не пробуждаетъ въ насъ боязни, ибо это кровь жертвъ, кровь мученическая, пролитая, за вѣру и отечество После многихъ лѣтъ неволи и насилій, послѣ многихъ лѣтъ ожиданія помощи отъ чужихъ, къ кому напрасно протягивали скованныя цѣпями руки и вымаливали сострадания,—нынѣ въ первый разъ начинаемъ борьбу собственными силами и подымаемъ знамя нашей Вѣры—*Крестъ*, символъ искупленія. Богъ вложилъ въ насъ сверхъестественное мужество: взгляните, какъ народъ варшавскій исполински выросъ въ одну минуту, какъ смѣло идетъ въ битву съ сопостатомъ. Враги блѣднѣютъ. *Герой* два раза пролилъ нашу кровь и самъ устыдился, а храбрые витязи Владыки полвселенной со страхомъ глядятъ на бе-

зоружныхъ и даже на дѣтей. Бѣдные! Сжалимся надъ ними, какъ надъ заблудшими овцами: не вѣдятъ-бо, что творятъ. Они думаютъ сломить силу духа въ нашемъ народѣ: тщетная надежда! Закалъ нашего оружія крѣпче и длани наши сильнѣе, потому что невинны; а оружіе наше то, которымъ Христосъ побѣдилъ весь свѣтъ; которымъ были такъ могущественны святые мученики, терпѣвшіе за вѣру. Безумцы думали смыть кровь, пролитую нашими подвижниками; чистили мостовую, бѣлили стѣны, а кровь легла на ихъ совѣсть и возгнететъ тамъ адское пламя; пала на ихъ мозгъ и омрачитъ ихъ разумъ, клоня головы: ибо на нихъ написано перстомъ Божіимъ страшное слово: *позоръ*! Они стали подобны дикимъ звѣрямъ, отъ которыхъ всякій сторонится съ отвращеніемъ; собственныя чада бѣгутъ съ ужасомъ; родная земля выброситъ ихъ кости. Не думайте, братія, чтобы наши слова были плодомъ горячешнаго состоянія мозга—нѣтъ! ужь черезъ-чуръ много высосали они нашей крови изъ-подъ сердца, а когда кровь бросалась въ голову, лечили насъ холодными пластырями «обѣщательныхъ» указовъ Подите къ намъ и взгляните на Варшаву: это не прежняя вѣтряная Варшава; она возмужала подъ терновымъ вѣнцомъ, ибо стала королевою страданія, ибо въ груди своей совокупила слезы всей Польши. Она теперь истинное сердце народа. Цѣлый свѣтъ вздрогнулъ отъ негодованія и гнѣва на то, что въ ней совершилось. Враги и поносители нашего народа онѣмѣли и невольно преклоняютъ головы передъ Маестатомъ нашего чела. А народъ нашъ, единымъ оживленный чувствомъ, поетъ въ гробу гимнъ воскресенія. На челѣ спокойствіе; сверхъестественное самоотверженіе; въ очахъ слезы; на устахъ молитва; въ душѣ отвага раненаго льва. Прошелъ нашъ народъ тяжкія испытанія, но не упалъ духомъ; безоружный, смотритъ онъ смѣло на зіяющія смертію, наведенныя на него орудія, на волнующіяся кругомъ дикія полчища. Одно слово; одно напоминаніе, что отечеству нужны жертвы,—и тысячи бросятся впередъ, съ открытой грудью добывать мученическія пальмы.

Съ такимъ народомъ весело жить, весело и умирать. Нынѣ, этотъ народъ, о любезныя наши братія!.. поручилъ намъ быть передъ вами истолкователями его доблестныхъ чувствъ и стремленія: онъ молитъ васъ и заклинаетъ именемъ Бога и отчизны, воздѣвъ къ вамъ свои руки,—не оставить его въ столь великую минуту вашими молитвами, утѣшеніемъ и всякой помощью. Мы увѣрены, что вы питаете въ своихъ сердцахъ одинакія съ нами чувства любви къ Польшѣ, общей нашей Матери. Знаемъ, что съ каждымъ шагомъ впередъ ваше сердце бьется живѣе; что вы, какъ священнослужители распятаго за насъ Іисуса, уже тѣмъ самымъ становитесь священнослужители безграничной преданности отечеству, и когда будетъ въ томъ надобность, не отклоните главы своей отъ страдальческаго вѣнца: а потому, съ полной надеждою, взываемъ къ вамъ, дабы, откинувъ боязнь и тревогу неподвизавшихся еще апостоловъ, вы смѣло соединились съ нами. Какъ пастыри овецъ и воины Спасителя, станьте мужественно и будьте тверды, ибо врагъ намъ угрожаетъ, яко левъ, искій кого поглотиши. Онъ еще не насытился неповинной кровію, но не страшитесь: Богъ съ нами *)!»

---

*) Я предлагаю здѣсь только половину этого посланія, чтобы не утомлять читателей. Остальная часть исполнена повтореній того, что сказано здѣсь. Кромѣ того, въ концѣ, представляетъ изложеніе приватныхъ распоряженій и случаевъ, лишенныхъ общаго интереса.

Теперь послушайте воззваніе свѣтскихъ властей революціи:

«Во имя Бога!
Во имя народа!

Modlitwa o powolność!

(Слѣдуетъ циркуляръ, разосланный отъ имени Фіалковскаго и помѣщенный нами въ нашей первой статьѣ на стр. 27)

Таковъ былъ циркуляръ архіепископа Фіалковскаго отъ 3-го марта сего года, разлетѣвшійся въ безчисленныхъ письменныхъ и печатныхъ экземплярахъ по всѣмъ закоулкамъ нашего края. Сомнѣваться нельзя: ибо нѣтъ ни одного шляхетскаго двора, куда-бы онъ не достигъ, гдѣ-бы о немъ по крайней мѣрѣ, не слыхали; гдѣ-бы наконецъ не знали, что вся наша Польша покрылась нынѣ трауромъ, который наложили также на себя добровольно всѣ города Литвы и Бялоруси. А тѣхъ женщинъ, которыя наряжаются до сихъ поръ въ цвѣтныя платья, всѣ считаютъ за особъ дурнаго поведенія, или за женъ и дочерей русскихъ полиціантовъ. Великій, святой и торжественный сей трауръ (который мы должны-бы были надѣть еще за 60 лѣтъ назадъ) не есть изобрѣтеніе какихъ-либо немногихъ личностей, а есть страшное указаніе перста Божія; есть общее выраженіе пробудившагося народнаго духа,—слѣдствіе понятыхъ и прочувствованныхъ нами бѣдствій чужеземнаго ига. Вышеприсанный циркуляръ архипастыря—это не простое повелѣніе земной власти: это высокоторжественная санкція воли Божіей и воли народнаго духа.

Съ какимъ-же внутреннимъ, горькимъ соболѣзнованіемъ узнаемъ мы, что есть еще польскіе дома, гдѣ женщины до сихъ поръ одѣваются въ яркіе цвѣта, не только въ обыкновенной жизни, у себя, но даже и при публичныхъ сходбищахъ; даже въ костелахъ! Это въ высшей степени оскорбительно для народнаго маестата и столь преступно передъ лицомъ тѣхъ мучениковъ, кои погибаютъ теперь за отчизну; передъ лицомъ тѣхъ, кои бьются изо всѣхъ силъ, стараясь объ ея освобожденіи; будучи готовы ежеминутно на смерть и всякія мученія: что если бы мы не преписывали такого поведенія единственно легкомыслію и вѣтренности, а не злому намѣренію, то уже давно бы имена такихъ семействъ были внесены въ черную книгу и опубликованы въ газетахъ на общій позоръ и презрѣніе, за коими уже слѣдуетъ судъ народный.

Но не видя въ томъ злаго намѣренія, еще разъ прибѣгаемъ къ братскому увѣщанію и заклинаемъ всѣхъ, кто носитъ до сихъ поръ цвѣтныя платья, заклинаемъ любовію къ нашей несчастной Польшѣ; заклинаемъ ея вѣчнымъ стремленіемъ освободиться; нашей честію и честію дѣтей нашихъ чтобы вы не медля наложили на себя трауръ и носили его до той минуты, пока не ударитъ часъ избавленія. Помните, что теперь, среди полчищъ ренегатовъ, сбировъ и шпіоновъ, истинные поляки могутъ узнавать другъ друга только по трауру. Помните, что если мы всѣ его надѣнемъ, то уже однимъ этимъ разорвемъ позорныя связи съ москалями, и не только возбудимъ въ нихъ къ себѣ уваженіе, но и страхомъ ихъ обуяемъ: ибо у нихъ есть преданіе, что имъ до тѣхъ поръ владѣть Польшей, пока всѣ поляки не надѣнутъ траура. Помнить наконецъ, что наложивъ на себя трауръ, мы бу-

демъ въ глазахъ Европы, какъ живые столбы нашихъ границъ, о которыхъ идетъ у насъ съ врагами старый процессъ.

Надѣемся, что всего этого довольно, чтобы вы насъ послушались, а потому не вспоминаемъ ни о погибшихъ вашихъ братіяхъ въ Варшавѣ, Люблинѣ, Вильнѣ... ни объ оскверненныхъ костелахъ и кладбищахъ, ни о заброcанныхъ всякими нечистотами святыхъ иконахъ; ни о тѣхъ, кто стонетъ въ безчисленныхъ темницахъ, и ни о тѣхъ, кто пошелъ погибать въ изгнаніи; словомъ ни о какихъ мученіяхъ и бѣдствіяхъ, коимъ подвергается нашъ несчастный народъ ежедневно. Вы видите, что трауръ есть теперь ничто иное, какъ непремѣнная обязанность, душевная потребность всякаго поляка, святой нашъ долгъ, а потому вы неминуемо должны оный на себя наложить. Не вызывайте суда народнаго; не искушайте Господа-Бога, который наказуетъ ослушниковъ своей воли и всегда властенъ повергнуть насъ въ неожиданный трауръ, пославъ позорную смерть на кого-либо изъ нашихъ близкихъ.

Надѣньте (повторяемъ еще разъ) святой народный трауръ и носите его съ достоинствомъ и торжественно. Танцовать ни подъ какимъ видомъ! Кто эту землю, обрызганную мученическою кровію, опозоритъ безбожною пляской, для того эта земля не будетъ уже родною землею, а станетъ краемъ поношенія и безчестія и извергнетъ его по смерти изъ нѣдръ своихъ. Варшава, 28-го сентября 1861 года.

Такъ шибко и дѣятельно работала революція — у насъ за плечами, въ цѣломъ краю, но неосторожные поляки выдали себя сами въ Варшавѣ. Не столько съѣзды въ разныхъ Городлахъ, тайные циркуляры, трауръ и тому подобное, сколько манифестаціи въ родѣ похоронъ Фіалковскаго—вызвали со стороны нашего правительства болѣе рѣшительныя мѣры. Будь Варшава спокойна, не празднуй никакихъ «годовщинъ», не подымай «бѣлыхъ орловъ» на крыши—Графъ Ламбертъ со своимъ точнымъ и аккуратнымъ Герштенцвейгомъ просидѣли бы мѣсяцъ-другой, а тѣмъ временемъ милліоны раздражающихъ умы циркуляровъ, распространяемые такъ легко посредствомъ процессій въ Ченстохово и другіе священные пункты Царства, могли-бы подготовить болѣе серьозный матерьялъ возстанію.

Но дѣтскія шалости: какая-то корона, покрытая трауромъ; гимны, марши; непонятныя странствованія архипастырскаго гроба по десяти улицамъ Варшавы, заставили графъ Ламберта написать въ Петербургъ, что считаетъ необходимымъ объявленіе въ королевствѣ военнаго положенія.

Черезъ 4 дня послѣ того, именно 2-го (14) октября,—оно пріѣхало изъ Петербурга — и немедленно оглашено въ Варшавѣ и по всей Польшѣ. Это было тѣмъ нужнѣе, что на другой день, 3-го (15) октября (годовщина смерти Косцюшки) городъ, возбуждаемый плакатами, сбирался торжествовать панихиду по душѣ героя, во всѣхъ костелахъ. Купцовъ приглашали запереть всѣ лавки.

Но правительство рѣшилось не дремать. Генералъ Хрулевъ, назначенный командиромъ 2-го корпуса вмѣсто генерала Липранди, занялъ всѣ площади войсками. Варшава представила видъ осажденнаго города, какого-то Севастополя, гдѣ всюду видѣлись палатки, биваки, били барабаны, а Байеръ опять снималъ фотографіи. Кромѣ того, у европейской гостинницы, съ саксонскаго плаца, смотрѣли на краковское предмѣстье наведенныя дула орудій. У замка также стали пушки.

Намѣстникъ напечаталъ отъ себя дѣльное и толковитое воззваніе къ народу, въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, выставивъ не видъ все неблагоразуміе манифестаторовъ. Вслѣдъ затѣмъ оберъ-полицiймейстеръ, полковникъ Пильсудскій, извѣстилъ городъ, что никакихъ демонстрацій, процессій и ничего подобнаго, въ день смерти Косцюшки, допущено быть не можетъ, а съ купцовъ, которые поступятъ согласно плакатамъ, т. е. запрутъ лавки, будетъ взыскано по 100 рублей серебромъ съ каждаго. Однако, не смотря на всѣ воззванія и предостереженія, народъ сталъ сходиться, въ сказанный день, съ самаго ранняго утра, въ костелы: святаго креста, къ бернардинамъ и въ Фару.

Около половины 11 часа графъ Ламбертъ былъ увѣдомленъ, что по всѣмъ этимъ костеламъ начинаютъ пѣть революціонные гимны.

Герштенцвейгъ приказалъ кому слѣдуетъ взять три роты и окружить костелы. Однако, не начиная арестовъ, ему хотѣлось попробовать увѣщательныя мѣры: посланы къ народу офицеры съ приглашеніемъ разойтиться. Куда! никто и слышать не хочетъ! Такъ войска простояли до ночи, не предпринимая ничего. Въ окна Фары и къ бернардинамъ народъ кидалъ заключенникамъ булки. Послѣ полуночи офицеры снова явились въ костелы и просили разойтись. Отвѣта не было никакого. Тогда уже кликнули солдатъ. Произошло небольшое столкновеніе. Арестуемые защищались, пока могли, лавками и чѣмъ попало; но ихъ обезоружили и, отпустивъ женщинъ,—всѣхъ мущинъ отвели сперва въ замокъ, а потомъ въ цитадель. Всего на-все было забрано, въ двухъ костелахъ, 1678 человѣкъ. У св. креста не нашли никого. Вѣроятно народъ скрылся тѣми подземными ходами, которые стали извѣстны правительству только въ концѣ 1863 года, послѣ выстрѣла по ген. Бергу.

24 октября генералъ Герштенцвейгъ скоропостижно умеръ (5 ноября). Въ тотъ же день прибылъ въ Варшаву изъ Одессы генералъ-адъютантъ Лидерсъ, назначенный исправлять должность намѣстника (указомъ отъ 9-го (21) октября въ Ливадіи). Ген. Ламберта уже не было въ Варшавѣ: онъ выѣхалъ за границу. Его мѣсто, до ген. Лидерса, занималъ ген. Сухозанетъ. Временнымъ генералъ-губернаторомъ сдѣланъ Мерхелевичъ, сдавшій этотъ постъ, черезъ мѣсяцъ, генералъ-адъютанту Крыжановскому [1]).

[1]) Былъ до того времени начальникомъ Главнаго штаба 1-й арміи т. е. польской.

Лидерсъ нашелъ Варшаву въ самомъ безпокойномъ положеніи. Весь городъ шумѣлъ объ *оскверненіи святыни*: такъ растолкованы были аресты, произведенные въ храмахъ. Поляки говорили, что солдаты ворвались, какъ *Гунны Аттилы*. не снявъ шапокъ и всячески ругаясь надъ священными предметами католиковъ. Явилось нѣсколько изображеній этого нападенія; сдѣланы фотографическія карточки. которыя можно видѣть до сихъ-поръ въ Краковѣ и во Львовѣ. Принявшій бразды духовнаго правленія въ Варшавѣ, послѣ Фіалковскаго, прелатъ Бялобржесскій, счелъ нужнымъ запереть оскверненные костелы (опять картины и фотографіи!) и написалъ къ намѣстнику неслыханно-дерзкое письмо, гдѣ прямо говорилъ, что русская армія ведетъ себя, какъ скопища Аттилы.

Ген. Лидерсъ велѣлъ арестовать Бялобржесскаго и судить военнымъ судомъ, который приговорилъ его къ лишенію духовнаго званія, ордена Анны 2-й степени и разстрѣлянію, но преклонныя лѣта и вліяніе разныхъ высокихъ лицъ, спасли прелата отъ позорной смерти: Бялобржесскаго отправили на годъ въ крѣпость, не лишая духовнаго званія и ордена Анны 2-й степени.

Между-тѣмъ созванная намѣстникомъ капитула, для избранія новаго архіепископа, рѣшительно отказалась отъ этого и дала знать папѣ: не благоугодно ли будетъ ему, или освободить прелата, или назначить ему викарія. Храмовъ не отпирали. Положеніе наше было самое невыгодное и затруднительное.

Разумѣется, иностранная пресса воспользовалась такой сумятицей какъ нельзя лучше: и «Journal des Débats» (12 декабря) и «Le Monde», и многія другія ратуютъ за Бялобржесскаго и богъ-знаетъ что пишутъ объ арестѣ въ костелахъ.

Велепольскій, въ краткое *междуцарствіе* (по отъѣздѣ Ламберта за границу) имѣлъ опять столкновеніе съ ген. Сухозанетомъ; наконецъ нѐ выдержалъ и подалъ въ отставку. На его мѣсто назначенъ тайный совѣтникъ Губе.

Если читатель припомнитъ нашу замѣтку объ его процессѣ со Свидинскими: въ это время, разставаясь съ Польшей, какъ завѣдывавшій ея гражданскими и духовными дѣлами, онъ хотѣлъ блеснуть великодушіемъ и безкорыстіемъ и передалъ выигранную имъ библіотеку, вмѣстѣ съ нумизматическимъ кабинетомъ и другими рѣдкостями, въ наслѣдственное обладаніе графовъ Красинскихъ, какъ людей богатыхъ, которые могли все это поддержать въ приличномъ видѣ. Высочайшее соизволеніе на это воспослѣдовало 28 ноября (10 декабря) 1861. Но такъ какъ къ Велепольскому были не расположены, то никто не замѣтилъ его великодушія; напротивъ, иные говорили, что онъ поступилъ не такъ, какъ слѣдовало, передалъ *не все*.

Наконецъ, тяжелый 1861 годъ канулъ въ вѣчность. Наступилъ 1862-й Одна варшавская газета привѣтствуетъ его стихами:

Rok po roku mija, leci,
Sześćdziesiąty drugi w progu;
Co nam niesie? Czém zaświeci?...
To wiadomo tylko Bogu!

. . . .

Z wiarą w Boga, w każdéj dobie,
Postepujcie wśród bezdroży;
A czy w szczęsciu, czy w załobie.
Spoglądajcie na kizyź Boży!

—

«Шестьдесятъ второй стоитъ
Годъ у нашего порогу;
Что несетъ онъ, что сулитъ —
То извѣстно только Богу.

—

Наша правда въ небеси...
Посрединѣ бездорожья,
Польша, крестъ ты свой неси.
Вѣрь, на все есть воля Божья!

Въ новый годъ ген. Лидерсъ, принимая у себя чиновниковъ, помѣщиковъ и горожанъ, выразилъ имъ, весьма естественно, надежду, что этотъ годъ, вѣроятно, увидитъ Варшаву въ томъ состояніи спокойствія, которое дозволитъ *почерпать въ прошедшемъ предостереженія опыта*. «Мнѣ нужно, господа, ваше содѣйствіе, а я, съ своей стороны, буду всегда имѣть въ виду потребности края».

Кто-то замѣтилъ варшавскимъ газетчикамъ, что они вовсе не печатаютъ ничего о театрахъ. Даже нѣтъ никакихъ извѣщеній, что когда идетъ. И вотъ они принялись извѣщать объ этомъ публику съ такимъ ироническимъ усердіемъ, что упоминали о театрахъ даже и тогда, когда не было никакихъ представленій. 500 разъ вы можете увидѣть слѣдующую фразу: «*Большой театръ... ничего не будетъ*».

Первая публикація (послѣ двухъ годичнаго молчанія) была 27 декабря (8 января): въ Большомъ театрѣ «Damy i Husary. Sto za sto».

Генералъ-адъютантъ Крыжановскій и нѣсколько другихъ лицъ, занятыхъ *серьознымъ*, видѣли очень хорошо, что тутъ ужь не до театровъ.

Костелы были заперты. Это производило затрудненія. Нужно было прежде всего отворить ихъ, что́ могъ сдѣлать, однакоже, только архіепископъ, а его не было. Надо было назначить архіепископа.

Жребій палъ на ксендза Сигизмунда-Щеснаго Фелинскаго, человѣка не глупаго, молодаго (только безхарактернаго), воспитаннаго въ Россіи. Главное: *воспитаннаго въ Россіи*. На это разсчитывали въ-особенности.

Онъ происходилъ изъ хорошей, образованной фамиліи. Мать его, урожденная *Вендорфъ*, написала: «Путешествіе по Сибири». Самъ Фелинскій преподавалъ богословіе въ духовной римско-католической академіи Петербурга, любилъ литературу, даже, говорятъ, пописывалъ, но въ печать ничего не выдалъ. То, что ему фальшиво приписываютъ, принадлежитъ перу Станислава Фелинскаго, живущаго въ Вильнѣ. Кажется, именно этотъ Фелинскій написалъ «Boże coś Polskę».

Утвержденіе Фелинскаго было обдѣлано скоро. Онъ былъ преконизованъ (prekonizowany) въ архіепископа Варшавы 25 декабря (6 января), въ Римѣ, и вскорѣ получилъ оттуда *паліушъ*, особенную священную перевязь, какъ это требовалось по правиламъ католиковъ, а черезъ мѣсяцъ, именно 28 января (9 февраля) былъ уже въ Варшавѣ. Спустя три дня потомъ, въ 9 часовъ утра, отперты костелы.

Само собою разумѣется, что варшавское духовенство и вообще поляки смотрѣли на Фелинскаго косо, какъ на человѣка, *воспитаннаго съ Россіи*, пріѣхавшаго изъ Россіи и *тамъ* сдѣланнаго архіепископомъ, а не дома, въ Варшавѣ, гдѣ на то имѣется особая капитула. Фелинскій представлялся имъ чѣмъ-то въ родѣ русскаго чиновника, который (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ) никоимъ образомъ не могъ присоединиться къ ихъ котеріи.

Очень скоро дамъ, являвшихся въ публикѣ съ лиловыми лентами или цвѣтами, стали называть *коханками Фелинскаго*, вслѣдствіе того, что онъ носилъ лиловыя рясы. Это продолжалось болѣе году, до самаго перехода Фелинскаго въ *настоящую вѣру*.

Стали оскорблять даже самого Фелинскаго.

29 марта (10 апрѣля) онъ говорилъ прихожанамъ рѣчь въ Фарѣ: народъ, подучаемый школярами, вдругъ весь вышелъ изъ костела, вслѣдствіе чего произведены аресты. Взято 14 человѣкъ зачинщиковъ и посажено въ цитадель.

Потомъ началось пѣніе запрещенныхъ гимновъ по всѣмъ костеламъ. Пѣли обыкновенно молодые люди и женщины. Воздухъ не успокоивался, не смотря ни на какія мѣры. Затрудненія увеличивались. Все казалось подозрительно. Весьма многіе мечтатели вѣрили въ тайную связь русскаго общества *Земля и Воля* съ поляками. Мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ о печальныхъ результатахъ такого положенія.

Около того же времени обвинены молодые офицеры Арнгольдъ и Сливицкій въ распространеніи между солдатами запрещенныхъ сочиненій, и они разстрѣляны.

Обвиняемыхъ разстрѣляли въ Новогеоргіевскѣ. На другой день, 15-го (27) іюня, въ 8-мъ часу утра, Лидерсъ, гуляя въ саксонскомъ саду,

подлѣ минеральныхъ водъ, былъ раненъ пистолетною пулей въ шею. Она прошла въ ротъ, повредивъ челюсть.

Стрѣлявшій былъ человѣкъ конечно очень смѣлый. Выстрѣлить въ намѣстника днемъ, въ публичномъ саду, гдѣ, въ минуты его прогулокъ, разставлялись по всѣмъ дорожкамъ казаки, жандармы и полиціанты — это, разумѣется, требовало нѣкотораго присутствія духа. Впрочемъ надо замѣтить, что *подлѣ* Лидерса никого не было. Онъ не любилъ, чтобы кто-нибудь торчалъ около него, когда онъ гуляетъ. Жандармы и казаки, стоявшіе въ аллеяхъ, вѣроятно, зѣвали по сторонамъ. Какой-то казакъ, однакожъ, видѣлъ господина, пробѣжавшаго въ калитку, чтó за минеральными водами, но долго объ этомъ молчалъ. Калитка вела на рынокъ, за *желѣзной брамой* и тутъ выстрѣлившій скрылся въ толпѣ. Сидѣлъ онъ до выстрѣла, безъ сомнѣнія, за деревянной перегородкой налѣво (если идти къ зданію минеральныхъ водъ), гдѣ всегда лежитъ сѣно для коровъ, которыя содержатся въ строеніи направо (тутъ пьютъ гуляющіе молоко). Пуля ударила въ это строеніе, подлѣ каштана. До сихъ поръ можно видѣть оставленный ею слѣдъ; онъ поддерживается кѣмъ-то, не смотря на всѣ старанія полиціи его замазать.

Слѣдствіе, наряженное по этому поводу, не открыло ничего. Убійца скрылся. Говорили послѣ, что онъ уѣхалъ въ Америку. Были также слухи, что это Потебня, офицеръ шлиссельбургскаго полка, перешедшій къ полякамъ и убитый подъ Пяскóвой Скалой.

И вотъ новый намѣстникъ, только-что начавшій службу, долженъ былъ также оставить Варшаву.

Время было такое, когда чувствовалась потребность въ самомъ крутомъ поворотѣ.

Рѣшено послать намѣстникомъ Великаго Князя Константина Николаевича.

Великій Князь назначенъ въ должность намѣстника въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, когда Лидерсъ не былъ еще раненъ.

Открывая засѣданія государственнаго совѣта 29 мая (10-го іюня), президентъ, то-есть Лидерсъ, объявилъ объ этомъ присутствующимъ. 2 (14-го) іюня прибылъ въ Варшаву Велепольскій, какъ начальникъ гражданскаго управленія въ Польшѣ.

Прежде всего, еще до прибытія Великаго Князя, сочли нужнымъ дать привиллегіи евреямъ.

Привиллегіи эти состояли въ томъ, что имъ разрѣшено покупать дома и недвижимыя имѣнія во всемъ Царствѣ; пребывать во всѣхъ городахъ, сколько имъ угодно; являться свидѣтелями при нотаріальныхъ и другихъ актахъ; въ криминальныхъ процессахъ показаніе еврея не разнится ничѣмъ отъ показанія христіанина.

Устроивъ это, Велепольскій сказалъ двѣ рѣчи: одну въ государственномъ совѣтѣ, другую на пріемѣ у себя чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Лидерсъ уже лежалъ тогда въ постели, раненный. Было естественно обратить вниманіе слушателей на это горестное обстоятельство: Велепольскій замѣтилъ, что такой выстрѣлъ—по намѣстнику—есть неслыханный поступокъ на землѣ польской.

Никто не воображалъ, что это несчастіе, притомъ въ болѣе нелѣпомъ видѣ, должно вскорѣ повториться на землѣ польской еще разъ!

20 іюня (2-го іюля) Великій Князь и Великая Княгиня прибыли въ Варшаву, вечеромъ въ 5 часовъ.

Народу при встрѣчѣ было довольно, но сдержаннаго, молчаливаго.

Великій Князь отправился прежде всего въ русскій Соборъ, потомъ къ св. Яну.

Нѣкоторые ожидали что Варшава, съ прибытіемъ Великаго Князя, сниметъ трауръ и явится, въ нѣкоторомъ родѣ, колѣнопреклоненной. Тутъ и посыплются привиллегіи. Конечно, это были очень странныя мечты. И вообще, планъ Велепольскаго (слить Польшу симпатическими узами съ Россіей, подъ скипетромъ одного Монарха, въ томъ самомъ видѣ, какъ она есть, давъ только ей иныя, конституціонныя учрежденія) казался многимъ утопіей. Это было дѣйствительно ничто иное, какъ утопія—*въ ту минуту*, когда всѣ *умѣренные*, иначе *бѣлые*, попрятались по угламъ и не составляли уже ровно никакой силы, или просто перешли на сторону *красныхъ*, а красные сдѣлались еще краснѣйшими. Но въ началѣ, когда все было тихо (именно съ 1856 года по 1859), когда большинствомъ умѣренныхъ чувствовалась нѣкоторыя усталость отъ убійственныхъ періодическихъ потрясеній, уродующихъ край; когда лучшіе граждане Варшавы очень серьозно раздумывали о томъ: нѣтъ-ли какихъ средствъ *намъ примириться?* тогда энергическія и честныя мѣры съ искреннимъ желаніемъ поладить съ поляками,—могли удасться и утопія Велепольскаго не была-бы утопіей.

Я вамъ сказалъ въ началѣ моего очерка, что русская обломовщина играетъ очень серьозную роль въ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ; и не разумѣя вполнѣ этой обломовщины, нельзя писать русско-польской исторіи никакому на свѣтѣ Маколею.

Въ ту пору, о которой идетъ рѣчь,—мысль обо всякихъ оваціяхъ, неподдѣльныхъ виватахъ и восторгахъ по случаю пріѣзда какогобы-то ни было намѣстника—не могла ужиться въ сердцахъ большей части варшавцевъ. Великій Князь въѣзжалъ съ привиллегіями, а Варшава, по крайней-мѣрѣ ея *красные* зажигатели, ковали злой умыселъ. Избранный ими убійца, работникъ портняжнаго заведенія, *Людвигъ Ярошинскій*, выходилъ (если вѣрить его словамъ) съ пистолетомъ къ дебаркадеру варшав-

ско-петербургской желѣзной дороги, чтобы убить Великаго Князя и могъ-бы это сдѣлать, но присутствіе Великой Княгини его остановило...

Роковой, безумный выстрѣлъ послѣдовалъ на другой день, 21 іюня. Великій Князь былъ въ театрѣ, на представленіи оперы «*Александръ Страделла*». Содержаніе ея таково: Страделла, артистъ, влюбляется въ воспитанницу одного венеціанскаго скряги и похищаетъ ее. Воспитатель, намѣревавшійся самъ жениться на своей воспитанницѣ, съ корыстными цѣлями (чтобы завладѣть ея капиталомъ, завѣщаннымъ кѣмъ-то) нанимаетъ убійцъ. Второй актъ представляетъ обрядъ вѣнчанія. Убійцы ждутъ Страделлу на площади...

Въ это время Великій Князь, не дождавшись окончанія пьесы, вышелъ изъ театра и хотѣлъ ѣхать домой. Когда онъ сѣлъ въ коляску (во внутреннемъ, кругломъ дворикѣ, а не у подъѣзда, гдѣ входятъ) къ нему приблизился какой-то человѣкъ и протянулъ руку, какъ-бы желая подать просьбу. Великій Князь нагнулся—вдругъ грянулъ выстрѣлъ...

Разумѣется, произошла страшная суматоха. Нѣкоторые поляки знали, что будутъ стрѣлять по Великому Князю. Иные изъ нихъ даже сказали, сидя въ театрѣ: «*это выстрѣлъ по Страделлѣ*»! Великій Князь былъ раненъ въ плечо, по счастію, не опасно. Пуля ударила въ эполетъ и въ немъ остановилась... раненнаго перенесли въ театръ и сдѣлали перевязку. Конечно, 3-го послѣдняго акта уже не играли. Все зданіе оцѣплено солдатами. Выстрѣлившій взятъ; его начало отъ чего-то рвать. Нѣкоторые думаютъ, что онъ принялъ передъ выстрѣломъ яду. Въ Польской брошюрѣ Ruch polski z 1861 roku (кажется, пера Мнишевскаго, подъ редакціей Велепольскаго) сказано, что многіе послѣдующіе убійцы признавались, будто бы ихъ, незадолго передъ отправленіемъ *на службу*, поили наркотиками.

Очень скоро стало извѣстно, что стрѣлявшій называется Ярошинскимъ; что это молодой человѣкъ 22 лѣтъ; жилъ въ Варшавѣ съ 1858 года, сначала у портнаго Пнярскаго, потомъ у Станьковскаго. Когда спросили его: «Зачѣмъ онъ стрѣлялъ по Великому Князю»?—онъ отвѣчалъ: «мстилъ за *вашу* стрѣльбу по народу, вотъ и все. Обдумалъ эту исторію самъ, подученъ никѣмъ не былъ. Револьверъ купилъ у неизвѣстнаго за 15 рублей. Штилетъ (который былъ найденъ у него въ карманѣ)—у тогоже человѣка, помнится, за 3 рубля».

— А не знаешь-ли, кто стрѣлялъ по Лидерсу?—«Я-же», отвѣчалъ Ярошинскій. Спросили о подробностяхъ: какъ, когда? Изъ того-ли же, или другаго револьвера? Онъ не далъ никакихъ точныхъ показаній, а выразился просто: «выстрѣлилъ и—конецъ! Что вамъ еще?» (Strzeliłem,—i kwita!)

Ясно было, что онъ хочетъ принять на себя чужое злодѣяніе, кото-

рому вовсе не причастенъ. Онъ зналъ, что его ожидаетъ: стало-быть, отчего не взять на себя вину другаго и тѣмъ спасти того отъ преслѣдованій закона. Подробные распросы на квартирѣ, гдѣ онъ жилъ, показали, что онъ лжетъ: онъ былъ въ ту минуту, какъ стрѣляли по Лидерсу, дома. Его уличили. «Да, точно, сказалъ онъ послѣ этого очень хладнокровно: я былъ въ это время дома».—Зачѣмъ-же врать?—«А такъ мнѣ вздумалось!» (Tak mi się podobało!)

Вслѣдъ затѣмъ пошли другія улики: на дворѣ, гдѣ былъ сдѣланъ выстрѣлъ, найденъ вскорѣ еще револьверъ, совершенно подобный револьверу Ярошинскаго, и такой-же штилетъ. Значило: былъ еще убійца, струсившій и бросившій оружіе, при суматохѣ, на землю.

Сколько ни добивались имени этого человѣка, Ярошинскій стоялъ на одномъ, что онъ ничего не знаетъ. Упомянулъ только, что ихъ *обоихъ* уговорилъ какой-то Хмѣленскій. Я послѣ слышалъ, что этотъ-то *другой* и былъ Хмѣленскій, котораго центральный комитетъ ищетъ не менѣе, чѣмъ мы, какъ поступившаго подло и безчестно противъ Ярошинскаго и комитетскаго декрета: они должны были выстрѣлить *вдругъ*, съ двухъ сторонъ коляски.

Въ карманѣ Ярошинскаго нашли исписанную бумажку, гдѣ были, между прочимъ, слѣдующія слова: «*Такъ поступай, народъ, со всякимъ. Бей и мордуй варваровъ и скорѣе дойдешь до желанной цѣли. Прощайте, братья-поляки! Мнѣ недолго жить: иду на тотъ свѣтъ, молить Господа-Бога (вдохновившаго меня на эту мысль), дабы онъ послалъ нашей Польшѣ лучшіе дни*».

Тутъ уже слышится крикъ фанатизма, безусловная рѣшимость на все.

Надо замѣтить, что Ярошинскій былъ человѣкъ смирный, только чрезвычайно характерный. Онъ готовился къ убійству спокойно, какъ-бы на пріятную прогулку за городъ, въ веселой компаніи. Ему не измѣнила ни одна черта. Въ день выстрѣла онъ пришелъ домой, къ Станьковскому, обѣдать, въ часъ по полудни, какъ приходилъ всегда; *поѣлъ* и легъ на свою кушетку, но не спалъ. Въ четвертомъ часу всталъ и вышелъ, посвистывая...

Большинство, даже, можно сказать, масса не одобряла этого покушенія, сознавая, какъ оно безсмысленно, подло. Стрѣлять по человѣку, который ровно ничего не сдѣлалъ оскорбительнаго для Польши, да и не могъ сдѣлать: онъ только-что прибылъ! Всѣ, сколько-нибудь разсудительные, могли ожидать, что прибытіе Великаго Князя, Государева брата, не такъ просто, какъ прибытіе обыкновеннаго генерала, и обѣщаетъ, конечно, какія-либо чрезвычайныя перемѣны. Этого точно ожидали; объ этомъ говорили... Великій Князь скоро сталъ получать анонимныя письма, въ которыхъ увѣряли его, что поляки, покамѣстъ, ничего противъ него не

имѣютъ; чтобы онъ не безпокоился за свою жизнь, а равно и за жизнь своего семейства. Но были и такіе, кто находилъ Ярошинскаго мученикомъ свободы.

Центральный комитетъ, вполнѣ организованный въ то время, работалъ неутомимо. Говорили послѣ, что въ немъ было нѣсколько засѣданій по поводу вопроса: *бить* или *не бить?..* Разсматривался, въ своемъ родѣ, гамлетовскій «That is the question!» Большая часть членовъ долго держалась мнѣнія, что *бить* (то-есть убивать) не слѣдуетъ; что тайное убійство вредитъ репутаціи даже и подземнаго правительства; что это не въ нравахъ славянскихъ; противно христіанской религіи; напоминаетъ Венецію, Испанію... Но вдругъ явился листокъ, подъ названіемъ Głos kapłana polskiego, гдѣ доказывалось, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ, когда врагъ позволяетъ себѣ всякія противузаконныя мѣры, забывъ о христіанствѣ—не пользоваться тайнымъ кинжаломъ, значило вести слишкомъ неравную борьбу, лишать себя выгодъ и успѣха, дѣлать умышленно шансы не одинаковыми, когда они и безъ того уже черезчуръ не одинаки.

Этотъ листокъ или газета, съ добавленіемъ позже нѣсколькихъ другихъ, въ томъ-же духѣ, подѣйствовалъ на массу членовъ варшавскаго фемгерихта—и страшное право тайной мести было разрѣшено торжественно. «Ярошинскіе» послѣдующаго времени были приводимы ксендзами къ присягѣ *на распятіи*.

Послѣднее совершенно вѣрно. Что-же касается до появленія Głosu kapłana и его дѣйствія на комитетъ: я передаю только слухъ, до меня достигшій, а убѣдиться фактами не имѣлъ случая, потому-что, не смотря на всѣ мои старанія, никогда не могъ добиться *перваго номера* этой газеты, и не знаю даже о его содержаніи и когда онъ вышелъ.

Во 2-мъ номерѣ Głosu kapłana говорится о томъ, когда можетъ народъ возстать.

Если взять этотъ номеръ Głosu kapłana за основаніе слуховъ, о которыхъ я упомянулъ, выйдетъ небольшой анахронизмъ: сказанный номеръ явился въ свѣтъ *5 августа 1862 года*, а тайныя убійства начались раньше.

Добавлю для любопытныхъ, что газета Głos kapłana, выходившая небольшими тетрадями, въ большую четверку, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ (мнѣ случилось видѣть до 10 номеровъ) вовсе не была произведеніемъ «духовнаго пера». Большая часть номеровъ написана свѣтскими людьми. Были, говорятъ, между-прочимъ, статьи Падлевскаго. Впрочемъ, немного позже участвовали въ этой газетѣ ксендзы: Вышинскій и Стецкій, бывшіе *делегатами*.

Въ концѣ іюля явилась первая печатная *организація возстанія.* [1]) Тамъ сказано было слѣдующее:

«Десять человѣкъ, связанные вмѣстѣ, составляютъ единицу, надъ коей имѣетъ власть десятникъ. Число *десять* лежитъ въ основаніи организаціи. Десятника назначаетъ сотникъ, а окружный его утверждаетъ. Въ случаѣ неисполненія приказанія, или противнаго программѣ поступка, десятникъ, по представленію сотника, получаетъ увольненіе отъ окружнаго.

«Десятнику даетъ приказанія сотникъ.

«Десятникъ старается, какъ можно чаще, доносить сотнику обо всемъ случающимся въ его десяткѣ. Точно также сообщаетъ ему предостереженія и свѣдѣнія, собранныя внѣ десятка; въ случаѣ ихъ важности, сотникъ даетъ знать окружному.

«Десятникъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ подчиненными и, будучи обязанъ наблюдать за цѣлостію и безопасностію всего десятка, смотритъ за поведеніемъ подчиненныхъ, объясняя, что кому слѣдуетъ дѣлать, согласно программѣ организаціи; при чемъ не можетъ допускать никакихъ отъ оной уклоненій.

«Новаго члена принимаютъ десятникъ и сотникъ по рекомендаціи и за отвѣтственностью кого-либо изъ прежнихъ членовъ десятка. Принимая таковаго, должно обращать вниманіе на его характеръ, поведеніе и степень готовности жертвовать собою отчизнѣ. Взятіе честнаго слова и обязательства хранить тайну, какъ на свободѣ, такъ и подъ арестомъ, въ тюрьмѣ,—есть совершенно достаточная и единственная форма при вербовкѣ новаго члена. Присяга требуется только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Какъ непремѣнное условіе, введена будетъ передъ возстаніемъ.

«Каждому десятнику, который отвѣчаетъ за соблюденіе подчиненными своихъ обязанностей, дозволяется набрать новый десятокъ и быть въ ономъ десятникомъ. Когда таковыхъ наберется сотня, то бывшій десятникъ становится сотникомъ.

«Всѣ члены десятка, а равно и другихъ такихъ-же единицъ, начальники и подчиненные, должны составлять одно неразрывное цѣлое, дабы легче слѣдовать тѣмъ правиламъ, кои установлены организаціей. Должны, прежде всего, безусловно повиноваться центральному народному комитету и высшимъ властямъ, отъ него поставленнымъ. Обязаны, въ особенности точно, ревностно и добросовѣстно исполнять повелѣнія комитета во время назначаемаго имъ сбора податей. Въ отношеніи товарищей по службѣ обязаны оказывать одинъ другому взаимную помощь и защиту, въ случаѣ какого-либо несчастія или опасности попасть въ руки враговъ. Обя-

[1]) Опубликованная по приказанію намѣстника въ варшавскихъ газетахъ. *Ред.*

заны распространять между народомъ повстанскую пропаганду, а сами организоваться по возможности революціоннымъ способомъ, на военную ногу, сохраняя величайшую тайну. Воспитывать въ себѣ необходимую для совершенія всякихъ серьозныхъ предпріятій воинскую и гражданскую отважность, терпѣніе и готовность жертвовать собою отчизнѣ безусловно. Каждый при семъ долженъ знать, что за неисполненіе обязанностей и приказаній подвергается строжайшей отвѣтственности.

«Сотникъ имѣетъ власть надъ десятью десятниками и посредствомъ ихъ управляетъ сотней. Сотника назначаетъ окружный, а смѣняетъ городское отдѣленіе, по представленію окружнаго, если сей послѣдній найдетъ въ томъ надобность. Сотникъ получаетъ приказанія отъ окружнаго, коему старается доносить, какъ можно чаще, обо всемъ случающемся въ его сотнѣ, а равно и внѣ оной. Сотникъ обязанъ наблюдать за безопасностью сотни и точнымъ исполненіемъ ею всего, что требуется. Аттрибуты власти сотника въ сотнѣ суть тѣже, что десятника въ десяткѣ.

«Окружный имѣетъ власть надъ десятью сотниками и черезъ нихъ правитъ тысячью человѣкъ. Окружнаго назначаетъ городское отдѣленіе, а утверждаетъ центральный, либо провинціальный комитетъ. Въ случаяхъ, когда находитъ нужнымъ, комитетъ даетъ окружному отставку. Окружный получаетъ приказанія отъ отдѣленнаго начальника, или отъ самого городскаго отдѣленія, чрезъ агента, постоянно и нарочно къ нему посылаемаго. Окружный подаетъ ежедневные рапорты отдѣленному о состояніи округа и наблюдаетъ за лицами, вредными для организаціи.

«Рапорты и приказанія отдавать не иначе, какъ устно, или условными знаками. Аттрибуты окружного въ округѣ суть тѣже, что́ и сотника въ сотнѣ.

«Два или три округа, сообразно съ обстоятельствами, или вслѣдствіе усмотрѣнія городскаго отдѣленія, составляютъ особое отдѣленіе, управляющій коимъ, отдѣленный начальникъ, получаетъ приказанія непосредственно отъ городскаго отдѣленія, либо отъ агентовъ комитета.

«Отдѣленный занимается, главнѣйшимъ образомъ, контролированіемъ окружныхъ и сообщеніемъ подвѣдомственной ему части военнаго образованія. Аттрибуты его въ отдѣленіи суть тѣже, что и окружнаго въ округѣ.

«Власть надъ отдѣленными въ Варшавѣ отдана городскому отдѣленію, которое слагается изъ трехъ членовъ комитета. Городское отдѣленіе наблюдаетъ за городомъ и всей гминной организаціей; подаетъ рапорты комитету и получаетъ отъ него инструкціи, кои въ точности и неуклонно исполняетъ. Начальникъ города можетъ быть уволенъ только комитетомъ.

«Въ провинціи организація точно таже, съ тою только разницею, что мѣсто сотника заступаетъ окружный, коего власть простирается на тер-

риторію всего округа. Мѣсто окружнаго заступаетъ начальникъ повѣта, а мѣсто городскаго отдѣленія — воеводскій начальникъ и совѣтъ. Послѣдній выбираетъ себѣ еще одного или двухъ повѣтовыхъ начальниковъ.

«Воеводскій начальникъ распоряжается самъ отъ себя, или получаетъ приказанія черезъ постояннаго агента изъ комитета.

«Въ провинціяхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Варшавы, какъ-то: въ Литвѣ, Бялоруси, Галиціи и въ Познанскомъ воеводствѣ, должна быть введена точно такая же организація, съ провинціальными комитетами, которые управляютъ всею организаціей, находясь однако въ постоянныхъ сношеніяхъ и согласіи съ центральнымъ комитетомъ Варшавы, посредствомъ агентовъ, и отъ него получаютъ предписанія.

«Народный эмиграціонный комитетъ, состоя подъ вѣдѣніемъ центральнаго комитета Варшавы, вводилъ за границей ту же самую народную организацію и правитъ ею. Занимается между-прочимъ изданіемъ польскихъ сочиненій, стараясь всемѣрно располагать общественное мнѣніе Европы въ пользу Польши, и слѣдитъ за усиліями угнетенныхъ народовъ придти въ движеніе. Доноситъ центральному комитету о состояніи Европы.

«Комитетъ военный, образуясь самостоятельно, на подобіе центральнаго, изъ двухъ членовъ-делегатовъ, военнаго и гражданскаго, сообщается съ нимъ и получаетъ отъ него *знаки и начертанія* (hasła i insynuacje), пока находится въ Польшѣ. Въ главномъ направленіи своихъ дѣйствій слѣдуетъ указаніямъ центральнаго комитета.

«Центральный народный комитетъ имѣетъ резиденцію въ Варшавѣ и совокупляетъ въ себѣ всю власть надъ организаціей. Онъ представляетъ нѣкоторымъ образомъ неограниченную власть; въ дѣйствіяхъ своихъ никому не отдаетъ отчета, а равно причинъ и поводовъ къ онымъ никому не объясняетъ. Можетъ быть уничтоженъ только съ согласія большинства своихъ же членовъ. Всякое сопротивленіе и прекословіе его власти не поведетъ ни къ чему и не даетъ законныхъ правъ на учрежденіе чего-либо новаго.

«Центральный народный комитетъ состоитъ изъ 7 членовъ, которыхъ избираетъ самъ, а увольняетъ оныхъ большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ арестованія одного, или нѣсколькихъ членовъ, оставшіеся выбираютъ новыхъ, принимая въ соображеніе силу характера, умъ и расположеніе къ возстанію новаго члена. Избраніе одобряется большинствомъ голосовъ. Предсѣдательствуетъ въ семъ случаѣ регуляторъ.

«Центральный комитетъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

1) Дѣла города Варшавы.

2) Дѣла провинцій.

3) Заграничныя сношенія.

4) Отдѣленіе полиціи, посредствомъ коей центральный комитетъ слѣдитъ самымъ внимательнымъ образомъ, какъ за наѣздомъ, такъ и за всѣми движеніями народа.

5) Финансовыя дѣла.

«Сверхъ того, центральный комитетъ, при отдѣлѣ заграничныхъ сношеній, имѣетъ «отдѣленіе прессы» состоящее подъ его непосредственнымъ надзоромъ. Чрезъ это отдѣленіе онъ правитъ публичнымъ мнѣніемъ. Наконецъ приняты мѣры къ учрежденію почтъ на всей польской территоріи. Каждый изъ членовъ комитета состоитъ, по очереди, дежурнымъ. Мѣсто его пребыванія извѣстно только городскому отдѣленію, отдѣленнымъ начальникамъ и постояннымъ агентамъ. Постоянные агенты бываютъ также въ провинціяхъ и за границей. Кромѣ того, каждый изъ членовъ имѣетъ при себѣ двухъ агентовъ-помощниковъ.

«За неисполненіе приказаній, или противныя программѣ дѣйствія, центральный комитетъ увольняетъ виновныхъ просто, или становится судомъ; не то назначаетъ судъ изъ другихъ лицъ и требуетъ преступившихъ правила къ объясненію.

«Члены центральнаго комитета даютъ торжественную присягу хранить въ тайнѣ свои имена, а также дѣйствія комитета и всей организаціи, какъ во время нахожденія своего на службѣ комитета, такъ и по выходѣ въ отставку.

«Минуту *возстанія* назначаетъ самъ комитетъ; составляетъ планъ и выбираетъ военнаго начальника Польши, устраивая тогда же временное правительство, съ открытіемъ дѣйствій коего, комитетъ и народная организація упраздняются.

«Дано въ Варшавѣ, 24 іюля 1862.»

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти правила никогда не исполнялись съ надлежащей точностью. Подземныя свойства «организаціи» постоянно этому мѣшали. Но комитетъ все-таки былъ въ ту минуту силенъ. На него смотрѣли долгое время какъ на сонмище духовъ, для открытія которыхъ нужна была длинная вереница сложныхъ трудовъ, ошибокъ; замѣна очень многихъ польскихъ чиновниковъ русскими; а главное, совершенное преобразованіе полиціи, среди которой таятся члены «организаціи» до сихъ поръ.

Кто былъ въ то время, о которомъ мы пишемъ, членами центральнаго комитета — сказать трудно. Въ послѣдствіи открыто нѣсколько именъ. Иныя объявлены печатно самими поляками. Прежде всѣхъ, кажется, узнано имя *Леона Франковскаго*, сообщенное швейцарцемъ Бонаромъ, который былъ арестованъ въ концѣ 1861 года, вслѣдствіе переписки его съ Мирославскимъ. Леонъ Франковскій занималъ въ центральномъ комитетѣ мѣсто военнаго министра. Позже, въ центральномъ ко-

митетѣ, судя по слухамъ, находился и братъ Франковскаго, [illegible] Кромѣ того были тогдашними членами комитета (или немного спустя): Шварцъ, Авейда, Эпштейнъ (министръ финансовъ), Пронзинскій и Падлевскій. Бо́льшихъ подробностей по этой части, покамѣстъ, я сообщить не могу. При дальнѣйшемъ изложеніи событій, мы приведемъ еще нѣсколько именъ, явившихся позже.

Великій Князь выздоравливалъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ выстрѣла онъ оправился совсѣмъ и сталъ выѣзжать, имѣя однако при себѣ конвой изъ 10 линейныхъ казаковъ.

Грянуло еще два выстрѣла по Велепольскому. Затѣмъ Ржонца бросился на него же съ кинжаломъ.

Что́ было дѣлать? Запрудить Варшаву войскомъ? приставить къ каждой двери по солдату? Но не было столько войска; а еслибъ и было: что жъ бы вышло? гдѣ же жизнь *европейскаго города?* Слѣдуетъ естественный вопросъ: что жъ *дальше*, послѣ солдатъ, караулящихъ каждую дверь. Снова ихъ распустить и снова увидѣть въ улицахъ революцію, комитеты, плакаты, висѣлицы, чортъ-знаетъ что́... повтореніе слишкомъ извѣстныхъ задовъ?

Слѣдовало подумать о чемъ-нибудь болѣе прочномъ. Опыты прежнихъ лѣтъ и очень недавнихъ дней показали, что требуется нѣчто иное. Да *что жъ иное*, боже-мой! Какъ вести работу умиротворенія рядомъ съ казнями; пахать, играть на гусляхъ и ставить висѣлицы? Великій Князь былъ не Паскевичъ, не Лидерсъ, а братъ Государя, несравненно болѣе независимый, чѣмъ любой генералъ, а потому и болѣе отвѣтственный за каждый свой шагъ. Какъ принцъ крови, онъ поставленъ былъ деликатнѣе къ польскому вопросу, чѣмъ кто-либо. Его огорчало то обстоятельство, что онъ не можетъ начать *мирно*.

Дѣло Ярошинскаго тянулось самымъ естественнымъ способомъ; и въ продолженіи этой «канители» явилось, какъ мы уже сказали, еще два Ярошинскихъ. Отношенія властей къ первому Ярошинскому усложнились. Ясно было, что революція идетъ въ гору, опираясь преимущественно на кучку необузданныхъ фанатиковъ и фантастовъ, для которыхъ не существовало предѣловъ, гдѣ бы они могли остановиться. Еслибъ мы были загнаны за уральскія горы, то они бы перелѣзли, при первомъ удобномъ случаѣ, и туда.

Такая куча *доброхотовъ* въ отношеніи къ намъ, русскимъ, существовала въ Польшѣ постоянно, то въ разброску (даже и по чужимъ территоріямъ), то гдѣ-нибудь вмѣстѣ. На этотъ разъ они значительно скопились въ Варшавѣ.

Великій Князь подписалъ всѣ три приговора и засѣлъ за свою убійственую, неслыханную работу.

Онъ [illegible]талъ очень много. Едва-ли какой другой намѣстникъ переворочалъ столько бумагъ, сколько ихъ прошло черезъ руки В. Князя. Были дни, когда онъ не находилъ времени пообѣдать съ семьею обыкновеннымъ порядкомъ, а кушалъ у себя въ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, à la fourchette.

Прежде всего приказано было новому оберъ-полиціймейстеру Муханову разрѣшить жителямъ хожденіе по улицамъ, въ вечернее время, безъ лятарокъ. Потомъ снято военное положеніе съ нѣкоторыхъ частей царства... Но всѣ эти мѣры, въ ту минуту, были очень странны. Революція зашла уже за ту черту, гдѣ, дѣйствительно только *оружіе*, и мертвы всякія бумажныя увѣщанія, какъ бы краснорѣчиво и складно онѣ не излагались.

Революціонеры начинали уже вѣрить въ благополучный исходъ своего дѣла...

Великій Князь разсчитывалъ болѣе всего на Велепольскаго, на его обширный умъ и способности. Велепольскій точно старался изо всѣхъ силъ. Великій Князь видѣлъ это, и во все время сношеній съ маркизомъ не усомнился ни разу въ прямотѣ его намѣреній. Онъ былъ даже *слишкомъ за него* и выдержалъ его до конца, не смотря ни на какія подшептыванья, ни на какой гулъ, пущенный въ публикѣ. Великій Князь, вслѣдствіе этой выдержанности, этого упорства во взглядѣ на дѣйствія маркиза, не замѣчалъ (по крайней-мѣрѣ въ началѣ ихъ общихъ работъ), что маркизъ, вслѣдствіе существовавшихъ въ его характерѣ, не такъ удобныхъ для управленія поляками, стихій, — болѣе портилъ, чѣмъ поправлялъ дѣло,—что все, улаженное посредствомъ чрезвычайныхъ усилій *утромъ*, разсыпалось въ прахъ *вечеромъ*, а то, что строили вечеромъ, падало, какъ бы само собою, утромъ. Работа не спорилась, вываливалась изъ рукъ. Наконецъ, Великій Князь можетъ-быть и замѣтилъ неудовлетворительность Велепольскаго; но что же было дѣлать? Кого же взять?

И Великій Князь невольно останавливался на Велепольскомъ. Больше ничего не оставалось дѣлать.

(Окончаніе впредь).

Н. Бергъ.

Краковъ 1864 г.

Съ сердцемъ борьба никому неизвѣстная,
Сила любви, что уходитъ въ страданія...
Женщина чистая, женщина честная
Пусть о тебѣ мои льются рыданія!

Люди глядятъ на тебя—и счастливая
Жизнь твоя даже завидной имъ кажется
И никогда эта скорбь молчаливая
Жалобой горькой предъ ними не скажется.

Имъ никогда не узнать, моя бѣдная,
Что въ тебѣ было святого, великого,
Выдешь-ли съ ложью въ борьбѣ ты побѣдная,
Сгибнешь-ли жертвою общества дикого!

В. Буренинъ.

КРАКОВЪ И МОИ ВЪ НЕМЪ ПОХОЖДЕНІЯ.

Краткій очеркъ исторіи Кракова.—Въѣздъ въ Краковъ.—Плантаціи.—Видъ улицъ.—Рынокъ или Ring-Platz.—Суконница и другія зданія на Рынкѣ.—Значеніе Рынка для города.—Трубачъ на Марьяицкой башнѣ.—Петръ-Вавжалъ.—Гдѣ гуляетъ Краковъ.—Жиды и Жидовки.—Экипажи Кракова.—Гродская улица.—Солдаты.—Королевскій замокъ на Вавелѣ.—Театры.—Другія развлеченія публики.—Взглядъ на краковскихъ повстанцевъ.—Поведеніе Австріи въ отношеніи къ нимъ.—Часъ, Хвиля, Вѣкъ.—Бродящіе по домамъ повстанцы.—Бывшій гусаръ Клапки. — Прибытіе ко мнѣ Жонда Народоваго и ревизія, имъ произведенная. Мой отъѣздъ изъ Кракова и возвращеніе туда чрезъ мѣсяцъ.—Хвиля измѣняетъ характеръ.—Разсказы объ арестахъ.—Манифестъ о военномъ положеніи.—Приказаніе иностранцамъ уѣзжать изъ Кракова.—Ревизія, произведенная у меня австрійской полиціей.— Арестъ. — Два дня въ тюрьмѣ, называемой *телеграфъ*.—Повстанцы разнаго свойства и націй.—Снятіе протокола.—Освобожденіе.—Отъѣздъ въ Варшаву.

Краковъ лежитъ у подножія карпатскихъ горъ... Я очень чувствую, читатель, казенное свойство этого выраженія, но чтожъ дѣлать: такъ вышло. Какой-то неизвѣстный полякъ, начиная описаніе Кракова въ изданной имъ брошюрѣ (opis Krakowa i jego okolic) распорядился фразой нѣсколько кудрявѣе. Я могу вамъ предложить, если угодно, его приступъ: «U stop wieńca podgorzów karpackich od dziesięciu wieków rozłożył się stary grod Krakusa—у подножія карпатскаго хребта, за десять вѣковъ назадъ, раскинулся старый градъ Кракуса...

Стало-быть, видите, дѣло довольно почтенное: 10 вѣковъ, 1000 лѣтъ! Въ это время на мѣстѣ нашей Москвы, къ сожалѣнію, не было ничего, кромѣ дремучаго лѣса; даже былъ-ли на свѣтѣ тотъ знаменитый старецъ, съ котораго начинается наша исторія и котораго я никакъ не могу вспомнить безъ особеннаго чувства и волненія. Онъ столько шевелитъ и затрогиваетъ, едва вообразится Русь и ея порядки; едва нач-

нешь писать что-нибудь о славянахъ. Охота же нѣкоторымъ чудакамъ сомнѣваться и увѣрять православный людъ, что все это — *post factum ex post*, т. е. «преданіе, сочиненное въ послѣдствіи, согласно уже сложившихся событій»... иначе—мечта. По моему нѣтъ, не мечта!—Милушкинъ, кирпичникъ, силища была какая въ плечахъ!..

Но кто-же былъ *Кракусъ*, поставившій городъ, въ которомъ вашъ покорный слуга пишетъ эти строки? Неужели также мечта и преданіе? Нѣтъ, этого не можетъ быть. Я не столько недовѣрчивъ, какъ другіе, къ подобнымъ вещамъ: я убѣжденъ вполнѣ, что этотъ парень былъ еще болѣе похожъ на кирпичника Милушкина, съ соотвѣтсвенной ему силищей въ плечахъ; съ добрымъ, бравымъ лицомъ; съ усами Яна Собесскаго. Сѣрые, ясные глаза его глядѣли вдаль какъ у орла. Покутивъ и погулявъ со своей дружиной добрымъ порядкомъ,—онъ улегся не далеко отъ того злачнаго и красиваго мѣста, на берегу Вислы, гдѣ жилъ и кутилъ; дюжіе ребяты насыпали на могилѣ вождя высокій холмъ, громко причитая и плача. Чистые, какъ перлы, слезы текли изъ ихъ сѣрыхъ глазъ, по грубымъ, загорѣлымъ щекамъ, на славные русые усы... добрые, хорошіе были эти ребята, служившіе подъ командой Кракуса; не много разбойники, это правда, но... хорошіе разбойники. Холмъ, которымъ они прикрыли вождя, видѣнъ до сихъ поръ — по ту сторону Вислы, въ полумилѣ отъ Кракова. Онъ называется *копецъ Кракуса*. Избенки, въ которыхъ тѣснились эти молодцы, попали на счастливое мѣсто: въ скоромъ времени изъ нихъ образовался небольшой городокъ; рости, рости—и наконецъ размахнулся такъ, что вмѣстилъ въ себѣ слишкомъ 80 тысячъ жителей, 70 богатыхъ костеловъ и даже королевскій замокъ... потомъ, какъ все на свѣтѣ — онъ попалъ въ передѣлку разныхъ политическихъ бурь... тѣ его обработали по-свойски, безъ особенной церемоніи. Коляска, ввозившая сюда Казиміра Великаго, по успокоеніи края, 30 августа 1655, натыкалась поминутно на головни и чурки развалившихся зданій...

Потомъ городъ поправился, только на самое короткое время. Снова удружили ему такъ-называемыя политическія бури, въ самомъ началѣ слѣдующаго столѣтія (1702); замокъ королевскій былъ сожженъ нагрянувшими сюда шведами; на жителей наложена страшная контрибуція... и въ какихъ-нибудь 90 лѣтъ, разные тяжелые удары судебъ, едва не уходили вовсе моего повстанскаго Кракова, съ его чамарками, высокими бутами, поясами и конфедератками. Въ 1791 году осталось въ немъ потомковъ дружины Кракуса всего навсе 5 т. человѣкъ съ небольшимъ. Когда же, черезъ 5 лѣтъ, вошли сюда австрійцы (5 января 1796)—городъ имѣлъ еще меньше жителей—почти такое количество, какое жило тутъ съ Кракусомъ. Но, то-ли живущъ былъ городишка, то-

ли мѣсто, какъ мы уже сказали, такое счастливое: только случилось какъ-то, подули какіе-то особые вѣтры и снова нанесли сюда большія кучи народу; все пошло иначе: торговля, промыслы, всякаго рода кипѣніе и дѣятельность, такъ что, 1806 годъ, взглянувъ на Краковъ, по обычаю всѣхъ новыхъ годовъ, 1 января, насчиталъ въ немъ 25 тысячъ керезій и чамарокъ.

Вы знаете, что потомъ образовалась въ этихъ мѣстахъ знаменитая *краковская республика*. Городъ Кракуса существовалъ около 40 лѣтъ совершенно на особыхъ основаніяхъ, представляя, среди окружающихъ его нѣмецкихъ, полунѣмецкихъ и другихъ стихій, независимый польскій островокъ, самаго забубеннаго, кракусскаго закала. Вокругъ его почтенныхъ стѣнъ насажены тѣ живыя, прекрасныя плантаціи, которыя составляютъ его особенность и которыми онъ такъ славенъ.

Затѣмъ снова бури. Въ 1849 году сюда вступили русскія войска и Краковъ отданъ нѣмцамъ. Участь его, какъ кажется, рѣшена. Нѣмецкія волны, вѣроятно, затопятъ лихой славянскій островокъ. Съ градомъ Кракуса происходятъ теперь любопытныя явленія. Нѣмецкій паукъ начинаетъ свои осторожныя манипуляціи надъ попавшейся къ нему въ сѣти мухой. Вы наблюдали конечно не разъ въ дѣтствѣ такія вещи: муха сначала бьется и рветъ паутину. Случается, что паукъ шаркнетъ отъ нея, словно съ испугу, въ свою дымчатую гладенькую норку и глядитъ оттуда нѣсколько мгновеній, не дѣлая никакого движенія. Потомъ выползаетъ снова и давай опять, весьма легко и плавно, какъ Паганини на струнахъ, разъигрывать надъ головой мухи разныя аріи своими тонкими, истинно паганиніевскими ножками. Скрипка поетъ... все тише и тише... тогда паукъ приступаетъ къ иной работѣ: онъ сидитъ надъ мухой какъ нянька и уже трудно его заставить, чтобы онъ шаркнулъ въ свою гладенькую, сѣрую норку...

Точь въ точь такая любопытная работа идетъ теперь у огромнаго нѣмецкаго паука, надъ маленькой славянской мухой, которую польскія лѣтописи называютъ такъ величественно — Stary gród Krakusa... od dziesięciu wieków rozłożył się... u stóp wieńca podgorzów karpackich! Вотъ тебѣ и «rozłożył się» Такова судьба славянства; такова сила всезабирающихъ и поглощающихъ въ себя нѣмцевъ. Это очень страшныя волны.

Гдѣ ты, разудалый дѣтина, съ сѣрыми, ясными глазами какъ у орла? Ты, безъ кого не было бы этого города—у подножія карпатовъ? Или не ведетъ тебя и не карёжитъ отъ досады подъ твоимъ концемъ и не хотѣлось бы тебѣ стряхнуть съ себя сырую землю и кликнуть кличъ къ своей дружинѣ?..

Да что, братъ, нечего: твоя дружина, еслибы она встала, увидал

бы себя вдругъ, сама не зная какъ, въ ганноверскомъ полку графа Менсдорфа, намѣстника Галиціи, а ты бы почувствовалъ на плечахъ австрійскіе полковничьи эполеты. И это еще хорошо. А то и тебя пожалуй записали бы просто въ солдаты; а командовалъ бы тобой надменный нѣмецкій офицеръ, смотрящій на всякаго славянина свысока, какъ на низшую тварь, обязанную служить ему холопомъ. Такъ-то, братъ: ваши *кракусскія* времена прошли. Спи, милый человѣкъ, подъ своимъ *копцемъ*, на который всѣ взглядываютъ съ почтеніемъ; чуть не молятся, какъ на древнюю святыню. Тебѣ не стыдно, а вотъ твоимъ потомкамъ, подъ нѣмецкими эполетами, имъ стыдно, если только есть у нихъ такое мѣсто, гдѣ лежитъ у человѣка хорошая штука, называемая стыдомъ.

Я подвезу васъ, уважаемые читатели, къ городу Кракуса по желѣзной дорогѣ: иначе какъ же мы подъѣдемъ? Видъ на Краковъ, издали, почти одинъ и тотъ-же, что ѣхать со стороны Львова, что отъ Варшавы: являются склоны горъ, покрытые индѣ лѣсомъ — и подлѣ нихъ, въ срединѣ, довольно темная куча домовъ, перемѣшанныхъ съ костелами, древней готической архитектуры, изъ которыхъ выступаетъ виднѣе и и выше другихъ черный желѣзный шпицъ Маріинской колокольни, на Рынкѣ. Кругомъ разсыпано нѣсколько деревьевъ, это краковскіе *плантаціи*. Еслибъ вамъ никто не говорилъ, что это Краковъ, древній польскій городъ, вы бы сказали, что это какой-нибудь Маріенбургъ, Магдебургъ, или вообще *бургъ*: столько тутъ тевтонскаго, готическаго. И ото всего, на что ни взглянешь, несетъ стариной: все нѣсколько пасмурно; одѣто какой-то паутиной. Нѣмецкій паукъ работалъ тутъ гораздо прежде, нежели мы думаемъ.

Городъ Кракуса, хоть онъ и «rozłożył się» какъ говоритъ польская брошюрка, упомянутая нами въ началѣ, и жилъ очень много — не великъ: что то такое, какія-то роковыя силы мѣшали ему распространиться. Его можно обойти, по плантаціямъ, въ ³/₄ часа, разумѣется *собственно Краковъ*, безъ предмѣстій. Трудно вообразить, не разсмотрѣвъ внимательно памятниковъ этого городка, что здѣсь была когда то столица Болеславовъ и Ягеллоновъ... Въ другихъ городахъ, подъѣхавъ къ бангофу, необходимо подумать объ экипажѣ—и экипажи тутъ какъ тутъ, тѣснятся кучами, стараясь одинъ передъ другимъ, предложить свои услуги пассажирамъ. Въ Краковѣ этого не дѣлается и экипажей мало, даже иногда совсѣмъ нѣтъ; торчитъ унылый омнибусъ Саксонской гостинницы—и принимаетъ, иной разъ, увы! *одного* путешественника, не изъ тутошнихъ. Остальное прибывшее общество валитъ преимущественно пѣшкомъ, даже дамы. Въ настоящее бурное время—это, правда, народъ, большею частію, средней руки: помѣщики, имѣющіе въ Польшѣ имя *обывателей* (obywatel); жиды, жидовки, разная ухорская молодежь въ

чамаркахъ и высокихъ бутахъ; наконецъ, хорошенькія амазонки. Что имъ значитъ перебѣжать 50—60 шаговъ прекрасными плантаціями—а тутъ сейчасъ ужь и городъ, весь сбитый въ кучу, гдѣ все подъ рукой и отъ заставы, или въѣзда—три шага до Рынка, центра города.

Вы спросите: чтожъ такое *плантаціи*? Это слово звучитъ какъ-то по американски; предполагаются какія-то сложныя затѣи... а это просто-запросто: бульвары, перемѣшанныя съ лугами; кучи перепутанныхъ между собою аллей, гдѣ главная опоясываетъ весь городъ довольно правильной лентой, имѣя въ иныхъ мѣстахъ посрединѣ фонари. Большинство деревьевъ—превосходные каштаны, которымъ уже полвѣка. Я вамъ сказалъ, что эти плантаціи разведены въ началѣ нашего столѣтія. Нѣмецкіе хозяева города содержатъ ихъ въ чрезвычайномъ порядкѣ. Безпрестанно читаешь надписи на дощечкахъ: *цвѣты не рвать, по газонамъ не ходить*... но дѣти съ няньками всегда играютъ на этихъ газонахъ, между тѣмъ какъ ихъ родители двигаются медленно подъ сѣнію каштановъ и тополей. Лѣтомъ плантаціи—роскошное убѣжище отъ жару. Здѣсь гуляетъ весь Краковъ. Раненные повстанцы рисуются съ подвязанной рукой, подлѣ хорошенькихъ паненокъ, или хоть рисовались — нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Мимо такой-то толпы гуляющихъ (если это лѣтнее время) вы должны пробѣжать отъ дебаркадера и какъ-разъ наткнетесь на стѣнку и три башни, гдѣ въ средней влепленъ между кирпичами польскій одноглавый орелъ. Это обрывокъ древнихъ укрѣпленій; кусокъ краковскаго кремля; направо и налѣво видно немного стѣны, которая окружала нѣкогда весь городъ.

Пройдя арку, вы вступаете въ улицу средней ширины, мощенную недурно. Это *Флоріанская* улица, одна изъ бойкихъ, но все-таки не на первомъ планѣ. Все глядитъ порядочно и почтенно. Старые каменные дома, въ три, въ четыре этажа, крытые черепицей, гонтомъ, аспидомъ, тянутся по обѣимъ сторонамъ. Иногда мелькнетъ облѣзлый костелъ желтоватаго цвѣта. Вообще, все или сѣро или желто; солидные цвѣта древности. Ничто не кричитъ. Нѣтъ бѣлыхъ, яркихъ колеровъ, бьющихъ въ глаза. Правда, нѣтъ и большой чистоты. Краковъ, въ нѣкоторомъ родѣ, неумойка. Отчасти славянскія свойства, отчасти недосугъ и разныя передряги, не давали ему никогда возможности отмыться какъ слѣдуетъ. Онъ всегда глядѣлъ довольно сѣро и заплѣсневѣло.

Впрочемъ, есть ли еще на свѣтѣ хоть одинъ славянскій городъ, который отмытъ какъ надо?

Окинувъ глазами Флоріанскую улицу, вы получите достаточное знакомство со всѣми улицами города. Все будетъ такъ, какъ Флоріанская—только гдѣ пошире, гдѣ поуже; гдѣ народъ двигается густо; гдѣ въ часъ или въ полтора пройдетъ какой нибудь жидъ, или монашка.

Главное, что поразительно въ Краковѣ: онъ начинается, *настоящій* городъ-какъ-есть,—сію минуту отъ въѣзда, и такъ почти со всѣхъ концевъ. Я разумѣю городъ въ рамѣ плантацій. Кругомъ идутъ обширныя предмѣстья: Клепажъ, Страдомъ, Звѣжинецъ, Подгуже, Казьмиржъ.

На Флоріанской улицѣ увидите нѣсколько хорошихъ магазиновъ, особенно блеститъ превосходный магазинъ юбилера Нича. Но тутъ же, рядомъ, сапоги, уздечки, жестяная посуда; нѣчто весьма не мудрое.

На Флоріанской улицѣ, между прочимъ, рисуется *русскій отель*, очень старый, чуть-ли не самый старшій въ Краковѣ. Въ настоящее время судьба судила ему перекреститься въ *Бѣлую-Розу*. Я вамъ его не рекомендую: эта роза, во первыхъ, съ шипами, (впрочемъ, какъ всѣ розы) во вторыхъ—не очень бѣлая...

Идите прямо 20—30 шаговъ—и вы на *Рынкѣ*, Ring-platz, какъ увѣряетъ васъ нѣмецкій паукъ, играющій свои аріи нѣмецкими тонкими ножками вокругъ попавшейся къ нему въ гнѣздо славянской мухи. Ring Platz или *Рынокъ*, Рынокъ или Ring-Platz—только это самое живущее мѣсто Кракова. Это его сердце, гдѣ сосредоточена вся его жизнь. Ring-Platz... Я однако не знаю, что̀ вы больше любите, читатель: произнесите пожалуй вмѣсто этого «Рынокъ». Я не то, что за нѣмцевъ, а такъ... это современнѣе.

Краковскій Рынокъ есть квадратная площадь, которой сторона будетъ шаговъ въ 200—въ 300. Какъ и все, онъ смотритъ сѣро. Нѣмцы попробовали посадить мѣстами нѣсколько деревьевъ, но этимъ деревьямъ никогда не подняться выше того, какъ ихъ посадили нѣмцы, потому что въ праздники тутъ толчется деревенскій народъ, пріѣзжающій торговать всякимъ сельскимъ товаромъ, преимущественно разнымъ житомъ, которое разставлено въ мѣшкахъ на землѣ, рядомъ съ обручами, метлами колесами, телѣгами, дегтемъ... тутъ гуляютъ «*тацы-яцы-краковяцы*» (такіе эдакіе камаринскіе мужики, краковяки) какъ объ нихъ поется въ пѣснѣ;—ужасно похожіе на русскихъ мужиковъ, часто въ такихъ-же шляпахъ черепеникомъ, какъ и наши. Одежду ихъ составляютъ бѣлые суконные кафтаны, подпоясанные широкимъ ремнемъ, иногда съ мѣдными яркими бляхами. На головахъ видите нерѣдко небольшіе красненьке шапочки, съ черными мохнатымъ околышемъ и съ перьями. Эта шапка—родоначальникъ конфедератки и уланскаго кивера. Но ея уголки очень тупы; иной разъ ихъ не видать вовсе.

Парадная мужская одежда кракусовъ называется *Керезія*: синій кафтанъ, вышитый блестками и имѣющій на плечахъ оригинальный зубчатый капишонъ краснаго цвѣта, тоже вышитый блестками. Шапка при этомъ непремѣнно красная съ перьями.—Поясъ на лѣвой сторонѣ имѣетъ

тогда три-четыре ряда бляхъ, какъ сбруя у лошади. Сапоги высокіе. Вотъ въ чемъ танцуется на сценѣ типическая польская мазурка.

Кракусскія бабы еще похожѣе на нашихъ бабъ, чѣмъ мущины на мущинъ. Это совершенныя Алены и Матрены. И выраженіе лица, и одежда, и все. Особенно поражаютъ на ихъ головахъ типическіе *бабьи* платки, красные въ клѣтку, съ другими цвѣтами. Такъ и хочется заговорить съ ними по русски.

Вотъ этотъ-то народецъ и не даетъ разростаться на рынкѣ нѣмецкимъ деревьямъ. У славянина есть что-то такое въ рукахъ, какой-то странный, неотесанный зудъ: все ломать, что попадется. Особенно онъ безпощаденъ къ деревьямъ. Что они ему сдѣлали, ужь это не извѣстно, только ни одинъ славянинъ не можетъ пройти мимо дерева спокойно, чтобъ его не дернуть, или не ударить палкой. Сколько нѣмцы ни смотрятъ за своими нѣмецкими тросточками, посаженными на «Ring-Platz», а эти тросточки все—тросточки и ни чуть не подаются ни вверхъ и ни въ ширь. Иная вѣтвь къ веснѣ и выбѣжитъ пожалуй довольно изрядно, но первый базаръ—и забавники въ керезіяхъ и бѣлыхъ кафтанахъ съ бляхами, какъ сбруя у лошади, такіе эдакіе камаринскіе мужики-краковяки, непремѣнно ее обламаютъ. Тутъ ужь ничего не сдѣлаетъ никакой играющій паукъ-паганини, одно средство: обратить славянина—въ нѣмца, къ чему, впрочемъ, и идетъ вся эта убійственная механика.

Въ самой срединѣ рыночной площади стоитъ преудивительное зданіе: домъ не домъ, манежъ не манежъ, Богъ знаетъ что такое. Это каменный кубъ или ящикъ, съ глядящими съ его стѣнъ какими-то рожами. Къ кубу примыкаетъ нѣсколько самыхъ некрасивыхъ пристроекъ, въ видѣ домиковъ, лавокъ, будочекъ... что эта за исторія? спросите, вы и напрасно будете ломать голову. Это такь называемая *Сукенница*, старинный, гостиный дворъ, построенный еще при Казимірѣ-Великомъ и снабженый хорошими амбарами, подвалами и погребами, которые отдаются въ наймы частнымъ лицамъ отъ думы.

Сукенница имѣетъ внутри одну обширную залу, съ дурнымъ деревяннымъ поломъ, гдѣ впрочемъ давались иногда городскіе балы. Конечно полъ тогда былъ другой. 1-й балъ данъ, какъ извѣстно, для короля Станислава-Августа, когда онъ возвращался изъ Конева. послѣ свиданія съ императрицей Екатериной, въ 1787 году.

Второй балъ давали для саксонскаго принца Фридриха Августа, что̀ назывался *Książe Warszawski*, когда онъ прибылъ въ Краковъ въ 1809 году, вмѣстѣ съ кн. Іосифомъ Понятовскимъ, по изгнаніи Австрійцевъ.

Теперь внутри Сукенницы торгуютъ бабы всякимъ мелкимъ товаромъ: пряниками, сыромъ, солью, яйцами, разнымъ печеньемъ. Какой-то старикъ вѣчно точитъ и рѣжетъ тутъ деревянныя вещи: чарки, посуду, метелки;

только летитъ къ верху деревянная пыль. Въ одномъ концѣ есть даже мѣсто для нѣсколькихъ пожарныхъ трубъ и находится самое пожарное депо.

Вообще, «Суконница» зданіе очень полезное и можетъ быть даже совершенно необходимое для города, но оно тутъ не кстати и портитъ Рынокъ. Рядомъ, по направленію къ *Гродской* улицѣ, помѣщается какой то нескладный правительственный домъ; затѣмъ гаубтвахта и маленькая церковь Св. Войтеха, самая старая въ Краковѣ. Она едва ли не ровесница городу. Говорятъ, на ея мѣстѣ была прежде языческая каплица.

Послѣднее строеніе, загромождающее площадь Рынка—есть древняя башня съ часами. Подлѣ была ратуша, уничтоженная во дни краковской республики, въ 1820 году. Недалеко отъ этой башни Костюшко приносилъ своему войску присягу въ вѣрности,—24 Марта 1794 года.

Но ничто такъ не бросается въ глаза на Рынкѣ, какъ древняя церковь успенія Богоматери, со своей высокой колокольней, которая кончается острымъ желѣзнымъ шпицомъ, сидящимъ посрединѣ какихъ то меньшихъ башенокъ. Этой церкви слишкомъ 600 лѣтъ. Ее заложилъ въ 1226 году епископъ краковскій Иво Одровонжъ (Iwo Odrowąż), но потомъ нужно было пройти слишкомъ 300 лѣтъ, чтобы Краковъ увидѣлъ свой успенскій соборъ въ томъ положеніи, въ какомъ видятъ его теперь гуляющіе по Рынку. Главная башня, называемая *марьявицкой*, видна почти со всѣхъ сторонъ Кракова, изъ разныхъ улицъ.

Прежде на этой башнѣ существовали часы съ подвижными фигурами, которыя всякій часъ выдѣлывали какія то штуки, являясь на сторонѣ, обращенной къ Флоріанской улицѣ, (по этой улицѣ мы вступили съ вами въ городъ). Потомъ уморительныя фигуры куда-то пропали и замѣнены неменѣе уморительной фигурой живаго чудака, который, по пробитіи собственноручно какого-либо часа, является съ трубой, у трехъ окошекъ попеременно, и пускаетъ въ воздухъ разныя трели на потѣху краковской публики. Премилый человѣкъ этотъ трубачъ. Я увѣренъ, что безъ него славянской, болѣе невинной и дѣтской части Кракова будетъ непремѣнно скучно, точно также, какъ было бы скучно, еслибъ въ осьмой день праздника *Boże Ciało* не проѣхалъ по улицамъ другой чудакъ, на дѣтскомъ деревянномъ конькѣ, наряженный татариномъ.

Только дѣло татарина выгоднѣе, чѣмъ трубача на башнѣ: проѣхалъ себѣ разъ въ годъ по улицамъ, попрыгалъ, поскакалъ сущимъ козломъ, собралъ себѣ дань и конецъ.

Но каково трубить въ трубу ежечасно, на три стороны свѣта, день и ночь, зиму и лѣто и жить для этого въ поднебесьи! Конечно, это дѣло условія. Бѣднякъ, который нанимается на такую работу въ настоящее

время, содержитъ этимъ себя и свое семейство. Онъ два раза, а иногда и болѣе, въ день, спускается внизъ, ломаетъ ноги по крутымъ лѣстницамъ на 30-ти слишкомъ саженяхъ, чтобы обнять жену и взглянуть на дѣтей; а затѣмъ опять отправляется въ свое поднебесье. Такъ-то, всякая вещь имѣетъ нѣсколько различныхъ сторонъ, смотря потому, какъ на нее взглянешь. Начавъ за здравіе, можно свести заупокой... Я былъ въ поднебесномъ желищѣ почтеннаго трубача: онъ занимаетъ двѣ комнатки, въ родѣ двухъ чулановъ, изъ которыхъ въ одномъ сложена печь. Мебель его убога до крайности—и онъ, почти всегда, одинъ! Правда, у него есть помощникъ, но помощникъ устроенъ въ отношеніи къ землѣ также, какъ и онъ: ему также нужно посѣщать въ городѣ кого то.

Когда именно начали трубить на башнѣ Костела «Najswiętszéj Pannу Maryi» я не знаю, и добиться трудно. Есть одна старая мазурская пѣсня, гдѣ уже поется объ этомъ:

Biją tam zegary,
Trąbią tam nad wiezą,
A gdzie zamek stary,
Polskie króle leżą.

Много видѣла эта башня и много можетъ разсказать. Можно написать томы—кто бы съумѣлъ подслушать ея говоръ... Я упомяну только объ одномъ произшествіи на самой этой башнѣ, произшествіи, которое покажетъ вамъ, какая сила заключается въ *симпатіи* и *любви* и какъ плохо и трудно дѣйствовать безъ нихъ, опираясь на одинъ штыкъ или деньги.

Когда Краковъ былъ занятъ австрійцами въ первый разъ, еще въ прошломъ столѣтіи, именно 5 Генваря 1796 года, имъ захотѣлось устроить въ немъ великолѣпную иллюминацію. Даже пришло въ голову тогдашнему Менсдорфу зажечь огни на пѣтухѣ, который воткнутъ на желѣзный шпицъ Марьявицкой башни. Но взлѣзть на шпицъ не шутка; нужно было отыскать добраго гимнастика. Тогдашнему Менсдорфу сказали, что если за это не возьмется трубочистъ *Петръ Вавжалъ*, то нечего другаго и искать. Призвали Вавжала. Это былъ старикъ, считавшій себѣ уже подъ 60. Онъ прямо указалъ на свои поздніе годы, замѣтивъ, что еслибъ не это, отъ чего-бы и не влѣзть; не такія, молъ, штуки дѣлалъ... а теперь увы, не въ могуту! Предложили ему 1000 талеровъ. Простому, бѣдному трубачисту 1000 талеровъ!.. предложили потомъ двѣ: онъ все стоялъ на своемъ, что еслибы назадъ лѣтъ десятокъ другой,—ну, иная исторія, а теперь... въ самомъ дѣлѣ, посмотрѣли, съ кѣмъ говорили — и Вавжалъ показался имъ до того дряблымъ, до того согнутымъ въ три погибели, что имъ какъ-то совѣстно стало своихъ продолжитель-

ныхъ объясненій съ такой ветхостью и того, что давали ему 2000 талеровъ.

Петръ Вавжалъ ушелъ. Иллюминація кончилась безъ пѣтуха. Была впрочемъ хорошая иллюминація. Годы катились; наступилъ 1809 годъ, въ который въѣзжалъ въ Краковъ извѣстный предводитель наполеоновскихъ польскихъ уланъ, князь Іосифъ Понятовскій (мы упомянули объ этомъ, описывая Сукенницу). Городъ Кракуса, безъ всякаго приказанія, самъ-собою, сверкнулъ въ тотъ вечеръ безчисленными огнями. Глядятъ: и пѣтухъ на соборномъ шпицѣ загорѣлся въ какихъ-то особыхъ брилліантахъ. Спрашивать: кто? какъ?—оказалось, что эту потѣху устроилъ тотъ же самый трубочистъ Петръ Вавжалъ, который, въ 1796 году отказался отъ 2000 австрійскихъ талеровъ и которому въ 1809 году было уже за 70!... морозъ подираетъ по кожѣ, когда слушаешь подобныя вещи— и видишь, какъ глупо бываетъ иногда человѣчество, идущее къ чему нибудь окольными и тяжкими путями, безпрестанно спотыкаясь... тогда какъ въ его рукахъ имѣются прямыя, наипростѣйшія машины и силы.

Таковъ Краковскій Рынокъ—центръ и сердце города. Дома его окружающіе, похожи на тѣ, какія мы встрѣтили на Флоріанской улицѣ: сѣрые жолтые, зеленоватые, крытые черепицей, гонтомъ, аспидными досками. Иной сильно облѣзъ... Ничего особеннаго въ архитектурѣ, но ничего и дурнаго. Магдебургъ, Маріенбургъ... гдѣ жить очень можно — и живутъ обыкновенно, не въ такое дурацкое и бударажное время какъ теперь— люди весьма почтенные и образованные; люди лучшихъ аристократическихъ фамилій Польши. Между такъ называемыми здѣсь «палацами»—въ одномъ пунктѣ Рынка, на углу улицы св. Анны, покажутъ вамъ палацъ Потоцкихъ. Далѣе, на Гродской улицѣ (о которой мы сейчасъ скажемъ подробнѣе) стоитъ палацъ Велёпольскихъ. Есть и урочище Wielopole, откуда произошла эта фамилія. Кромѣ того живутъ въ городѣ князья: Яблоновскіе, Сангушко, графы Морштыны (Morstin).

Въ этомъ квадратцѣ, по четыремъ тротуарамъ, окружающимъ *Рынокъ*, вращается, можно сказать, цѣлый Божій день,—все сколько нибудь живое и цвѣтистое населеніе города.

Тутъ знакомишься со всѣми физіономіями—въ двое, трое сутокъ, и ваша физіономія тоже примѣчается немедля, какъ нѣчто чужое, лишнее, не свое, и начинаетъ возбуждать въ каждомъ свои соображенія, смотря по его характеру и профессіи. Прежде всего васъ примѣчаютъ жиды и жидовки, составляющіе въ Краковѣ необыкновенно оригинальную и необходимую часть неселенія. Это живая рамка, живые столбики, разставленные группами по всѣмъ четыремъ тротуарамъ Рынка; бродящіе и группирующіеся отчасти и на самой площади, все таки вблизи тротуаровъ. Повѣрите-ли: этотъ народъ живмя-живетъ на улицѣ и нельзя понять, *въ*

какое время онъ обѣдаетъ, закусываетъ. Когда ни поди: извѣстные жидовскія фигуры вамъ непремѣнно попадутся и сдѣлаютъ глазки. Иныя приподнимутъ шапку; иныя даже спросятъ: «*а можетъ что размѣнять*?» Что вы иностранецъ, заѣзжій, даже прямо русскій, это имъ сейчасъ извѣстно. Пожалуйста не хлопочите ни о какихъ преображеніяхъ: это для тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ, *кто вы*—странное, младенческое препровожденіе времени. Идите просто на улицу, въ семъ повстанскомъ Краковѣ, какъ выходите въ Москвѣ, въ Петербургѣ, не имѣя никакихъ черныхъ мыслей. Увѣряю васъ, что съ вами никогда ничего не случится. Краковъ не сдѣлаетъ вамъ ни малѣйшей обиды, какой бы націи вы ни принадлежали. Надо только быть совершенно честнымъ человѣкомъ—*вотъ въ чемъ вся штука*. Шпеговъ Краковъ не любитъ и имъ тамъ не здорово и не помогутъ никакія преображенія, никакая чистота польскаго языка...

И такъ, прежде всего вы попадетесь на краковскомъ Рынкѣ подъ огонь и перестрѣлку разныхъ вострыхъ жидовскихъ глазъ. Жиды и жидовки очень хорошо знаютъ, что вы пріѣхали въ Австрію съ русскими бумажками, такъ-какъ это всего удобнѣе; предполагается, что вы, *рѣшившійся* заглянуть теперь въ Краковъ (гдѣ въ улицахъ иногда пускаютъ изъ неосторожныхъ шпеговъ брусничный сокъ)—предполагается, что вы немного видали виды, и не такой обломовъ, который, намѣняетъ зря золотой и серебряной монеты въ своемъ отечествѣ и увозитъ ее опять въ свое отечество. «A poczemu ruble?» спрашиваете вы, обратясь къ какой-нибудь жидовкѣ, по большой части толстой какъ боровъ, въ родѣ извѣстной всей Москвѣ и отчасти Петербургу, покойной цыганки Матрены, которая была, такъ-ли не такъ-ли, *послѣднею изъ Могиканъ*.

Жидовка, буря-бурей, непремѣнно въ паричкѣ, хоть у ней преотличные собственные волосы—иногда не трогаясь съ мѣста, какъ мемноновъ колоссъ въ Египтѣ, прозвучитъ едва слышно, съ нѣкоторой таинственностью: «Sedemdziesiąt jeden»—т. е. 71. Но вы не поймете этой фразы, если вы не потолклись достаточно въ «здѣшнихъ прекрасныхъ мѣстахъ». Это значитъ: *ренскій и семьдесятъ одинъ крейцеръ*. «Ренскимъ» зовутъ здѣсь *флоринъ*, пожалуй *гульденъ*, монету копѣекъ въ 60, только въ монетахъ она не ходитъ что-то очень давно, такъ что и посмотрѣть на серебряный гульденъ весьма трудно, какъ у насъ на цѣлковый, или на золотушку.

Скажите: »Reński i sedemdziesiąt dwa!»—и жидовка непремѣнно согласится и спросивъ, какую вамъ нужно сумму, побѣжитъ въ ближайшую подворотную арку, не то въ какой нибудь глухой коридорчикъ, гдѣ другая жидовка продаетъ яблоки и всякій вздоръ, и начнетъ доставать изъ явившейся у ней въ рукахъ большой, какъ-бы дорожной, сум-

ки, бумажныя флорины разныхъ цѣнъ. Тутъ ужь непремѣнно нателитъ не вѣсть откуда множество жидовъ и жидовокъ и всѣ вдругъ начнутъ доставать бумажки, сопровождая каждое движеніе своимъ извѣстнымъ жидовскимъ крикомъ... но дѣло улаживается все-таки крайне быстро. Жидамъ ли не умѣть считать! Если въ эту минуту пройдетъ аркой повстанецъ, въ верблюжьей, или какой другой чамаркѣ, на черныхъ, гусарскихъ петляхъ, съ поясомъ, гдѣ напереди, въ блестящой пряжкѣ, красуется портретъ Костюшки—повстанецъ непремѣнно пронзитъ васъ своимъ взглядомъ; вы для него опредѣлились: вы—Moskal. Разговаривать тутъ много нечего... но какой москаль? всего скорѣе буква Ш. другой, дескать, не пойдетъ; какой чортъ понесетъ теперь въ Краковъ!..

Да, многоуважаемый читатель, кто-бы вы ни были, какой-бы спокойный желудокъ ни имѣли, все-таки, живя въ Краковѣ, вы будете обращать на себя нѣкоторое вниманіе; все-таки на васъ будутъ коситься. Тронуть не тронутъ, а коситься будутъ... это неизбѣжно.

Кромѣ жидовъ, торчащихъ на Рынкѣ, противъ извѣстныхъ избранныхъ ими пунктовъ (очень немногіе расхаживаютъ по улицамъ, ища своихъ жертвъ, для предложенія услугъ), кромѣ ихъ вы увидите тамъ постоянную тротуарную публику всякого рода: дамъ, мущинъ, ребятишекъ. Болѣе всего чамарокъ—чорныхъ, сѣрыхъ, верблюжьяго цвѣта. На головѣ такой народъ носитъ непремѣнно конфедератку; на ногахъ—высокіе буты.

Такой костюмъ извѣстный отдѣлъ Краковской молодежи сохраняетъ вѣчно, зимой и лѣтомъ. Не многіе, въ сильно холодные дни, накидываютъ *гуньу*—толстое верблюжье пальто съ башлыкомъ назади; также національный костюмъ. Шубы и мѣховые пальто носятъ старики и нѣкоторые исключительные франты. Вообще здѣсь съ морозомъ обходятся ловчѣе нашего. Дамы лѣтомъ и зимой одѣваются совершенно по европейски. Вся разница, что теперь у нихъ преобладаетъ во всемъ черный цвѣтъ. У иныхъ увидишь кожаный поясъ съ Костюшкой, или Лангевичемъ. Послѣдній впрочемъ мелькалъ недолго—въ первой половинѣ прошлаго года, и потомъ исчезъ.

Трудно опредѣлить часъ, когда чамарки, дамы и военные фигуры сѣраго и бѣлаго цвѣту гуще двигаются по тротуарамъ Рынка, кажется круглый Божій день, столько же, сколько живые столбики—жиды и жидовки, торчатъ у извѣстныхъ, избранныхъ ими пунктовъ. Конечно, движеніе усиливается, если небо благопріятствуетъ—если свѣтитъ солнце; но если погода не такъ-то—гуляющихъ меньше, или нѣтъ вовсе.

Главный, всегда биткомъ набитый тротуаръ есть тотъ, который идетъ съ угла Флоріанской улицы мимо редакціи *Часу*, Дрезденскаго отеля (дре-

вняго палаца графовъ Дзялынскихъ) и кофейни Родольфа, наиболѣе посѣщаемой, гдѣ можно читать всѣ польскія газеты и нѣсколько иностранныхъ.

Затѣмъ ходятъ значительные кучи гуляющихъ по тротуару мимо собора Успенія, гдѣ трубачъ, до Гродской улицы. Тротуары же мимо книжнаго магазина Фридлейна, къ улицѣ Висльной (по которой обыкновенно въѣзжаетъ на Рынокъ *Звѣжинецкій Коникъ;* впрочемъ иногда въѣзжаетъ и по Брацкой, рядомъ съ Висльной) и оттуда, мимо палаца Потоцкихъ къ Стефанской улицѣ,—менѣе любимы публикой. Особенно, мимо Фридлейна, собственно гулять, почти, никто не гуляетъ.

Зимой, когда открывается хорошая санная ѣзда,—на Рынкѣ бываетъ катанье въ саняхъ, около Сукенницы, башни съ часами и церкви св. Войтеха.

Сани здѣсь преуморительные: какія-то голубые и другихъ цвѣтовъ ящики на высокихъ порпоркахъ. Запядки имѣютъ сидѣнье, въ видѣ перпендикулярно прилаженной къ задку дощечки. На этой дощечкѣ устроивается какая-нибудь чамарка, не то австрійскій офицеръ, въ маленькой шапкѣ съ перушкомъ, въ сѣромъ плащѣ, котораго уголъ закинутъ поиспански налѣвое плечо. Внизу торчитъ палашъ.

Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащомъ...

Онъ лепится на торчкѣ. Впереди красуются, въ мѣховыхъ пальто, зарумянившіяся дамы, большее частію польки. Въ Краковѣ еще можно видѣть настоящихъ, породистыхъ полекъ...

Сани лѣтятъ быстро. Правитъ Кракусъ, въ керезіи, усыпанной блестками, въ алой шапочкѣ съ павлинымъ перомъ. «Nabok!» Кричитъ онъ поминутно своимъ братьямъ, славянскимъ ротозѣямъ, которые толкутся на Рынкѣ и зѣваютъ на *господъ*, нахлобучивъ свои черепеники и попыхивая трубкой. Иногда слышно щелканье длиннаго бича. Вообще громкое щелканье бича и звонъ бубенчиковъ—здѣсь дѣло необходимое при всякой санной ѣздѣ, барской и хлопской. Бубенчики устроиваются рядомъ на лоскуткѣ чегото краснаго, перекинутомъ по спинѣ лошади тамъ, гдѣ у насъ черезсѣдѣльникъ. Иногда, въ добавокъ къ бубенчикамъ, торчитъ посрединѣ черезсѣдѣльника серебрянный польскій орелъ, но его головы разходятся и снабжены, въ клювахъ, пучками голубыхъ, розовыхъ или бѣлыхъ волосъ. Направо налѣво и подъ нимъ—колокольчики, въ родѣ опрокинутыхъ чашекъ, точь-въ-точь, какіе бываютъ въ часахъ съ боемъ. У богатыхъ людей эти колокольчики серебряныя и производятъ тонкій пріятный звонъ, при малѣйшемъ движеніи лошади.

Но нерѣдко видишь въ улицахъ Кракова ѣдущую тихо изящную европейскую карету, или коляску. Если весь Краковъ не доходилъ ни-

когда до окончательной европейской оччистки, — по крайней мѣрѣ онъ блестѣлъ и щеголялъ самыми аристократическими экипажами и рѣдкими лошадьми. Экипажи и добрые кони—слабость поляковъ. Какую вы увидите иной разъ, въ грязномъ и провинціальномъ Краковѣ, карету, и какихъ лошадей, и какого при этомъ джентльмена кучера — только придется остановиться да ахнуть.

Кромѣ Рынка есть еще въ Краковѣ улица сильнаго движенія, это *Гродская*, (Grod-Gasse), которую можно назвать продолженіемъ Флоріанской, по ту сторону Рынка. Она довольно длинна, напримѣръ какъ Знаменская въ Петербургѣ, какъ Поварская въ Москвѣ, немного больше, немного меньше. На обоихъ ея тротуарахъ всегда много народу, чамарокъ, дамъ, офицеровъ, жидовъ. Собственно гулянье по ней ограничивается половиной, до палаца Велепольскихъ, иначе до Широкой улицы. Тутъ аптека «pod Słoniem», кофейня Гросса; домъ Мархевича, гдѣ живетъ редакторъ *Часа* Клобуковскій... Кто этого не знаетъ въ Краковѣ? А налѣво, въ глубинѣ улицы, оригинальный, древній костелъ Доминикановъ, съ темной аспидной крышей, затесанной какъ топоръ. Если вы не были въ Краковѣ, я увѣренъ: вы не видали такихъ востро-затесанныхъ крышъ.

Въ той части Гродской улицы, о которой мы упомянули, лучшіе магазины города. Весьма пріятно сказать, что книжные магазины, размѣрами и блескомъ, если не подавляютъ вполнѣ всѣ другія, то держатся на линіи со всѣми сколько-нибудь выступающими изъ ряда обыкновенныхъ лавокъ. Стало, Краковъ городъ читающій.

На площадкѣ, противъ дворца Велепольскихъ, тутъ же, у Гродской улицы, всегда увидишь кучку «окутанныхъ плащами» офицеровъ, съ торчащимъ у боку свѣтлымъ, прямымъ палашемъ. Они собираются здѣсь вслѣдствіе близости офицерской кофейни Гросса. Кучка офицеровъ въ этомъ пунктѣ, нѣчто неизбѣжное въ Краковѣ; это ужь такъ устроилось издавна; это одна изъ его типическихъ подробностей. Окинувъ ихъ глазами, вы припомните фигуры древнихъ гейдельбергскихъ студентовъ, не то тевтонскихъ рыцарей, въ плащахъ, съ мечами, съ откинутой впередъ ногой...

Тутъ-же недалеко, за огромнымъ и замѣчательнымъ храмомъ св. Петра, хоть тоже сильно облѣзлымъ, какъ гробовыя урны, выставленныя подъ дождь, находятся казармы *ганноверскаго полка*. Ганноверцы кажется единственный въ Краковѣ полкъ, состоящій на всякій случай изъ нѣмцевъ. Кто ихъ не знаетъ и ихъ черной лохматой собаки, которая возитъ у нихъ турецкій барабанъ? И лѣтомъ, и зимой вы увидите поминутно имя гонноверцевъ, *ганноверувъ* (Hannoverów) говоря по польски, на афишахъ, приклеенныхъ къ желтымъ и сѣрымъ домамъ, по Рынку и Гродской улицѣ: то они играютъ *подъ замкомъ Тынчинскимъ*, (котораго впрочемъ въ наличности давно не имѣется, это просто какой-то

огрудокъ), то *на концъ Костюшки*, то w Botaniczným ogrodzie, то въ залѣ какого-нибудь отеля...

Музыканты ганноверцевъ тоже нѣмцы, оттого у нихъ «mein Oesterreichischer Marsch» выходитъ всегда лучше *мазурки*, хоть послѣдняя постоянно покрывается яростными рукоплесканіями поляковъ.

Гродская улица часто оглашается трубнымъ звукомъ *ганноверувъ*, то марширующихъ изъ конца въ конецъ откуда-то и куда то, со своей чорной собакой; то налаживающихъ инструменты въ казармахъ, а трубные звуки летятъ въ окна и тревожатъ марсовыя сердца...

Я зналъ одного отставнаго русскаго гусара: онъ ходилъ иногда нарочно слушать настраиваніе этихъ трубъ на Гродской улицѣ и говорилъ мнѣ, что это неравнодушіе къ военной музыкѣ останется при немъ вѣроятно навѣки.

Остальные полки, находящіеся въ Краковѣ и окрестностяхъ, состоятъ преимущественно изъ хохловъ и поляковъ, и чрезвычайно преданы правительству. Есть впрочемъ венгерцы и итальянцы.

Дальше отъ упомянутыхъ казармъ, идетъ уже небольшой клочекъ Гродской улицы. Вы упираетесь въ *Вавель* (Wawel), холмъ, на которомъ воздвигнутъ королевскій замокъ. Онъ смотритъ какъ всѣ замки: стѣны, башни, шпицы. Съ одной, правой стороны, къ нему примыкаетъ старинный каѳедральный соборъ, считающій себѣ восемъ вѣковъ; онъ стòитъ вниманія путешественника. Тутъ почила вся польская слава; тутъ спятъ истинно непробуднымъ сномъ: Ягеллонъ, Ядвига, Владиславъ- Ягеллончикъ, Казиміръ Великій, Стефанъ Баторій, Янъ-Собѣсскій, Сигизмунтъ I, Костюшко, Понятовскій... менѣе громкія имена владыкъ и вождей я пропускаю.

Соборъ, не смотря на свою глубокую древность, поразитъ всякаго богатствами, на него потраченными. Этихъ мраморовъ и порфировъ не съѣстъ и не скроетъ никакая копоть и плѣсень вѣковъ, и саркофаги Ягеллона и Казиміра, эти лежащіе огромные рыцари, кирпичнаго цвѣта, изъ цѣльнаго куска порфира, будутъ всегда останавливать вниманіе кого бы-то ни было...

Самый дворецъ королей обращенъ австрійцами въ казармы. Что можно, гдѣ религія не претитъ, туда суровый тевтонъ непремѣнно запускаетъ свою жесткую лапу и губитъ безъ церемоніи все, что дразнитъ умирающій народъ напоминаніемъ о его прошедшей славѣ. Если бы было можно, то и эти порфирные Ягеллоны полетѣли-бы у нѣмцевъ въ тартарары. Въ такихъ случаяхъ нѣмецъ безпощаднѣе славянина. Можетъ-быть въ политикѣ такъ и нужно... политика очень скверная вещь, если смотрѣть на нее съ извѣстной сентиментальной точки зрѣнія: въ ней никакъ не

допускается *сердце и нѣжность*... политика и нѣжность это все равно, что масло и вода: сколько ни болтай, ни кипяти, не смѣшаешь.

Впрочемъ осмотръ «*собора на Вавелю*» (kafedra na Wawelu) всегда возможенъ. Въ воротахъ, на горѣ, вѣчно торчатъ солдатики, то бѣлые, то сѣрые, (какъ случится, по распоряженію начальства), но не думайте ничего объ нихъ, что думаете объ нѣкоторыхъ *часовыхъ* иного тридесятаго царства: идите смѣло, въ узкую полосатую калитку, въ видѣ георгіевской ленты, никто не зарычитъ и не рявкнетъ. Если стоитъ куча, то дастъ дорогу и даже, коли хотите, объяснитъ куда и какъ итти. Австрійскіе солдады, весьма приличные солдаты. Отъ нихъ пахнетъ Европой, хоть это большею частію славяне. Что дѣлать, я имѣю слабость къ австрійскимъ войскамъ настоящаго времени; это почтенныя, развязныя, бравыя войска, содержимыя превосходно.

Шутить съ теперешней австрійской арміей — неудобно. Она благоустроена, какъ нельзя лучше. Вообще, послѣднія передряги, венгерское возстаніе, итальянская война, были очень кстати для Австріи. *Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.* Даже нѣтъ ничего особенно дурнаго въ потерѣ Ломбардіи. Первая неловкость новаго итальянскаго королевства, и все это опять воротится къ тедескамъ въ три минуты. Что дѣлать, это грустно, но неизбѣжно. Ужь больно плохи *садовники*-то Виктора-Эммануила...

Итакъ, вотъ куда мы стрѣльнули съ Гродской улицы Кракова. Время политическое; нельзя...

Я почти кончилъ обзоръ Кракова. Рынокъ, Гродская улица; Гродская улица, Рынокъ... вотъ все; около нихъ вертится краковская жизнь. Въ другія улицы, которыхъ не Богъ вѣсть какъ много, народъ заглядываетъ единственно по дѣлу. Тамъ уже въ 10, въ 20 разъ меньше движенія, чѣмъ въ упомянутыхъ сейчасъ пунктахъ. Ни магазиновъ, ни фотографическихъ выставокъ, ничего такого, что любитъ разсматривать гуляющій. Лавочки, гаркухни (родъ харчевень) базары, съ грубыми товарами, въ родѣ дровъ, кувшиновъ, обручей, тесу—есть, и тамъ толкутся уже одни черепениковыя шляпы, да матрены изъ Лобзова, Подгужа, Звѣжинца, и другихъ околицъ Кракова. Увидите длинную-предлинную телѣгу, очень глубокую, откуда торчатъ только красные платки бабъ, точно въ саду изъ за плетня. Махина двигается на одной клячѣ, пристегнутой къ дышлу, которое бросается въ разныя стороны, точно угорѣлое, и того и гляди угодитъ кого-нибудь въ голову. Ѣзда въ одну лошадь при дышлѣ здѣсь весьма обыкновенное дѣло.

Теперь остается упомянуть объ европейскихъ развлеченіяхъ Кракова. Здѣсь есть театръ,—по зданію, сильно провинціальный, зимой холодный, такъ что сидятъ въ шубахъ и въ шапкахъ. Шапки впрочемъ, при под-

нятіи занавѣса, снимаются. Но труппа, г. Милашевскаго, весьма недурная. Изъ женщинъ, стоящихъ на первомъ планѣ, для драмъ, комедій и водевилей, Панна Гофманъ; для оперъ, Панна Мацкевичъ; jeune premier неизбѣжный Феликсъ Бенда. Всякихъ героевъ играетъ панъ Круликовскій, актеръ хорошій, когда дѣло касается чамарокъ, латъ, аршинныхъ мѣховыхъ шапокъ древней Польши; но когда нужно изобразить современнаго графа, князя или просто приличнаго господина въ сертукѣ или во фракѣ; извините, тутъ онъ немного пасуетъ. Извѣстно, что сертукъ или фракъ: носить какъ надо, могутъ только привиллегированныя личности земнаго шара. Это очень мудреное дѣло. Со мною спорила по этой части одна газета, но я все-таки остаюсь при своемъ мнѣніи...

Какъ Рынокъ (Rynek), имѣетъ свой нѣмецкій переводъ Ring-Platz, такъ точно нѣмцы поспѣшили перевести по своему и театръ Милашевскаго на Stadt-Theater, in Krakau, unter der direction des Friderichs Blum. Оба они, оригиналъ и переводъ, являются на одной и той-же сценѣ, чередуясь: нѣмцы играютъ по постнымъ днямъ (что у насъ слывутъ постными: т. е. понедѣльникъ; середу и пятницу). Поляки по скоромнымъ. На дняхъ дѣлалъ здѣсь «gościnny występ», т. е. игралъ проѣздомъ, какъ гость, панъ Рихтеръ, извѣстный артистъ Варшавскихъ театровъ.

Театръ Милашевскаго и нѣмецкій посѣщаются публикой довольно усердно. Иногда не бываетъ свободныхъ мѣстъ. Репертуаръ нѣмецкій больше или меньше извѣстенъ; что до польскаго, мои соотечественники знаютъ объ немъ очень мало. Тутъ на первомъ планѣ стоитъ Корженевскій, потомъ Крашевскій, Фредро, Словацкій... если хотите, можно набрать именъ довольно, и все-таки не будетъ ни одной піесы, на которой можно остановить серьозное вниманіе... *ни одной*, во всемъ репертуарѣ! въ особенности польскія драмы есть нѣчто ужастенное... никогда не совѣтую ходить въ театръ, если даютъ польскую драму, въ 5, 6 актахъ. Вообще поляки сложились лирически. У нихъ не хватаетъ драматическаго элемента ни въ натурѣ, ни въ языкѣ. Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ только мы одни и только нашъ языкъ годится для настоящей, *Шекспировской* драмы. Это странно; для иныхъ даже непонятно; но это такъ, и это очень утѣшительно. Въ мірѣ все недаромъ, все связано между собою таинственными нитями. Не даромъ у народа и языкъ такой, а не эдакой; не даромъ одинъ народъ пахнетъ эпосомъ, другой водевилемъ, третій драмой...

Взгляните на судьбу всѣхъ славянскихъ народовъ: удержались вполнѣ независимо, только мы, имѣющіе задатки шекспировскоой драмы, имѣющіе своего Диккенса; а все другое оборвалось и вѣроятно навѣки. Замѣтьте: ни на одинъ изъ языковъ славянскихъ, кромѣ нашего, *нельзя перевести Шекспира какъ надо...* Это штука.

Кромѣ театра, Краковъ, какъ вы уже знаете, имѣетъ и музыкальныя развлеченія: подъ замкомъ Тынчинскимъ, въ ботаничномъ огрудкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Все это теперь однакоже не много повихнулось. Теперь всѣхъ занимаетъ возстаніе. Въ прошломъ году Австрія спроваживала бурную молодежь Галиціи къ намъ; даже снабжала ихъ ружьями. Галиційскіе помѣщики сотворили Лангевича и совершенно свободно ѣздили изъ Кракова въ разные повстанскіе лагери видѣться съ родными. Австрія брала кой-кого подъ арестъ, по ея разсчетамъ и вычисленіямъ; даже на взглядъ неопытнаго наблюдателя, довольно много... но все это было, въ сущности, ничто иное, какъ комедія... Жителямъ Кракова позволялись всякія одежды, пояса съ Костюшками; буты, гуньки, чтó хотите. Преслѣдуя шпеговъ, краковскіе головорѣзы, иногда въ весьма большомъ числѣ, осаждали чей-нибудь домъ, камни летѣли въ окна, ворота разбивались... Полиція смотрѣла на такія штуки сквозь пальцы. Ей-бы лишь не было въ городѣ возстанія, и его не было. Планъ польскихъ революціонеровъ былъ, очевидно, таковъ, чтобы сначала заняться нами, т. е. *конгрессувкой*, *существенной* частью раздробленной Польши, а потомъ, еслибы исходъ оказался благополучнымъ, поднять Познань и Галицію. Конгрессувка безъ Галиціи, Познани и *другихъ частей*, поляку никакъ не воображается...

Конечно, пруссаки, австрійцы и мы про это очень хорошо знаемъ и каждый дѣйствуетъ по своему. Пруссакамъ, въ подобныхъ случаяхъ, всегда менѣе работы, чѣмъ другимъ, потому что они очень сильно онѣмечили свою часть Польши. Но Галиція еще плохо обойдена и усыплена своимъ паукомъ. Она еще рветъ паутину и подымаетъ такое брыканье, что паукъ иной разъ шаркнетъ въ свою сѣрую, гладенькую норку и высматриваетъ оттуда, какъ дѣлà и что ему предпринять дальше.

Разумѣется, австрійцы понимали, что еслибы полякамъ удалось въ конгрессувкѣ, то они бросились бы въ Галицію. Это такъ просто. Но какіе шансы удачи въ конгрессувкѣ? Скорѣе вся безпокойная, *лишняя* молодежь погибнетъ тамъ на русскихъ штыкахъ, или будетъ забрана въ плѣнъ и отослана въ снѣга Сибири и въ разные русскія захолустья.

Политика немудрая: выдавай ружья; позволяй ѣздить въ лагерь Бончи, на чашку чаю, всякой уморительной краковской чамаркѣ, уже степенныхъ лѣтъ; съ брюшкомъ, покрякивающей и молодящейся, но уже не такой, чтобъ лично стать въ ряды и биться съ москалями. «У меня тамъ сынъ, у Бончи» говоритъ чамарка, залихватски закусывая водку разными грибками въ Саксонской гостинницѣ, гдѣ что ни рожа, то повстанецъ, то — родня повстанцу...

Но пришелъ августъ 1863 года. Видятъ краковскіе и другіе ухари, что дѣло съ Россіей какъ-то не выгораетъ. Въ конгрессувкѣ ровно ничего не

вытанцуется. Это ясно. Вожди за вождями гибнутъ; или скрываются гдѣ-то за кулисами, какъ тѣни... «Co robić?» попробуемъ, взбударажимъ, коли можно, Галицію,—и тогда, нешто, разомъ?.. Пошли плакаты, приказы; учредился краковскій центральный комитетъ; Naczelnik Miasta, Dyrektor policyi... все какъ надо. Въ одинъ очень хорошій августовскій день на Рынкѣ случились такія вещи, что генерелъ Бамбергъ, губернаторъ Кракова, вывелъ отрядъ—и бацъ! Два человѣка было убито и нѣсколько ранено. Нѣмцы не любятъ такихъ странныхъ штукъ, какъ *делегаты*, народовая стража... и т. п. галиматья.

Кракусы опять пришли въ спокойствіе. Снова устроился тотъ же порядокъ, какой былъ до этого: кое-кого хватали; кое-кто утекалъ въ конгрессувку.

Когда кто взглядывался объ эту пору въ дѣйствія краковскаго правительства,—замѣчалъ нѣчто не совсѣмъ понятное: строгости рядомъ со слабостями, какія-то прыжки не то вправо, не то влѣво.

Въ театрѣ задорныя куплеты и живыя картины съ загадочнымъ содержаніемъ,—и тутъ же, по городу, усиленные патрули, аресты, ревизіи. Австрія, вѣроятно, разсчитывала спустить такой методой *на нѣтъ*. Благоразумная партія возстанія не совѣтовала своимъ гнаться вдругъ за двумя зайцами и стягивала вниманіе инсургентовъ опять-таки на конгрессувку. Это часто слышится въ газетныхъ статьяхъ того времени. Но рядомъ съ благоразуміемъ, въ польскихъ партіяхъ, идетъ постоянно богъ знаетъ что; кипятъ самыя неслыханныя страсти и строятся совершенно дѣтскія планы. Всегда заложено нѣсколько взбалмошныхъ фугасовъ, ожидающихъ искры—и тогда вдругъ все летитъ на воздухъ вверхъ тормашками.

Надо впрочемъ знать «какъ вещи есть» и на московскій или варшавскій аршинъ никакъ не мѣрять Кракова. Я говорю о *благоразуміи* и объ *умѣренности* — относительно умовъ, сердецъ и улицъ Кракова, а не нашихъ и не австрійскихъ. Если спрашивать у *повщехнаго денника*, что онъ объ этомъ думаетъ... но лучше не спрашивать, а переселиться мыслями, на сколько съумѣешь, въ Краковъ.

Дѣло въ томъ, (вы, можетъ-быть изумитесь и подумаете, что я шучу, но я не шучу, ей-богу): дѣло въ томъ, что въ Краковѣ, напримѣръ, газета *Часъ*, есть газета... *умѣренная*, осмотрительная, *благоразумная*! Среди сей *тихой*, *монархической* среды (я пишу въ улицахъ Кракова, поймите это) образовалось свое повстаніе, возникъ диктаторъ Хржановскій, съ приличнымъ штатомъ Езеранскихъ, Высоцкихъ, и т. д. Они объявили, что такъ дѣйствовать нельзя; что это черезъчуръ *монархично*, *бѣло*. Необходимо пустить по небу другіе цвѣта. *Умѣренные* уступили и Клобуковскій, отвѣтственный редакторъ *Часа*, полетѣлъ на мѣсяцъ въ

тюрьму, а *Часъ* запрещенъ. Усиленныя настоянія редакціи выхлопотали у правительства временный, *мгновенный* «Часъ», который и названъ поэтому *мгновеніемъ* (Chwila). Хржановскій долженъ былъ сняться лагеремъ и устроилъ газету *Wiek*.

Разумѣется, въ сущности, это было ничто иное, какъ несчастное польское свойство не уживаться подъ одной хоругвью, а лѣзть въ сторону и думать о своей, отдѣльной партіи. Нѣтъ сомнѣнія, что часть лагеря Хржановскаго была постоянно тѣхъ же убѣжденій, что́ и *Хвиля*; а часть *Хвили* всегда готова была перебѣжать къ «своимъ повстанцамъ». А вмѣстѣ, тѣ и другіе, были все-таки поляки, готовые, при первомъ удобномъ случаѣ, утопить швабовъ и москалей въ лужѣ воды. Но въ *тихіе*, *благоразумные*, *монархическіе* минуты оба лагеря — понимали, какъ глупо биться чуть не съ голыми руками противъ регулярныхъ массъ въ конгрессувкѣ, да еще тутъ же задѣвать Австрію. Чуть молодежь въ театрѣ или гдѣ-бы то ни было, готовилась разразиться рукоплесканіями какой-нибудь патріотической штукѣ, куплетцу, выходкѣ—сейчасъ раздавался откуда-то усмиряющій голосъ; подымался въ воздухѣ грозящій перстъ *патріарховъ*—и всѣ замолкали. Можетъ-быть, иной разъ подымалъ такой перстъ даже и панъ Хржановскій.

Но пахнуло весной. Австрійскія и прусскія войска двинулись, вслѣдствіе извѣстныхъ всему міру обстоятельствъ, — къ предѣламъ Даніи. Галиція и Познань нѣсколько поочистились отъ военныхъ Швабовъ... И вотъ недавнее *благоразуміе* и *умѣренность* возстанія опять соскакиваютъ съ рельсовъ. И Хржановскіе, и не Хржановскіе, и всякіе другіе *ребята* польской революціи вообразили вдругъ, что тутъ можно погрѣть руки... опять надежды, Наполеонъ, плакаты, губернаторы... Галиматья галиматей Мирославскаго и всякая прочая галиматья — vanitas vanitatum et omnia sunt vanitas.

Подъ такими условіями, при этой *вторичной вспышкѣ*, я пріѣхалъ въ Краковъ въ концѣ прошлаго года. Состояніе города было престранное. Вездѣ толковали объ арестахъ—и забывали, что рядомъ съ ними идетъ почти безнаказанное шлянданье повстанцевъ по домамъ и гостинницамъ; производятся ревизіи у разныхъ лицъ, по декретамъ подземнаго Жонда. Многихъ коноводовъ революціи видятъ, что́ называется, *воробьи съ крышъ* (wróble z dachów)—и никто ихъ не трогаетъ пальцемъ. А есть однакоже какіе-то аресты.

Всей запутанной механики тогдашняго австрійскаго управленія я думаю вполнѣ не понимали даже сами австрійцы. У нихъ есть также склонность къ нѣкоторой «галиматьистости» по этой части.

Ко мнѣ, въ Саксонскую гостинницу, начали жаловать почти ежедневно разные докучные посѣтители, преимущественно называвшіе себя *пов-*

станцами. «Былъ тамъ-то, тамъ-то, (большею частію, для эффекта, прибавлялось: *и у Лангевича*)... раненъ нѣсколько разъ... наконецъ попался австрійцамъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ... теперь выпущенъ и не знаю, гдѣ голову приклонить; гдѣ эту ночь переночевать; что перекусить; оборвался, обносился»...

Таковы были типическія фразы этихъ молодцевъ.

«Да вы здоровый быкъ» говорилъ я иному «посмотрите въ зеркало!»

Онъ взглядывалъ въ зеркало и точно видѣлъ тамъ румяную рожу и плечи, какъ у покойнаго полковника Кракуса, спящаго подъ Копцемъ.

«Вѣдь вамъ совѣстно просить, а?» говорилъ я.

— Точно совѣстно, говорилъ умиленный повстанецъ, да вѣдь сейчасъ работы не найдешь... а брюхо работаетъ безостановочно; вы вотъ научите меня, что̀ я долженъ дѣлать *сейчасъ*, *въ эту минуту*, когда у меня вотъ тутъ пушки палятъ, а нѣтъ ни гроша.

На такіе доводы возражать было очень трудно — особенно, если передъ вами стояло четыре гайдука разомъ, ночью, когда гостинница и городъ дремалъ, вмѣстѣ съ австрійскими патрулями и непостижимыми распоряженіями правительства, — и эти хваты могли бы распорядиться какъ хотѣли не только нѣсколькими монетами вашего кошелька, но и цѣлымъ вашимъ чемоданомъ и даже собственной вашей особой.

Еще удивительно, какъ они были такъ кротки и удовлетворялись самой вздорной подачкой. Получивъ что нибудь, они благодарили униженно и спѣшили туже минуту улизнуть какимъ нибудь заднимъ ходомъ. Преслѣдовать ихъ было-бы напрасно и даже не совсѣмъ удобно: нѣтъ сомнѣнія, что гдѣ-нибудь, у воротъ, на углу, ждала ихъ такая-же добрая кучка широкоплечихъ хватовъ. Да и ходили они по домамъ не иначе какъ въ троемъ, въ четверомъ, не меньше.

Сначала они меня нѣсколько раздражали. Было время, что я даже хотѣлъ уѣхать изъ Кракова вслѣдствіе такихъ посѣщеній... но потомъ какъ-то обтерпѣлся и привыкъ. Извѣстно, что человѣкъ «животное привычки» l'animal de l'habitude.—Неожиданный, разбойничій скрипъ двери ночью меня уже не будилъ тревожно какъ прежде, и 3—4 гайдука, являвшіеся передо мною у дивана, гдѣ я обыкновенно сидѣлъ за письменнымъ столомъ, казались мнѣ (въ концѣ мѣсяца, прожитаго въ Краковѣ) ничѣмъ инымъ, какъ простыми гостями. Я вступалъ иногда съ ними въ разныя, безцеремонныя объясненія о разныхъ предметахъ; спрашивалъ, гдѣ ихъ батюшки, матушки, семейство. Самымъ обыкновеннымъ отвѣтомъ на это было, что все это—въ Конгрессувкѣ.

Въ гостинницѣ я не говорилъ ничего о моихъ таинственныхъ посѣтителяхъ: это не послужило-бы ни къ чему. Но вотъ что однажды случилось.

У меня былъ лакей Станиславъ, румяный, здоровый парень, лѣтъ 30 съ небольшимъ, когда-то гусаръ Клапки въ Коморнѣ... послѣ этого онъ высидѣлъ въ австрійской тюрьмѣ цѣлый годъ—выпущенъ съ предложеніемъ поступить въ армію, въ такіе же гусары. Бился въ 1859 году подъ Мажентой съ французами, раненъ и получилъ отставку.

Что было дѣлать парню въ соку, съ приличной силой въ рукахъ и плечахъ, когда онъ вполнѣ выздоровѣлъ отъ раны и забылъ даже мѣсто, гдѣ она приключилась? Судьба унесла его въ фургонщики, въ Пётрковъ. Тамъ служилъ онъ не очень долго... тутъ слѣдуетъ нѣсколько точекъ—періодъ похожденій, не сообщаемый Станиславомъ никому зря, особенно панамъ изъ москалей, какимъ былъ у него, напримѣръ, я.

Конецъ 1863 года увидѣлъ бывшаго гусара Клапки лакеемъ въ Саксонской гостинницѣ Кракова. Служилъ онъ очень усердно, но былъ немного обломъ и какъ-то странно держалась въ его ручищахъ всякая деликатная вещь.

Если вы давали ему отнесть письмо на почту, то едва это письмо укладывалось на его ладони—какъ уже непосредственно затѣмъ являлось измятымъ, а печать нѣсколько сломанной. Отстранить такую сокрушающую силу его десницы, силу немного таинственную и непонятную, было невозможно. Онъ вовсе не хотѣлъ ломать вещи, которую вы ему подавали; напротивъ всемѣрно хлопоталъ о томъ, чтобъ ее не измять; какъ-то странно разставлялъ въ воздухѣ пальцы, принимая что-либо хрупкое,—а между тѣмъ это хрупкое какъ-то само собою хрупало, едва къ нему прикасалось.

Крошки, соръ и т. п. предметы сметались со стола и съ оконъ въ его ладонь очень удобно, какъ-бы въ подставленный тазъ. Забавно было только, что все, сметенное такимъ образомъ въ руку, онъ непремѣнно высыпа́лъ въ карманъ штановъ и отправлялся изъ комнаты. Вѣроятно, какая-нибудь Коморнская привычка.

Кровь его была до такой степени кипуча, что онъ никогда не зналъ, что такое шуба и не очень понималъ, для чего такія вещи сочинены человѣчествомъ... развѣ для франтовства и важности.

Однажды я послалъ его въ Величку за разными соляными фигурками, какія такъ дѣлаются. Отъ Кракова до Велички 1½ мили, т. е. 10 верстъ съ небольшимъ; взадъ и впередъ 21 верста. Разумѣется, ему была выдана приличная сумма на *жидка*, т. е. на одноконную жидовскую подводу, но онъ счелъ за лучшее положить эти деньги въ кармамъ, и слеталъ въ Величку пѣшкомъ, въ одномъ сертукѣ, въ 14 градусовъ морозу. Принесъ мнѣ оттуда два ящика соли и только покрякивалъ.

Таковъ былъ Станиславъ, бывшій Коморнскій гусаръ, преданный мнѣ до чрезвычайности. Пріѣзжая въ Краковъ и останавливаясь всегда въ од-

ной и той же гостинницѣ, я выслушивалъ отъ него постоянно такія привѣтствія, какія говорились развѣ только древнимъ панамъ, возвращавшимся изъ города въ свою деревню.

Входитъ разъ этотъ дѣтина въ мою комнату утромъ и видитъ слѣды нѣскольких грязныхъ сапогъ. Это его озадачило и онъ рѣшился спросить: «что это у васъ за слѣды?»

— Да что, братъ, повстанцы ходятъ.

«Какъ повстанцы?»

— Да такъ. Вотъ вчера четверо были и натоптали.

«Да вы бы ихъ по зубамъ.»

Я почувствовалъ, что я въ славянской землѣ и говорю съ моимъ братомъ, славяниномъ. «По зубамъ, въ морду» (w mordę) это здѣсь самыя обыкновенныя, *натуральныя* выраженія.

«Но какъ-же воевать одному съ четырьмя, помилуй?» сказалъ я.

— Позвоните меня—и увидите, какая будетъ потѣха.

«А какъ не дадутъ и позвонить?»

На это гусаръ Клапки не нашелъ никакого отвѣта; объяснилъ только, что все это шляются извѣстные въ городѣ *лотры*, а путный повстанецъ не пойдетъ.

— Лотры, или не лотры, а вотъ шляются и надо давать, или убираться вонъ. Всѣ даютъ.

«Точно что даютъ.»

Вошедшая pokojówka, т. е. дѣвушка, убирающая комнату, очень вострая и бойкая полька, сейчасъ сообразила, въ чемъ заключается нашъ разговоръ и не совѣтовала мнѣ предпринимать никакихъ воинственныхъ мѣръ противъ *лотровъ*. «Не могите объ этомъ и думать» сказала она мнѣ: когда австрійское правительство не хочетъ вступиться и принять мѣръ, такъ вамъ со Станиславомъ тутъ храбриться ничего. Теперь осаждены всѣ дома подобными бродягами. Всѣ отъ нихъ терпятъ. А что сдѣлаешь?»

Ея слова были вполнѣ справедливы. Состояніе нравственной атмосферы въ Краковѣ было тогда пренелѣпое; неизвѣстно отъ чего австрійцы очень долго смотрѣли сквозь пальцы на дѣйстрія подземныхъ властей и, какъ говорили мнѣ многіе поляки, положительно способствовали развитію возстанія. Когда имъ замѣчали, разные пріятели, зачѣмъ они спускаютъ за-границу, къ русскимъ, оружіе, которое можетъ обратиться на нихъ же? «А зачѣмъ русскіе дѣлаютъ тоже самое въ нашей Сербіи?» возражали они.

Краковскій подземный жондъ былъ, въ этотъ періодъ времени, можетъ быть также развитъ, какъ и варшавскій. Его декреты имѣли такое-же грозное значеніе. По нимъ пало въ Краковѣ и окрестностяхъ бо-

лѣе ста жертвъ. Я узналъ эту цыфру въ мартѣ нынѣшняго года, изъ вѣрныхъ источниковъ.

Ко мнѣ также являлось «отдѣленіе этого жонда», съ цѣлію узнать, кто я такой и произвесть у меня ревизію.

Такъ какъ это обстоятельство знакомитъ съ людьми, составлявшими народную организацію, то я считаю нелишнимъ описать сцену моей встрѣчи съ жондомъ во всѣхъ подробностяхъ.

Я уже намѣренъ былъ оставить Краковъ. Велѣлъ подать счетъ и рвалъ кой-какія ненужныя бумаги.

Было близъ 9 часовъ вечера. Вдругъ ктото стукнулъ въ дверь. Я подумалъ: видно какой нибудь приличный гость, потому что повстанцы никогда не предваряли о своемъ прибытіи, а просто вламывались. Мое «Entrez!» не долетѣло до слуха стучавшихся — дверь не отворялась и никто не входилъ. Я подошелъ къ ней быстро и отворилъ самъ: передо мной, за порогомъ, стояли двое господъ: одинъ въ енотовой шубѣ, другой въ чамаркѣ. Сзади ихъ видѣлось еще трое. Господинъ въ енотовой шубѣ, бѣлокурый молодой человѣкъ, съ небольшими усами, благовоспитанныхъ манеръ, спросилъ меня по русски: «здѣсь живетъ Н. В. Б?»— Здѣсь, отвѣчалъ я, очень натурально, на томъ же языкѣ: что вамъ угодно? — Тогда бѣлокурый далъ знакъ чамаркѣ: они переступили порогъ и заперли двери на ключъ. Трое запасныхъ ребятъ остались за порогомъ. Разумѣется, я понялъ мгновенно, съ кѣмъ имѣю дѣло.

«Pan nie jesteś polak?» Спросилъ у меня бѣлокурый, въ енотовой шубѣ (Вы не полякъ?).

— Нѣтъ, не полякъ, а что?—отвѣчалъ я такъ же по польски, и съ этой минуты у насъ пошелъ уже польскій разговоръ.

«Кто-же вы?»

— Я русскій, по вашему москаль.

«У васъ есть *народовый паспортъ*!»

— Какой такой народовый паспортъ?

«Вы знаете конечно, что есть народная организація, народное правительство и оно-то выдаетъ «народовые паспорты» кому знаетъ. У васъ нѣтъ такого паспорта?»

— Нѣтъ!

«Въ такомъ случаѣ прочтите вотъ эту бумажку»—и онъ подалъ мнѣ исписанный почтовый листъ малаго формата, нѣсколько синеватый, а не бѣлый. Я замѣтилъ мгновенно въ концѣ листика очень извѣстную мнѣ синюю печать съ польскимъ орломъ, литовскимъ всадникомъ и архангеломъ Михаиломъ. Сомнѣній не оставалось. Я попросилъ гостей садиться, а самъ, тоже усѣвшись у стола и придвинувъ свѣчу, сталъ читать.—Признаться, читалось плохо. Я былъ взволнованъ. Однако разобралъ слѣдующее: «Симъ

предписывается вамъ (т. е. господину въ енотовой шубѣ) отправиться въ Саксонскую гостинницу, въ такой-то номеръ и произвести у живущаго тамъ г. Берга соотвѣтственную обстоятельствамъ ривизію.» Въ боку, на уголкѣ, было еще что-то написано мелко наискозь. Едва я сталъ это читать, какъ ревизоръ меня остановилъ, сказавъ, что это особая замѣтка, собственно для него; взялъ у меня бумажку, свернулъ въ самый незначительный комочикъ и куда-то упряталъ.

— Видите: я долженъ произвести у васъ ревизію; это неизбѣжно, это моя обязанность. Остается употребить съ моей стороны всѣ средства, чтобы это было для васъ какъ можно менѣе стѣснительно и безпокойно. Я имѣю съ этой стороны нѣкоторую опытность. Вы мнѣ позвольте приподнять кой-какіе уголки, листики, не больше—и мнѣ будетъ довольно.

«Не только уголки и листики,—отвѣчалъ я,—смотрите, что̀ хотите. Я полагаю, что могу показать всѣ мои бумаги и все, что у меня есть, всякому жонду, не рискуя ровно ничѣмъ. Позвольте только спросить прежде, дѣйствительно ли вы *жондъ народовый?* хоть въ результатѣ будетъ все равно, и вы меня осмотрите, потому что вы — сила; но мнѣ пріятнѣе разговаривать просто съ поляками, съ народомъ, а не съ переряженной нѣмецкой полиціей.

— Въ этомъ отношеніи мы не имѣемъ съ собою ничего, кромѣ *честнаго слова* (słowa honoru). Если вы вѣрите такому слову и для васъ оно что нибудь значитъ—мы даемъ его торжественно: мы поляки, настоящій, а не маскарадный жондъ народовый.

«Ладно! теперь что же вамъ отъ меня угодно?»

— Прежде всего, скажите намъ, кто вы и зачѣмъ сюда пріѣхали?

Я объяснилъ точно и подробно мою профессію.

«Вы говорите правду, какъ джентльменъ?»

— Какъ джентльменъ. Даю вамъ въ этомъ русское честное слово.

«Что это у васъ за кучи рваныхъ бумагъ?»

— Это кой-какія письма и телеграмма, только-что полученная, которая и заставляетъ меня двинуться немедля въ Варшаву.

«Мы знаемъ, что вы завтра ѣдете. Вы хотѣли ѣхать во Львовъ, но отъ чего-то перемѣнили маршрутъ».

— Да, я хотѣлъ ѣхать во Львовъ, но теперь приходится отложить эту поѣздку.

«Вы позволите намъ взглянуть, что это у васъ въ рваной кучѣ бумагъ? Какая это телеграмма? частная переписка человѣка—для насъ весьма важное дѣло.

— Извольте, это не такъ разорвано, чтобы не имѣть возможности прочитать.

Мы сложили прежде всего клочки телеграммы, потомъ одного русскаго

письма, прочли кое-какъ черезъ строку и этимъ ревизоръ удовлетворился. Я замѣтилъ, что произвожу на него благопріятное впечатлѣніе. Сомнѣнія его насчетъ моего сбирства, и вообще чего нибудь *неблагополучнаго* въ моей профессіи, какъ кажется, очень скоро исчезли. Говорилъ онъ со мною такимъ осторожнымъ и приличнымъ тономъ; самая манера чтенія писемъ, кое какъ, не все, а только необходимую суть—была до того не стѣснительна, что въ результатѣ казалось, будто мы сидимъ за вкуснымъ столомъ и бесѣдуемъ по пріятельски. О *полиціи* и ея извѣстныхъ свойствахъ не было и мысли. Тревога моя прошла мгновенно.

— А чтó это у васъ за тетрадь? спросилъ ревизоръ, показывая на рукопись, теперь отчасти уже напечатанную и извѣстную читателямъ изъ первой и второй книжки Библіотеки для Чтенія, текущаго года.

«Это результатъ моихъ здѣшнихъ занятій. Я уже говорилъ вамъ, что пріѣхалъ сюда писать о послѣднихъ событіяхъ Польши.»

— Однако, это довольно! — сказалъ ревизоръ, перебирая тетрадь. Нѣтъ никакихъ средствъ узнать въ короткое время, чтó тутъ такое скрывается. Вы понимаете, что мы дорожимъ каждой минутой. Кто ручается, что не откроется сейчасъ дверь и не войдетъ сюда австрійскій патруль. Конечно, у насъ приняты мѣры. Наши люди разставлены вездѣ, даже на улицѣ, чуть что—намъ дадутъ знать. Но все таки... мы не можемъ здѣсь долго копаться. Я васъ прошу покорнѣйше, именемъ жонда, пробыть здѣсь еще день. Мы возьмемъ эту тетрадь съ собой. Завтра, въ этотъ самый часъ, она будетъ лежать снова на этомъ самомъ мѣстѣ. Я даю вамъ честнѣйшее, благороднѣйшее слово.

«Я нисколько не сомнѣваюсь, что это такъ и будетъ, но для чего же вы меня понапрасну стѣсняете. Давайте прочтемъ что нибудь навыдержку теперь же—и это вамъ дастъ понятіе о цѣломъ.»

— Но почемужъ вамъ не остаться еще на день? это такъ не трудно. Намъ совѣстно вамъ предложить, но... еслибы это было нужно—вашъ номеръ въ гостинницѣ будетъ на завтра оплоченъ. А если въ Варшавѣ ждутъ васъ пріятели, или кто нибудь намѣренъ выѣхать вамъ на встрѣчу—мы пошлемъ телеграмму. Наконецъ, въ отношеніи вашихъ обязанностей или обѣщанія, даннаго, можетъ быть, редакціи—мы снабдимъ васъ удостовѣреніемъ, съ печатью Жонда, что вы были здѣсь задержаны, подъ страхомъ смерти. Вотъ и конецъ. Все уладится какъ нельзя лучше и проще.

«Я увѣренъ, что уладится; но, повторяю, нѣтъ причины вамъ меня задерживать. Я не потому ѣду именно завтра, что такъ непремѣнно нужно; что такъ кѣмъ либо предписано, а просто *я рѣшился* выѣхать, вотъ и все. Я приготовленъ къ этому мыслями; я даже уложился; я—въ дорогѣ. Вы понимаете, что удержать ни съ того ни съ сего въ такую

мунуту свободнаго человѣка—есть для него стѣсненіе; есть, извѣстнаго роду, не деликатность.

— Ну ладно, сказалъ бѣлокурый. (Говорилъ обыкновенно онъ. Чамарка вмѣшивалась въ наши рѣчи не часто. Это былъ просто румяный, *надежный* парень, дантистъ судырь ты мой, какіе въ подобныхъ, рискованныхъ похожденіяхъ Жонду конечно необходимы. За дверью у меня, какъ вы знаете, стояли такіе-же три молодца, тоже для внушенія).

— Ладно, сказалъ бѣлокурый, мы постараемся какъ нибудь обойтиться безъ этой тетради. Нѣтъ ли у васъ еще какихъ частныхъ писемъ? Я уже вамъ сказалъ, что частная переписка для насъ очень серьозная вещь.

«Всѣ мои письма лежатъ обыкновенно на виду. Вотъ онѣ, взгляните. Цѣлую жизнь мою я не велъ такой переписки, которую бы не могъ показать всему бѣлому свѣту.»

Я подвелъ обоихъ ревизоровъ къ комоду, гдѣ лежало 5—6 писемъ отъ разныхъ моихъ пріятелей изъ Россіи.

«Позвольте взглянуть на выдержку, одно-два?

— Извольте!

Онъ взялъ какое-то и прочелъ. Потомъ мы заговорили по русски, самъ не знаю какъ. Вѣроятно, это былъ студентъ одного изъ нашихъ университетовъ. Я еще разъ усомнился въ подлинности Жонда и сказалъ ревизору: «пожалуйста успокойте меня, повторите ваше честное слово, что вы поляки, а не австрійцы.»

— Эхъ, батюшка! Да на что австрійцамъ такія комедіи и маскерады? Они просто придутъ съ солдатами. Когда нибудь убѣдитесь въ разницѣ....

Дѣйствительно, мнѣ пришлось въ послѣдствіи убѣдиться и даже очень рѣзко и горько.

Во время чтенія письма ревизоръ взглядывалъ поминутно на часы и говорилъ, что у него нѣтъ больше времени; что онъ долженъ спѣшить. Увидавъ у меня незапечатанное письмо, онъ спросилъ вдругъ, что это такое? Вѣроятно, приготовлено вами къ отправленію?

«Такъ точно.»

— Стало быть, оно пойдетъ не раньше, какъ завтра? позвольте намъ взять его домой. Вы получите его обратно или на желѣзной дорогѣ, какъ станете садиться въ вагонъ, или вамъ принесутъ сюда [1]).

[1]) Письмо это дошло по назначенію черезъ 20 дней послѣ того, какъ было у меня взято. Въ концѣ его, на послѣднемъ листѣ, приложена печать начальника Краковской народной полиціи; потомъ выставленъ № 448, и слова: przy rewizyi czytano w Biorze policyi Narodowej Miasta Krakowa. Dnia 5 stycznia 1864 roku. (*Читано*

«Ничего этого не нужно. Я довѣряю вамъ отправить его самимъ. Письмо же, на которое я отвѣчаю этимъ, находится въ рваной кучѣ бумагъ. Не хотите-ли взять и его, и всю эту кучу?

Они отказались, и стали прощаться, извиняясь, что необходимость заставила ихъ причинить мнѣ столько безпокойства, narobić tyle subjekcyj.

«Что-жъ дѣлать, такое время. Я вамъ благодаренъ покрайней мѣрѣ, что вы не стѣсняете меня отъѣздомъ.»

Когда вся гурьба убралась во свояси — я позвалъ къ себѣ бывшаго гусара Клапки и напомнилъ ему его храброе предложеніе ратоборствовать съ повстанцами, если я только позволю.

«Что-жъ ты, братъ, тутъ не пришолъ повоевать и меня не выручилъ?»

— Чего выручить? Всѣ ходы и выходы заняли. Кельнерка несла вамъ полотенце къ завтрему: какъ крикнутъ на нее: куда еще? Сиди тамъ у себя, пока цѣла! такъ и не пустили.—

Такова была власть жонду въ Краковѣ два — три мѣсяца тому назадъ! Свѣжо преданіе... Цѣлая гостинница оставалась безмолвнымъ и покорнымъ свидѣтелемъ подобныхъ безпорядковъ, которые повторялись весьма часто. Въ этотъ же день былъ осмотрѣнъ, въ нашей же гостинницѣ, 31 нумеръ и жильцу его приказано было выѣхать, куда знаетъ. Мы выѣхали съ нимъ въ одно и тоже время, и въ Щаковѣ пили вмѣстѣ кофій. Онъ былъ очень задумчивъ. Не знаю почему, я угадалъ, что онъ именно тотъ изгнанникъ, котораго высылаетъ народное правительство. Не помню какъ мы разговорились. По языку, онъ былъ чистый полякъ. Съ Щакова онъ поворотилъ въ сторону и мы больше не встрѣчались.

Затѣмъ прошло около мѣсяца. Я опять воротился въ Краковъ и едва узналъ его: еще на границѣ поразилъ меня сильно поджарый номеръ *Хвили*, начинавшій сбиваться уже на Dziewnik Powszechny. Самъ городъ глядѣлъ совсѣмъ иначе. Ни тѣхъ повстанскихъ физіономій, ни той свободы и развязности между гулявшими. Всѣ ходили поджавши хвостъ. Патрули двигались за патрулями. Иногда патруль, ни съ того, ни съ сего, забиралъ какого-нибудь господина, котораго фигура или чамарка чѣмъ нибудь отличалась, или была нѣсколько нова въ улицахъ—и господинъ принужденъ былъ шествовать, подъ такъ-называемый *телеграфъ*, коего настоящее назначеніе вашъ покорный слуга узналъ въ послѣдствіи собственнымъ горькимъ опытомъ.

Въ Саксонской гостинницѣ меня встрѣтили до крайности любезно. Поднялся крикъ, суета, бѣготня. Бывшій герой Маженты прокричалъ мнѣ, еще на лѣстницѣ, свою обычную фразу: «цѣлую ручки моего пана!»

въ Бюро народовой полиціи города Кракова. 5 Генваря 1864 года). Пакетъ, надписанный моей рукой, оставленъ; вмѣсто него сдѣланъ новый и запечатанъ небольшой печатью, съ литерой *В.*

Pokojówka вбѣжала ко мнѣ съ разсказами о различныхъ «окропностяхъ» учиняемыхъ австрійцами въ городѣ: объ арестахъ, ревизіяхъ; всякаго рода преслѣдованіяхъ. Я очень скоро убѣдился въ этомъ лично. Саксонскую гостинницу тревожили всякій день и почти всякій день когонибудь у насъ брали «подъ телеграфъ.» Однажды взяли вдругъ цѣлыхъ пятерыхъ, въ томъ числѣ графовъ Залуцкаго и Осорскаго. Ко мнѣ почему-то не входили. Я сидѣлъ себѣ, пописывалъ и былъ безмятеженъ духомъ, какъ младенецъ.

Дня черезъ три послѣ ареста пятерыхъ *гостей* (goście) въ нашемъ отелѣ, именно 1 марта нов. стиля, явился на стѣнахъ домовъ, въ нѣкоторыхъ главныхъ пунктахъ города, *императорскій манифестъ*, коимъ Галиція и Краковъ объявлялись «на военномъ положеніи» — w stanie oblężenia.

Потомъ, прилепленъ былъ огромный листъ о штрафахъ противъ разныхъ преступленій и нарушеній извѣстныхъ параграфовъ австрійскаго уголовнаго кодекса. Наконецъ, уже вечеромъ, мы прочли предписаніе высшихъ властей относительно всѣхъ иностранцевъ, проживавшихъ тогда въ Галиціи: ихъ требовали, въ теченіе 48 часовъ, въ полицію, для какой-то *особенной* прописки паспорта и объявленія причинъ, почему и зачѣмъ они пребываютъ въ томъ или другомъ городѣ?

Я сейчасъ-же взялъ свой паспортъ и отправился, но толпа привалившихъ со всѣхъ концевъ Кракова иностранцевъ была такъ велика, что я никакимъ образомъ не могъ протиснуться и рѣшилъ явиться на другой день утромъ. Являюсь — почти таже исторія! Однако я протискался и былъ приглашенъ, какимь то чиновникомъ въ неслишкомъ приглядномъ сертукѣ и вообще похожимъ на чиновника какой угодно полиціи,—сѣсть къ столу и отвѣчать на разные нѣмецкіе вопросы, производившіеся впрочемъ по польски, и отвѣты на нихъ писались также по польски. А писались они на большущемъ листѣ, ресчерченномъ сверху донизу графами. Это было на взглядъ нѣчто подобное нашимъ ревизскимъ сказкамъ.

Въ первой графѣ, натурально, выставилось имя, отчество и фамилія субъекта. Потомъ написали лѣта, профессію, вѣроисповѣданіе; зачѣмъ прибылъ въ Краковъ и сколько въ немъ желаетъ остаться. Далѣе послѣдовало разрѣшеніе вопроса: гдѣ преимущественно живетъ? (что̀ меня конечно очень затруднило) написали однако Петербургъ, такъ-какъ оттуда былъ паспортъ. Далѣе: чѣмъ субъектъ существуетъ? какія средства къ жизни? — Я сказалъ, что имѣю деревню.

— Что-жъ вы этото не сказали прежде? воскликнулъ чиновникъ: это слѣдуетъ въ графу: *характеръ*.

«Ну, коли слѣдуетъ въ графу *характеръ*, такъ и пишите въ «характеръ».

— Гдѣ-жъ ваша деревня?

«Тамъ-то».

— Уѣздъ?.. Губернія? Имя деревни?

«О нѣмцы!» подумалъ я. «А еще говорятъ по-польски и такъ чисто!»

Все было сообщено по порядку и записано въ *характеръ*.

— Такъ вы здѣсь какъ путешественникъ? спросилъ въ заключеніе записывающій.

«Какъ путешественникъ, jako wojażer.»

— Ну, ладно. Пойдемте-жъ теперь къ комиссару (т. е. частному приставу).

Комиссаръ сидѣлъ въ другой комнатѣ. Это былъ довольно высокій господинъ среднихъ лѣтъ, въ зеленомъ мундирѣ съ малиновымъ воротникомъ и желтыми звѣздочками у самыхъ крючковъ. Эполетъ комиссарамъ не полагается. Онъ взглянулъ въ махину-листъ, потомъ въ мой паспортъ, потомъ опять въ листъ и проговорилъ сквозь зубы, нѣсколько отрывочно: «вы тутъ какъ путешественникъ... гм!... какія теперь путешествія, помилуйте!»

— Да если мнѣ хочется путешествовать, кто-жъ мнѣ запретитъ. Мнѣ вотъ нравится вашъ Краковъ, и конецъ; а завтра понравится Копенгагенъ — и я уѣду въ Копенгагенъ. На то международныя права.

«Да не такое теперь время, чтобъ разъѣзжать, сказалъ комиссаръ мрачно: я велю вамъ прописать *выѣздъ*».

— Какъ выѣздъ? Да мнѣ еще здѣсь нужно...

Но онъ не слушалъ и сказалъ что-то на ухо чиновнику уже третьей комнаты, лысому старичку, въ очкахъ. Этотъ мгновенно хлопнулъ какую-то синенькую небольшую печатку и подлѣ нея весьма скоро явилась надпись по-нѣмецки: *въ 24 часа*! — меня изгоняли остракизмомъ, Богъ вѣдаетъ за что. Я было попробовалъ потолковать, но толковать съ нѣмцами, да еще съ полицейскими—это значило, по просту, толочь воду. Давно сказалъ Ратиборъ въ судѣ чешской княжны Любуши:

«Nie chwalno nam w Niemćech iskati prawdu!»

Вспомня про это велемудрое изрѣченіе, я отправился домой и сталъ укладываться. Мое воображеніе естественно рисовало уже мнѣ прибытіе въ Варшаву—завтра вечеромъ; встрѣчу друзей, привѣтствія и милыя восклицанія знакомыхъ амазонокъ... Но увы! до Варшавы мнѣ было еще довольно далеко: меня ожидали совсѣмъ иныя, *не знакомыя* удовольствія.

Я всталъ на другой день часовъ въ 7 утра и пилъ чай, снова мечтая о Варшавѣ. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ должны были сказать о готовомъ омнибусѣ. Вдругъ отворилась дверь и вошелъ комиссаръ, въ мундирѣ и черномъ партикулярномъ пальто сверху, съ палочкой въ рукѣ. За

нимъ выступало три человѣка понятыхъ (что-то въ этомъ родѣ), весьма грязныхъ личностей, какихъ-то сапожниковъ, въ обыкновенныхъ сертукахъ, и тоже съ тросточками. Главный кельнеръ нашей гостинницы, явившійся вмѣстѣ съ ними, обратился ко мнѣ и сказалъ: «господинъ комиссаръ!» Этого требовала форма. Потомъ удалился. Я понялъ причину появленія у меня этихъ господъ: *ревизія*, какимъ-то образомъ пропускавшаяся въ моемъ номерѣ, началась весьма безцеремонно, безъ всякихъ предварительныхъ рѣчей. Комиссаръ, дымя сигарой, жмурясь и сыпля всюду кучи пеплу,—взялъ прежде всего со стола мой бумажникъ и сталъ его вертѣть и разсматривать самымъ инквизиторскимъ окомъ. Были перебраны всѣ бумажки; перетрясены деньги—и въ одномъ изъ мелкихъ кармашковъ найдена завалившаяся туда повстанская ассигнація, которую я досталъ у одного казацкаго офицера, какъ рѣдкость. и даже не помню, гдѣ ее тогда припряталъ. Потомъ пересмотрѣны брошюры, фотографическія карточки, замѣтки въ записныхъ книжкахъ, мелкія деньги въ портъ-моне, письма моихъ друзей изъ Варшавы и Россіи,—наконецъ статья о Краковѣ. «Все это по русски, я ничего не понимаю» сказалъ Комиссаръ: «это надо взять... да вотъ и это (онъ показалъ на фотографическія карточки): развѣ можно имѣть такія вещи?»

— Я купилъ это открыто въ здѣшнихъ магазинахъ.

«Мало чего нѣтъ. Но это запрещено.»

— Ктожъ запретилъ, вы чтоли? то, что позволяется продавать и покупать, то не запрещено.»

«Все, что я здѣсь у васъ вижу,—это все запрещеный товаръ» сказалъ комиссаръ, не слушая меня. Все это слѣдуетъ конфисковать, но я возьму только часть.

Онъ взялъ фотографіи, одно русское письмо, нѣсколько брошюръ, повстанскую ассигнацію и мою статью о Краковѣ, а мнѣ предложилъ идти вмѣстѣ съ нимъ въ полицію. Я просилъ позволенія убрать по крайней мѣрѣ разбросанныя вещи,—куда! Сапожникъ былъ не умолимъ! Нечего дѣлать: я заперъ комнату на ключъ и долженъ былъ повиноваться. Мы пошли по коридорамъ, гдѣ поминутно встрѣчали разставленныхъ солдатъ, въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ ружьями; они были, какъ оказалось по языку—нѣмцы.

Очучившись на дворѣ, мы пріостановились. Велѣно было сыскать фіаркъ, для доставленія меня въ полицію *приличнымъ образомъ*, но искали фіакра долго; я упросилъ мое новое начальство итти пѣшкомъ; начальство согласилось—и я скоро увидѣлъ себя передъ тѣмъ самымъ комиссаромъ, который наканунѣ предложилъ мнѣ выѣхать изъ Кракова въ 24 часа; тутъ же былъ и тотъ лысый старичокъ, который прибякивалъ синенькую печать. Что-то записали, спросивъ меня, былъ-ли я въ прошломъ году въ Прагѣ. Я сказалъ, что никогда тамъ не былъ. Потомъ сидѣлъ на ска-

мейкѣ довольно долго, не понимая, что такое вокругъ меня и со мною дѣлается. Мимо сновали разныя уже знакомыя мнѣ полицейскія личности. Одна пробѣжала съ пачкой предметовъ, у меня отобранныхъ... минутъ черезъ 10, таже фигура явившись опять, попросила меня встать и слѣдовать за нею. Мы вышли на улицу, сѣли въ фіакръ и покатили.

Если вы разсматривали, читатель, картинки Вернета къ исторіи Наполеона, то, можетъ быть, припомните тамъ одну, изображающую фіакръ, въ которомъ мчится генералъ Бонапартъ съ Туссенъ-Лувертюромъ, извѣстнымъ героемъ Мадагаскара. Конечно, я не былъ похожъ въ ту минуту ни на какого похищаемаго героя, а мой товарищъ,—какой-то полицейскій сапожникъ, еще менѣе былъ похожъ на Бонапарта, но... вообще нѣкоторыя *линіи* картинки были совершенно однѣ и тѣже.

Не помню, какими улицами мчался фіакръ. Мнѣ было не до разглядыванья различныхъ мелькавшихъ мимо насъ предметовъ. Помню, какъ мы остановились у большихъ желтыхъ воротъ, надъ которыми сверкнулъ черный австрійскій орелъ, съ широкими перьями на крыльяхъ и хвостѣ, какъ его обыкновенно рисуютъ, больше какой-то квадратъ, чѣмъ орелъ. Стоялъ, какъ водится, часовой. Выходя изъ фіакра, я увидѣлъ кучу зазѣвавшихся на насъ ребятишекъ... потомъ калитка отворилась и затворилась... Я очутился въ томъ пріятномъ зданіи, которое называется въ Краковѣ по просту *телеграфомъ*, потому что здѣсь дѣйствительно былъ когда-то телеграфъ, а теперь — лучшая и удобнѣйшая повстанская тюрьма. За оною слѣдуетъ—*криминалъ*, гдѣ сидятъ приговоренные уголовнымъ судомъ. Потомъ—*замокъ*, видный черезъ крышу изъ *телеграфа*. Наконецъ Оломунцъ, Иглава, Конигрецъ и другіе мѣста такого-же роду въ Галиціи.

Мы вошли прежде всего въ небольшую грязную комнатку, съ писарскимъ столомъ, за которымъ сидѣли три допрашивателя, и курили трубки. Столъ, чернилица, мебель, стѣны—всѣ это соотвѣтствовало какъ нельзя болѣе физіономіямъ и сертукамъ австрійскихъ строчилъ. Мнѣ предложили стулъ и задали тѣже вопросы, какія я выслушалъ наканунѣ, въ бюро полиціи. Потомъ стали распрашивать разныхъ стоящихъ передъ столомъ «неключимыхъ рабовъ»—ужасно грубо, передразнивая ихъ, укая и крича почти на каждомъ словѣ. Одинъ еврей отвѣчалъ на вопросъ объ его имени: *Ааронъ*. «Ааронъ, братъ Моисея!» замѣтилъ, остря, допрашиватель—и потомъ сталъ на него укать. Особенное уканье произошло послѣ вопроса о *характерѣ*, т. е. профессіи жида. Жидъ замялся. «Ну, говори: факторъ! мы и напишемъ факторъ!» — Сказалъ слѣдователь. Жидъ молчалъ, вѣроятно не будучи факторомъ, но все-таки записали *факторъ*.

Весь этотъ народъ былъ захваченъ въ разныхъ пунктахъ города;

даже на заставахъ и въ вагонахъ желѣзной дороги; кто съ паспортомъ, кто безъ съ паспорта. Ихъ посадили гдѣ-то внизу, кучей, въ самый грязный отдѣлъ «Телеграфной тюрьмы.» Воображаю, что это такое, когда и та,гдѣ случилось сидѣть намъ, арестованнымъ въ лучшемъ краковскомъ отелѣ и потому, въ нѣкоторомъ родѣ, *избраннымъ* существамъ—была ни на что не похоже.

Я, однако, не помышлялъ и объ ней, да и ни объ какой. Я думалъ, что меня опросятъ и тѣмъ все кончится. Но опросъ кончился, а я все сидѣлъ... Такъ прошло съ четверть часа. Вдругъ вошелъ какой-то австрiйскiй *ундеръ*, въ сѣрой шинели, съ малиновыми погончиками на воротникѣ (что означало *полицiю*) и въ киверѣ. Онъ началъ что-то шептать одному изъ писавшихъ, глядя на какого-то вновь-приведеннаго повстанца. Это былъ только такой маневръ: дѣло касалось меня. По выслушанiи нашептыванiй ундера, писавшiй всталъ, и попросилъ меня за нимъ слѣдовать. Мы поднялись вверхъ по лѣстницѣ, по здѣшнему въ *первый* этажъ. Я увидѣлъ запертую на замокъ дверь, подлѣ которой ходилъ часовой, заглядывая по временамъ въ прорубленное подлѣ окошечко. Дверь отомкнулась, я прошелъ туда—и услышалъ, какъ замокъ щелкнулъ сзади. Дѣло было совершенно ясное: меня посадили подъ арестъ.

Первыя минуты я не понималъ ровно ничего: что это такое за домъ, куда меня посадили? Что это за галлерея, смотрѣвшая во дворъ, какъ бываетъ на московскихъ и другихъ подворьяхъ. По галлереѣ ходили какiе-то господа, одѣтые болѣе или менѣе прилично, и похожiе на школьниковъ, отпущенныхъ погулять послѣ классовъ; кто былъ въ чамаркѣ, кто въ мѣховомъ хорошемъ пальто, кто въ сертукѣ. На одномъ я увидѣлъ отличную енотовую шубу, напоминавшую Русь. Все это были, по преимуществу наши,Саксонцы. Одинъ сейчасъ спросилъ у меня: «васъ гдѣ арестовали?»—Въ саксонской гостинницѣ.—«И насъ въ саксонской, сегодня утромъ.» — Чтожъ, мы тутъ и будемъ гулять? — спросилъ я: тутъ холодно.—«Нѣтъ, тутъ есть и *комнаты*, отвѣчалъ какой-то въ пальто, улыбаясь: «пройдите далѣе и увидите».

Я полюбопытствовалъ взглянуть, что это за комнаты. Первая, представившаяся мнѣ, была комната шаговъ въ 6 длины и столько же ширины, съ чугунною печью въ углу и съ тремя желѣзными кроватями самаго грязнаго свойства. Что было на полу, это описать трудно. Коротко сказать, это былъ полъ черной крестьянской избы нашего захолустья, гдѣ ночевали разныя твари; а мужицкiя ноги натаскали со двора пропасть соломы, грязи и всякаго сору. На одной кровати лежалъ молодой человѣкъ, прикрытый богатой енотовой шубой; казалось, больной, но онъ былъ прездоровехонекъ. Трое другихъ сидѣли на остальныхъ кроватяхъ, вокругъ стола, занимавшаго середину комнаты, и рѣзались въ префе-

рансъ, какъ-бы въ клубѣ. На окошкѣ, имѣвшемъ желѣзную рѣшетку, и кое-гдѣ на полу, стояли бутылки пива и еще чего-то. Стѣны сего пріятнаго обиталища были изукрашены различными изображеніями и надписями на разныхъ языкахъ; конечно болѣе всего по польски.

Первое изображеніе, во всю стѣну, углемъ—обозначало, какъ гласила надпись, генерала *Ченгери*: ѣхалъ неопредѣленной всадникъ, съ пикой, въ мохнатой шапкѣ. Рядомъ было еще два русскихъ генерала.

Тутъ же, недалеко, былъ образъ Спасителя, сдѣланный довольно отчетливо, тоже углемъ. Нѣсколько дальше рисовалась висѣлица и на ней висѣлъ какой-то *Сятковскій*. Мнѣ объяснили послѣ, что это преслѣдуемый давнымъ-давно жондомъ народовымъ полицейскій чиновникъ, — *лотръ* (łotr) и анаѳема, до котораго рано или поздно доберутся...

Надписи были такого рода: Leon Stoński, aresztowany 14 lutego 1864, za świętą sprawę ojczyzny.—Alexander Szurmiak, aresztowany 22 lutego. Henryk Szaszkiewicz z Ukrainy nach Königsberg!.. Потомъ вдругъ по нѣмецки: Verflüchtes Oesterreich! — Тутъ-же латинскій гекзаметръ: quidquid agis prudenter agas et respice finem... [1]) Dulce est pro patria mori... [2]) Вдругъ какой-нибудь шутъ оставилъ, ни съ того ни съ сего, стихи:

Pani Mama, Johan jedzie
Będzie u was na obiedzie.

Были надписи по чешски, по венгерски, даже по русски; послѣднія съ похабщиной.

Между тѣмъ какъ я осматривалъ стѣнную живопись новаго моего жилища, вошелъ небольшой чернявый лакей, еще мальчикъ, въ оборванномъ сертукѣ, и сказалъ намъ, что «хочетъ заместь комнату; такъ, чтобы мы куда нибудь убрались». Мы встали и пошли въ слѣдующую. На дорогѣ мнѣ кто-то шепнулъ «остерегайтесь этого парня: это австрійскій шпіонъ. Есть тутъ другой, Антоній,—bardzo poczciwy chłopak.»—Скоро мнѣ показали *почтиваго* Антонія, проходившаго по двору, который былъ затиснутъ стѣнами, и представлялъ небольшой мощеный квадратъ съ кучей всякаго сору и снѣгу посрединѣ.

Poczciwy chłopak Антоній глядѣлъ чѣмъ-то въ родѣ деньщика. Славянская, курносая физіономія. Онъ, дѣйствительно, исполнялъ охотно порученія заключенныхъ, получая за это приличное вознагражденіе: приносилъ откуда-то кофій, булки, свѣчи, бумагу для письма, но былъ такой-же плутъ, какъ и всѣ, занимавшіе *подъ телеграфомъ* какія бы то ни было должности. Онъ умѣлъ мирить правительственные интересы съ требованія-

---

[1]) Какое дѣло ни начнешь, благоразумно его веди и оглядывай конецъ.
[2]) Сладко умирать за отечество.

ми повстанцевъ. Служилъ тѣмъ и другимъ, а собственно, строго говоря, только *однимъ*, т. е. австрійцамъ. Повстанцы воображали себѣ (впрочемъ одна половина, болѣе невинныхъ), что онъ *тѣхъ* надуваетъ, ради чего-то инаго прочаго... а онъ вовсе не надувалъ: правительство преспокойно знало, *что проносится* къ заключеннымъ и въ слѣдствіе этого, экономически, по нѣмецки, отпускало *подъ телеграфъ* изъ казны *только воду*. Даже не отпускало свѣчей. Сношеніе съ городомъ считалось милостивымъ снисхожденіемъ начальства. Въ *криминалъ* уже было строже. Въ *замкѣ* еще строже и во всѣхъ отношеніяхъ сквернѣе. Деньги тамъ отбирались при входѣ. Иные, ловкіе, однако находили способы пробираться съ деньгами.

Комната, куда мы вступили, изгнанные уборкою перваго котуха (гдѣ поднялась сейчасъ невѣроятная пыль) — походила на оставленную нами какъ двѣ капли воды,—въ отношеніи убранства, мебели и стѣнной живописи. На кроватяхъ тоже сидѣли и лежали разные молодцы, все чрезвычайная молодежъ, только одинъ былъ мущина среднихъ лѣтъ, въ просѣдь, довольно полный, въ приличномъ черномъ пальто. Его голосъ басилъ какъ труба, и покрывалъ всѣ иные.

Затѣмъ была третья комната, послѣдняя, съ такой же печью, какъ первая и съ тѣмъ же числомъ кроватей. Не знаю почему, она мнѣ полюбилась болѣе другихъ и тутъ я рѣшилъ основать свое мѣстопребываніе.

Публика, населявшая третье обиталище телеграфа, состояла преимущественно изъ иностранцевъ: двухъ швейцарцевъ, итальянца изъ Вероны и въ заключеніе поляка, съ нѣмецкой фамиліей, если только она была невымышленая.

Необходимо замѣтить, что большая часть фамилій у заключенныхъ были не свои. Иной принималъ уже третье, четвертое имя. Поддѣлка паспортовъ, видовъ, и такъ называемыхъ проѣздныхъ карточекъ, дошла нынче до такой необычайной тонкости, что ни одинъ полицейскій искусникъ не могъ отличить, не только сразу, но и по долгомъ разсматриваньи, фальшиваго паспорта отъ настоящаго. Надо было свѣрить съ книгой, гдѣ онъ записанъ; телеграфировать чужому правительству—и только тогда узнавалась истина. Вотъ почему хватали всякаго, съ такъ-называемымъ *легальнымъ* паспортомъ. «Ale u mnie najlegalniejszy pasport!» кричалъ забираемый повстанецъ — и точно былъ *наилегальнѣйшій*, т. е. смотрѣлъ какъ слѣдуетъ (бумага, внутренніе знаки, все), снабженъ былъ всевозможными подписями и печатями консуловъ, полицій... а собственно былъ только—хорошо поддѣланная ассигнація.

Представьте-же себѣ, какую кашу надо было разбирать краковской полиціи! Сколько было натурально-сочиненныхъ показаній! Писавшіе про-

*

токолъ знали, что пишутъ большею частію ужасную ахинею, басни, гдѣ на 25 разсказовъ едвали одинъ пахнетъ сколько нибудь настоящимъ дѣломъ, а на 25 именъ навѣрное нѣтъ ни одного настоящаго! между тѣмъ надо было писать и выслушивать всякую ахинею.

Обитатели третьей комнаты были, кажется, всѣ поддѣльные. Меня поразилъ ихъ беззаботный, веселый видъ. До того они свыклись со своимъ положеніемъ! До того много перевидали всякихъ видовъ, что тюрьма, съ кроватью да еще съ печью, и съ возможностью посылать въ городъ лакея, представлялась имъ просто блаженствомъ.

Всѣ были въ чамаркахъ, кто въ сѣрой, кто въ черной, и всѣ чрезвычайно молоды. Швейцарецъ, курчавый и розовой мальчикъ лѣтъ 20, какой-то маленькій Вильгельмъ-Телль, съ большими чорными глазами и только-что начинавшимъ пробиваться усомъ, лежалъ большею частію на кровати, задеря ноги и курилъ трубку. Я не видывалъ такой безпечности отъ роду. Иногда онъ пѣлъ громко разные родные мотивы, нето пѣсни буршей, или читалъ вслухъ польско-нѣмецкіе разговоры, произнося польскія слова самымъ убійственнымъ и непонятнымъ образомъ. Всѣ эти господа по польски выучились мало.

Другой,—высокій бѣлокурый,—въ сѣрой чамаркѣ, тоже швейцарецъ, занимался преимущественно опоражниваніемъ пивныхъ бутылокъ и угощалъ пивомъ собратью. Его физіономія, чамарка и волосы постоянно были въ надлежащемъ порядкѣ. Онъ смахивалъ на нѣмецкаго студента. Ему былобы удобно въ плащѣ съ рапирой.

Третій, итальянецъ, былъ грязный, неопредѣленный фатюй, безъ роду и племени; шатунъ всего свѣта, котораго можно было увлечь всякую минуту куда угодно. Слишкомъ большихъ разговоровъ по этой части вести съ нимъ не требовалось: ударь только по плечу, мигни—и маршъ!

Онъ былъ сильно простоватъ; итальянско польскіе разговоры его были сущая прелесть. Онъ находился въ постоянномъ движеніи, трубилъ губами гарибальдіевскіе марши, а иногда, забывшись, выдѣлывалъ по комнатѣ стрѣлковое ученье, прыжки, маршировку. Не то укладывался въ углу и пѣлъ...

Четвертый, Гансъ, былъ полякъ; очень добрый и милый мальчикъ; также безпечный, какъ и всѣ другіе.

Онъ имѣлъ какія-то особенныя сообщенія съ городомъ. Къ нему являлась временами старушка; онъ выходилъ къ ней на крыльцо, подъ покровительствомъ Антонія и часоваго; бралъ и отдавалъ узелокъ. Въ узелкѣ бывалъ горячій кофе, иногда супъ, котлеты, хлѣбъ—и въ заключеніе, непремѣнно была всунута записка.

Что это были за геніи-покровители, я не знаю. Спрашивать, никто

не спрашивалъ. «Ко мнѣ тутъ приходятъ!»—ну, и конецъ. Этимъ всѣ удовлетворялись.

Я уже сказалъ, что австрійцы, допустивъ для заключенныхъ подъ телеграфомъ сообщеніе съ городомъ, не давали имъ ничего, *кромѣ воды*. Я скоро захотѣлъ ѣсть, несмотря на тревожное состояніе духа. Покамѣстъ удалось отыскать Антонія и послать въ кофейню Гросса (вы знаете объ ея мѣстности изъ описанія Кракова выше), Гансъ предложилъ мнѣ подѣлиться съ нимъ трапезой, принесенною старушкой. Я поѣлъ какой-то капусты, съ говядиной. Но кофей былъ уже холоденъ. Скоро явилась такъ названная повстанцами *народова кава* — народный кофей, доставляемый какимъ-то комитетомъ, конечно не центральнымъ. Два старичка внесли большую бѣлую корзину, гдѣ на днѣ стояло нѣсколько разныхъ сосудовъ съ приготовленнымъ горячимъ кофеемъ. Тутъ-же, въ уголку, лежалъ кусками сахаръ и булки, въ значительномъ количествѣ. Стаканы и ложки давались отъ *казны*. Разумѣется, ихъ вымывали и вытирали какъ случится. Но ужь тутъ не до брезганья.

Войдя и поставивъ корзину на столъ, старички сказали древнее польское привѣтствіе «niech będzie pochwalony Iesus Christus!» (Да славится Іисусъ-Христосъ). На это отвѣчали: «wo wieki wieków, amen!»

Потомъ они исчезли. Публика принялась за кофій и булки. Все это было сносно.

Середи дня во дворѣ показалась какая-то молодая женщина, съ графиномъ воды, привязанномъ на шнурочкѣ, который бросила къ гулявшимъ по галлереѣ повстанцамъ — и графинъ былъ вытянутъ кверху. Подававшей его воображалось вѣроятно, что проклятые нѣмцы и воды узникамъ не даютъ.

Хотя у насъ было воды всегда вдоволь, но вода, принесенная душкой, въ нѣкоторомъ родѣ *повстанкой* — выпита была, сверхъ надобности, мгновенно.

Потомъ тѣже старички принесли *народовый обѣдъ* (obiad narodowy) точно въ такой же корзинѣ. Тутъ были щи, говядина, особо кусками; и ситный и бѣлый хлѣбъ. По всѣмъ комнатамъ пронесся гулъ: obiad narodowy! Пришли далеко не всѣ; у кого не было *собственныхъ*. Первыми уписывателями народоваго обѣду оказывались постояннго итальянецъ безъ роду и племени, распѣвавшій гарибальдійскіе марши и маленькій Вильгельмъ Телль. Все это шло почти на нихъ. Другіе приступали скромно. Иные только косились на obiad narodowy, дѣлая гримасу...

Я сблизился скоро больше всего съ Гансомъ и просилъ его отправить какъ нибудь мое писмо въ городъ, чтобъ его тамъ опустили въ ящикъ. Гансъ довѣрился мнѣ не вдругъ. Сказалъ, что это можетъ уладить «dobry chłopak» Антоній; что, по замѣчанію нѣкоторыхъ, письма, ввѣ-

ряемыя ему для опущенія въ ящикъ, всегда доходили. Конечно, нужно заплатить... за деньги все можно....

«Но, что же ему дать? спросилъ я: *реня*? (то-есть ренскій злотый, иначе флоринъ, или гульденъ.)

— Э, реня! вы эдакъ избалуете. 20—30 центовъ, вотъ и все.

«Я полагаю реня для большей вѣрности....

— Какъ хотите.

Я сѣлъ писать. Бумага, ножичекъ, чернила, перо, все это оказалось у моего новаго пріятеля. Онъ такъ былъ услужливъ, что даже стеръ со стола лужи, оставшіяся послѣ народоваго обѣда. У него явилась подходящяя для этого тряпица, которую онъ потомъ припряталъ въ какой-то кузовокъ. И тряпку и кузовокъ принесла ему изъ города таинственная старушка.

Когда я кончилъ письмо (оно предназначалось друзьямъ, въ Варшаву, чтобъ они знали и вѣдали, гдѣ я и что со мной дѣлается)—Гансъ распечатался и объявилъ, что письмо будетъ отправлено домашними средствами, *вечеромъ*, безъ участія Антонія, который, такъ-ли не такъ-ли, все таки—служащій въ полиціи, значитъ: дѣло рискованное.

Вечеромъ пришла старушка; притащила новой капусты, котлетъ, кофею, булокъ и конечно въ заключеніе, записку отъ добрыхъ геніевъ Ганса. Онъ вручилъ ей пустой кузовокъ, свою записку и мое письмо. Оно послѣ дошло благополучно.

Я держался больше въ этой третьей комнатѣ, глѣ мы преимущественно толковали, съ однимъ Гансомъ, который, сколько я могъ замѣтить, не имѣлъ въ отношеніи меня никакихъ невыгодныхъ предположеній. Что до другихъ—я боялся возбудить въ нихъ подозрѣнія, что я ничто иное, какъ подсаженный австрійскій чиновникъ. Никто меня не зналъ; къ протоколу, почему-то, меня не требовали — это обстоятельство заставляло меня быть съ повстанцами еще осторожнѣе. Впрочемъ, съ ихъ стороны я не замѣчалъ ничего. Всѣ знали, что я взятъ самымъ обыкновеннымъ образомъ, въ саксонской отели, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими. Когда случалось, что часть населенія другихъ комнатъ входила почему-либо къ намъ, то разговоръ не измѣнялъ ни тону, ни направленія. Былъ полонъ совершенной свободы и откровенности.

Къ вечеру насъ поприбавилось. Явилось два ксендза. Одинъ съ почтенной и задумчивой физіономіей, часто читавшій какую-то книгу духовнаго содержанія. Потомъ онъ, правда, довольно просто переходилъ къ картамъ; но физіономія его оставалась таже: придавливая своей картой чужаго туза или двойку, онъ не улыбался, но какъ-бы продолжалъ читать священную книгу.

Другой походилъ на нашего молодаго монашишку, живущаго безмя-

тежно гдѣ-нибудь въ захолустномъ монастырѣ, на озерѣ Неро, не то на Сиверсовомъ; расчесывающаго (передъ тѣмъ, какъ итти въ церковь) широкимъ деревяннымъ гребнемъ свои волосы, намазанные коровьимъ масломъ; и выводящаго потомъ, съ привычнымъ равнодушіемъ и бойкостію, разные гласы, на клиросѣ; не то бѣгущаго черезъ церковь съ разложенной книгой, читая по дорогѣ псаломъ. Тонко и пронзительно бьетъ его голосъ въ потолокъ, гдѣ лучи солнца перекрещиваются въ туманѣ ладона и спускается пыльная цѣпь къ паникадиломъ. Вся фигура звонкаго пѣвуна какъ-то летитъ вверхъ, приподымается на цыпочки—и самыя брови и все лицо изображаютъ стремленіе къ небу...

Таковъ былъ, ни дать ни взять, молодой ксендзъ, попавшій подъ телеграфъ.

Онъ сошелся живо съ *ядромъ* и *солью* повстанской публики телеграфа. Егозилъ въ ихъ кучѣ, въ средней комнатѣ, звонилъ своимъ голоскомъ, подымаясь на цыпочки и повертываясь направо и налѣво. Часть публики слушала его разсказы, часть рѣзалась въ преферансъ. Почтенный господинъ съ просѣдью лежалъ въ это время, прикрывшись по поясъ какимъ-то синимъ пледомъ съ красной оторочкой — и вставлялъ иногда басистое слово. Все шло живо. Карты, разсказы, дымъ; точно это былъ клубъ, куда съѣхались помѣщики и всякіе хорошіе люди провести пріятно досужее время. Подъ конецъ устроилось пѣніе польскихъ національныхъ романсовъ новаго времени. Ксендзокъ, съ летящими къ небу бровями, былъ тутъ коноводомъ и выводилъ соло; остальные подхватывали.

Къ ночи явилось обиліе пива. Такъ-какъ кроватей не хватало, то для половины публики принесли матрасы, весьма грубые и набитые неизвѣстно чѣмъ, и постлали ихъ на полу. Дали подушки, одѣяла. Все это было невѣроятнаго свойства. Я легъ не раздѣваясь и скоро заснулъ, подъ гарибальдіевскіе марши итальянца.

Утромъ, на другой день, пришелъ къ намъ полицейскій чиновникъ, по здѣшнему *шпицель*, и объявилъ, что часть арестованныхъ назначается въ Ольмюцъ, часть въ замокъ, а третья подлежитъ еще разсмотрѣнію: кого куда.

Я спросилъ у шпицеля, отъ чего жъ меня не требуютъ къ протоколу? — «Потребуютъ, потребуютъ» сказалъ онъ. Да вы запишите мое имя и объясните тамъ, за что жъ я сижу безсмысленно другой день? «Ладно, запишемъ, какъ ваше имя?» Я сказалъ; онъ сталъ записывать, многіе глаза любопытно устремились въ бумагу. «Это ваше настоящее имя?» — Спросилъ потомъ одинъ, когда шпицель убрался. Я замѣтилъ въ бровяхъ вопрошавшаго какое-то сомнительное передергиванье.—Пере-настоящее.... У него рисовались въ умѣ еще вопросы, но деликатность

запрещала пустить ихъ въ ходъ. Я предупредилъ и объявилъ мою націю. Замѣтно было, что нѣкоторыхъ озадачило мое признаніе. Кое-кто стали даже перешептываться. «Знаете, мы васъ считали литвиномъ. Видимъ, говоритъ какъ-то не такъ; однако — ничего.... ну, и вообразили, что литвинъ.»

Я почелъ послѣ этого еще болѣе необходимымъ — не выходить изъ третьей комнаты; но случилось слѣдующее:

Между арестоваными было въ тотъ день два именинника, Казиміры. Они послали за виномъ, витчиной и еще какими-то съѣдобными припасами, и рѣшились задать въ заключеніи повстанскій пиръ. Залой для этого пиршества была избрана первая комната, съ изображеніемъ Ченгери. Всѣ нахлынули туда и пошло угощеніе. Потомъ пришли за мной и стали очень усердно просить, чтобъ я раздѣлилъ съ ними именинную трапезу. Отказаться было не возможно. Едва я вошелъ въ комнату, именинники подали мнѣ, каждый отъ себя, по бокалу шампанскаго, потомъ еще и еще. Тутъ мы, весьма естественно, объяснились. Двое повстанцевъ, изъ прибывшихъ вновь, (оба московскіе студенты) знали меня очень хорошо, и одинъ сказалъ мнѣ даже, что имъ извѣстно, какъ я искалъ по городу не совсѣмъ осторожно брошюрку Wtył. Это возбудило подозрѣніе полиціи. Авторъ брошюрки сидитъ въ замкѣ...

«Вѣдь наши *народовцы* у васъ были, мѣсяца полтора тому назадъ?»— замѣтилъ одинъ изъ именинниковъ.

— Были. А что?

«Ну то-то. Мы васъ знаемъ. Вы честный человѣкъ. Вамъ очень можно раздѣлить трапезу людей, можетъ быть и безумствующихъ; можетъ быть дошедшихъ до дѣтства и глупости въ своихъ порывахъ и посвященіи себя отчизнѣ, но кто имъ этого не проститъ? Они ничего не дѣлаютъ, какъ только отдаютъ себя съ ногъ до головы—своему отечеству...

Это былъ молодой человѣкъ, живой, вострый, съ розовыми щеками и черными глазками, смотрѣвшими какъ мыши изъ норокъ. Онъ взятъ былъ съ *легальнымъ паспортомъ*—и даже показалъ его мнѣ. Паспортъ былъ какъ паспортъ.

Немного позже, уйдя въ мою комнату, мы разговорились. Онъ сообщилъ мнѣ кое-какіе любопытные вещи; между прочимъ разсказалъ, какъ *народовцы* произвели весьма недавно, съ недѣлю тому назадъ, ревизію у какого-то швейцарца Шрама, ѣздившаго по бѣлу-свѣту подъ именемъ Келлера. Въ Краковѣ онъ обманулъ одного *чиновника* народной организаціи, говоря, что имѣетъ передать повстанцамъ значительную сумму... но не знаетъ какъ это сдѣлать удобнѣе и вѣрнѣе. Значительная сумма— это дѣло хорошее! давай ее сюда!... но вскорѣ потомъ оказалось, что это,

просто за просто, ловушка на довѣріе. Полученныя кое-откуда свѣдѣнія требовали осторожности съ Келлеромъ. Самъ онъ былъ также осмотрителенъ и въ грубую западню никакъ не пошелъ-бы. Ревизія въ его квартирѣ не дала никакихъ результатовъ. Подозрителенъ былъ немного одинъ только паспортъ, прописанный *не писарской* рукой, а какъ бы лично какимъ-то высокимъ лицомъ. Впрочемъ, на это не обратили сильнаго вниманія. Нѣсколько позже открылось, что Келлеръ ходитъ къ одной дамѣ. Произвели у ней ревизію и тамъ нашли настоящія бумаги этого сомнительнаго лица, доктора Германи № 2-й. Тутъ узнали, что онъ не Келлеръ, а Шрамъ. Отысканъ былъ даже его масонскій дипломъ съ этой фамиліей,—и на дипломѣ, по уголкамъ, разные *неблагополучные* адресы. Положено было его *выштилетовать* (wysztyletować), но прежде нашли нужнымъ арестовать и дознаться кой-какихъ секретовъ. Едва только народная полиція прибыла къ нему съ этой цѣлію и предъявила декретъ *Жонда*, съ приказаніемъ сбираться въ путь дорогу, какъ слѣдомъ за ней нагрянулъ австрійскій патруль. Связи этого господина съ *народовцами* не остались тайной для австрійскаго правительства... И оно также, съ своей стороны, затѣяло ревизію! Двѣ разныхъ полиціи, два противоположныхъ полюса, встрѣчаются носъ къ носу, на одномъ и томъ же порогѣ! Неправда ли, какъ это великолѣпно! Но такъ-какъ народовая полиція всегда принимала мѣры для своей безопасности, разставляя по улицѣ, въ разныхъ мѣстахъ, свою стражу,—то повстанцы были во время увѣдомлены о приближеніи австрійскаго патруля и скрылись. Келлеръ, какъ надо думать, объяснился съ правительствомъ, *кто онъ*—и на другой же день его не стало въ городѣ.

Дальнѣйшія бесѣды мои съ этимъ молодымъ человѣкомъ, показали, что повстанцы далеко еще не потеряли надежды, если не на успѣхъ, то на безостановочное движеніе своего дѣла впередъ; вообще на какое-нибудь движеніе. Они увѣрены въ возможности существованія народовой арміи, гдѣ-то въ лѣсахъ,—подъ защитой какихъ-то геніевъ, при сходѣ съ небеси чудесной манны...

«Кажется, главнымъ организаторомъ будетъ снова Мирославскій (сказалъ молодой человѣкъ). Жондъ будетъ явный...

— Какъ это явный?

«Объявитъ о себѣ и о своихъ дѣятеляхъ; будутъ подписываться фамиліи, все какъ слѣдуетъ.

— Да гдѣжъ такой Жондъ намѣренъ пребывать?

«При арміи... дѣлать нечего, иначе нельзя... конечно, все это сильный рискъ, poświęcenie...

Мнѣ только осталось пожать плечами.

Поговоривъ еще кое о чемъ совершенно-непечатномъ (я долженъ, къ

сожалѣнію, скрыть многія любопытныя и забавныя вещи, слышанныя мною въ дни заключенія отъ повстанцевъ. Всѣ фамиліи и описаніе физіономій у меня также умышленно перепутано) — мы ушли снова въ первую комнату. Тамъ курчавый Вильгельмъ-Телль, сидя на кровати и окруженный публикой, разсказывалъ свои палермскія похожденія 1860 года.

Онъ былъ на первыхъ баррикадахъ, устроенныхъ недовольными противъ короля, въ улицахъ Палермо, еще до появленія знаменитой Марсальской тысячи.

Кучу безумцевъ перехватали и расбросали потомъ, кого куда. Онъ, съ 13-ю товарищами, попалъ въ какую-то смрадную и сырую дыру, гдѣ, несмотря на молодость и необычайную крѣпость здоровья, потерялъ въ скоромъ времени половину зубовъ. Этотъ розовый юноша, на 20-мъ году, шамшилъ уже какъ старуха! Легко понять, какимъ вздоромъ казалась ему австрійская тюрьма, называемая въ Краковѣ телеграфомъ, гдѣ хоть и давали только воду, но все таки былъ здоровъ воздухъ. Легко понять, какъ безпечно задиралъ онъ ноги, лежа на своей постели и распѣвая пѣсни далекой отчизны. Но что за народъ и что за судьба! Палермо и Краковъ! Гарибальди и лагерь Крука! Неаполитанцы и москали! Стало есть всюду, во всѣхъ государствахъ, какой-то особый горючій матеріялъ, который не уживается съ окружающими его элементами; — его выбрасываетъ въ разныя щели волкана, то направо то налѣво, то близко, то Богъ вѣсть куда. Это ему все равно, этому матеріялу. Онъ долженъ течь огненной рѣкой; таково его свойство; инаго быть не можетъ...

Гарибальди, по занятіи Палермо, освободилъ заключенныхъ. Совершенно цѣлыхъ и здоровыхъ оказалось изъ 13-ти только трое. Между ними былъ и нашъ Вильгельмъ-Телль. Ихъ водили по городу съ тріумфомъ, въ какихъ-то вѣнкахъ...

Къ сожалѣнію, всѣ эти разсказы, съ добавленіемъ другихъ, текли по нѣмецки. Это было какъ-то чудно́ — въ краковской тюрьмѣ, среди русыхъ головъ, среди славянскихъ звуковъ. Но содержаніе разсказовъ было въ такомъ духѣ, что уши настораживались сильно, и всѣ, или почти всѣ слушавшіе понимали, въ чемъ дѣло. Большинство, къ тому же, знало очень хорошо по нѣмецки. Весьма не многимъ нужно было переводить иныя вещи на родные звуки.

Къ концу повѣствованій маленькаго Телля явились желающіе узнать его *настоящую* фамилію. Надо замѣтить, что среди разсказовъ являлся снизу «шпицель» съ бумагой, которую для чего-то далъ подписать троимъ иностранцамъ, курчавому Теллю, его товарищу, швейцарцу, и итальянцу изъ Вероны. Мы всѣ видѣли, какъ они подписывались, но всѣ знали, что это галиматья, что тутъ нѣтъ ничего *живаго*. Телль подмахнулъ что-то въ родѣ *Пиказоне*.

«Спроси, какъ его зовутъ» пробурчалъ одинъ повстанецъ, высокій и элегантный, служившій когда-то у Лангевича въ уланахъ; повстанецъ-джентльменъ, въ приличномъ сертукѣ, съ массой волосъ, заброшенныхъ назадъ какъ у Листа. Онъ разъѣзжалъ по Кракову съ какими-то дамами... съ дамами его и взяли. Рыцарское чувство заставило его принести для дамъ жертву, подставить ударамъ судебъ одного себя; т. е. открыть сразу *нѣсколько больше*, чѣмъ бы узнали австрійцы, взявъ его безъ дамъ. Но австрійцы насчетъ этого хорошіе люди. Они знаютъ, у кого какія чувствительныя струны. Дамы были освобождены. Молодой шалунъ, съ нѣжнымъ сердцемъ и прической Листа угодилъ въ узилище, пока подъ телеграфъ, а потомъ... Богъ вѣдаетъ... гдѣ-то носятъ теперь тебя твои легкія повстанскія ноги, съ твоимъ «poświęceniem», съ твоими уланскими и дамскими наклонностями.

Онъ ѣлъ всегда хорошо. Тѣже дамы заботились о своемъ великодушномъ кавалерѣ. Онъ получалъ (въ родѣ Ганса) особыми таинственными путями отличный кофей, булочки, котлетки, утонченные супы и соусы. Я ждалъ, что ему пришлютъ наконецъ, для развлеченія, маленькое піанино...

Иногда его вызывали на крыльцо, нѣсколькими ступенями ниже и уединеннѣе, чѣмъ вызывали Ганса. Такое счастье доставалось не всякому и стоило, вѣрно, нѣкоторыхъ суммъ. Мнѣ говорили даже, что суммы дѣйствуютъ и на послѣдующую судьбу заключенныхъ; что съ извѣстнымъ капиталомъ тутъ *можно все*.

Возвращаясь съ лѣстницы, бывшій уланъ имѣлъ всегда озаренное лучами, гордое лицо...

«Спроси, какъ его зовутъ!» Сказалъ этотъ самый молодой человѣкъ, по окончаніи разсказа Вильгельмъ-Телля, махнувъ Гансу, бывшему, вслѣдствіе хорошаго нѣмецкаго языка, въ близкихъ отношеніяхъ съ швейцарцемъ. Тотъ спросилъ.

— Меня зовутъ... и онъ произнесъ имя, совершенно спокойно и свободно. Это было конечно не «Пиказоне», подписанное на бумагѣ.

Немного спустя послѣ этого явился новый «шпицель» съ бумагой, гдѣ было объяснено, кому отправляться въ «Ольмюцъ», кому въ «замокъ», кому продолжать сидѣть подъ телеграфомъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій.

Въ Ольмюцъ назначено было около 20 человѣкъ. Ихъ просили одѣться и сойти во дворъ, гдѣ стояли солдаты, долженствовавшіе провожать этотъ народъ по желѣзной дорогѣ.

Едва собравшіеся спустились, конвой окружилъ ихъ, и зарядилъ ружья безъ команды, какъ вздумалось каждому солдату. Шомпола брякали, забивая пули. Мы поглядывали на узниковъ съ балкона. Все это была страшная пестрота: кто въ одной чамаркѣ, кто въ гунькѣ, кто въ бо-

гатой енотовой шубѣ, какія можно видѣть только въ Россіи и Польшѣ. Оба ксендза: и читавшій поминутно священную книгу и тотъ, котораго брови и весь онъ летѣли къ небу, были тутъ же.

Я спросилъ кого-то, что эти солдаты Поляки или нѣмцы?

«Поляки» сказали мнѣ: «А то какіе же другіе будутъ»?

— И Австрія не боится вручать имъ повстанцевъ, ихъ соотчичей?

«Э, батюшка, это такіе скоты».

Другаго имени здѣсь нѣтъ польскимъ войскамъ. Первое и послѣднее слово, какое слышишь—«скоты» и больше ничего. Надо послушать еще тонъ, какимъ это говорится!

Какой-то усатый повстанецъ, пожилыхъ лѣтъ, находившійся въ кучкѣ назначенныхъ въ Ольмюцъ, все время, пока они стояли во дворѣ, шутилъ во все горло съ кѣмъ попало, то со шпицелемъ, вертѣвшимся тутъ же, то съ товарищами, то съ солдатами, и говорилъ, что онъ непремѣнно уйдетъ дня черезъ два, какъ только его посадятъ.

«Меня нарочно подвозятъ къ *моимъ*, говорилъ онъ: тамъ недалеко моя рота, гдѣ я считаюсь капитаномъ».

— Э, капитанъ, не шутите такъ, что шутить—замѣчалъ ему шпицель.

«Да я и не шучу. Говорю вамъ уйду, вотъ и все тутъ»!

Вообще, унылыхъ между отъѣзжающими не было. Только на насъ они не глядѣли, какъ-бы дѣлая свое дѣло и не мѣшая въ него другихъ. Когда уходили, то простились не со всѣми, а кто съ кѣмъ былъ болѣе знакомъ. Со мной простился только Гансъ.

Потолокшись съ четверть часа во дворѣ, «Ольмюцкіе» замаршировали и скрылись направо, подъ аркой...

Затѣмъ послѣдовало отправленіе назначенныхъ въ замокъ. Они прощались со всѣми, цалуясь по три раза. Иные изъ оставшихся снабжали уходящихъ деньгами. Вообще, повстанцы вѣрятъ, что деньга ни гдѣ не мѣшаетъ, даже и въ краковскомъ замкѣ...

Небольшая кучка оставшихся, въ томъ числѣ и я, соединились въ одной комнатѣ, гдѣ было уже извѣстное вамъ изображеніе Ченгери и еще двухъ русскихъ генераловъ. Мы болтали о чемъ случится. Иные разскащики считали необходимымъ пересыпать кое-какія фразы русскими типическими словами, какихъ въ польскомъ языкѣ, увы, не хватаетъ! чрезвычайная сила и пряность этихъ русскихъ «загогулинъ» сознаётся всѣми. Легко понять, почему въ австрійскомъ узилищѣ требовались такія фразы.

Къ вечеру наше общество немного увеличилось. Прибыло трое «молодцовъ»,—одинъ, захваченный на дорогѣ, высокій мужчина среднихъ лѣтъ, въ одной верблюжей чамаркѣ и съ повстанской котомкой подъ мышкой.

«Кажется, нѣтъ сомнѣнія, *откуда*» проговорили нѣкоторые, взглянувъ на вошедшаго.

Впрочемъ, онъ былъ съ *легальнымъ* паспортомъ, «z najlegalniejszym paszportem», какъ говорилось обыкновенно въ нашемъ обществѣ.

Другой—изъ тутошнихъ, краковяковъ. Третій, чрезвычайно молодой человѣкъ, попавшійся *съ двумя* легальными паспортами. Въ этой легальной «роскоши» и была вся вина захваченнаго чудака.

Сѣли играть въ карты. Разговоръ отъ австрійцевъ, снабжаемыхъ тѣми русскими эпитетами, которыхъ, какъ я уже вамъ сказалъ, не хватаетъ въ польскомъ словарѣ, braknie w polskim języku, переходили къ болѣе пріятнымъ, задирающимъ предметамъ: начинали толковать о краковскихъ амазонкахъ разнаго рода и свойства. Бывшій уланъ Лангевича, съ прическою Листа, не любилъ, повидимому, низменныхъ слоевъ по этой части.

«Замѣчали-ли вы, господа (сказалъ онъ) когда-нибудь въ театрѣ высокую блондинку въ бельэтажѣ, въ бѣлой шубкѣ? Голова ея бываетъ большею частію убрана очень просто, но что за прелесть!»

— Ты говоришь о графинѣ Оссолинской—вставилъ кто-то: кто-жъ ея не знаетъ.

Новоприбывшій повстанецъ, съ двумя легальными паспортами, и съ руками, напоминавшими болѣе всего руки садовника, не заносился такъ высоко: онъ спустилъ камертонъ сразу и разсказалъ случай про амазонку, изъ предмѣстья Подгуржа, (въ полверстѣ отъ Кракова), которая вчера сидѣла у него на колѣняхъ...

Сколько можно было замѣтить, большинство раздѣляло болѣе увлеченія послѣдняго разскащика, чѣмъ улана съ прическою Листа, сообщавшаго публикѣ какія-то заоблачныя, неосязаемыя для нихъ вещи... какую-то графскую шубку... чортъ-знаетъ что.

Въ «Каѳедрѣ на Вавелю» (которая вмѣстѣ съ замкомъ, какъ вы уже знаете, виднѣлась у насъ черезъ крышу), пробило 10 ночи. Игравшіе стали размышлять, гдѣ устроиться «на боковую». По случаю отбытія многихъ въ Ольмюцъ и въ Замокъ, кровати, занимаемыя ими, очистились и давали возможность инымъ переселиться съ полу на болѣе удобное ложе.

«Постели мнѣ подъ Ченгери!» Сказалъ одинъ маленькому чернявому лакею, вошедшему въ комнату.

Я замѣтилъ выше, что этого лакейчика подозрѣвали въ шпіонствѣ и потому, для большей свободы объясненій, лишь только онъ постлалъ постели, вытурили безъ церемоніи вонъ.

Мнѣ представлялось уже, что и этотъ день канетъ въ вѣчность, цѣликомъ, съ ночью, а я все-таки не буду позванъ къ протоколу. Легко

понять, что мысли мои настраивались дурно. Долго-ли улетѣть въ какой-нибудь глупый Ольмюцъ,—и когда-то соотчичи обо мнѣ довѣдаются... можетъ быть письмо мое, отправленное въ Варшаву повстанскими средствами, не дошло...

Игравшіе замѣтили на лбу моемъ слѣды раздумья, для нихъ вовсе незнакомаго.

«Вы мрачно смотрите на жизнь» сказалъ одинъ, залихватски накрывая королемъ чью-то девятку.

— Какъ-же не смотрѣть мрачно,—отвѣчалъ я: меня взяли чортъ-знаетъ за что, и держутъ другой день, не опрашивая.

«А насъ-то развѣ не чортъ знаетъ за что: у всѣхъ, батюшка, najlegalniejsze paszporta!»

— Впрочемъ, вы, того... не скучайте (вставилъ другой); мы за васъ будемъ хлопотать, какъ за себя самихъ. Я напримѣръ завтра непремѣнно долженъ быть свободенъ. Не видали-ли тутъ появлявшуюся во дворѣ, часу въ 6-мъ, даму: она дала мнѣ знать глазами, что мое дѣло идетъ успѣшно. Хапанцы, батюшка, хабары! Гдѣ ихъ нѣтъ и гдѣ онѣ не сильны! Я выйду и сейчасъ-же освобожу васъ, если до тѣхъ поръ васъ не выпустятъ. Мало этого, достану вамъ брошюрку Wtył, которую вы искали черезъ жидка.

Но судьба уже повернулась ко мнѣ иначе: вошелъ Антоній и объявилъ, что меня и еще двухъ, новоприбывшихъ, требуютъ къ протоколу. Замѣтьте: ночью, послѣ десяти часовъ! Случалось, что иныхъ требовали и еще позже.

Тюремные пріятели мои, чуя, что я могу быть отпущенъ, просили оставить что-нибудь въ заключеніи, чтобъ имѣть потомъ поводъ воротиться и разсказать, какъ, что. Я оставилъ калоши и ашрфъ. Это было, какъ увидимъ, очень наивно.

Когда мы спустились въ нижній этажъ, въ ту самую каморку, гдѣ наканунѣ утромъ съ меня снимали краткіе допросы и гдѣ стоялъ извѣстный вамъ «Ааронъ, братъ Моисея»—я увидѣлъ двухъ моихъ товарищей, позванныхъ къ протоколу въ одно со мною время, уже сидящими на лавкѣ передъ допрощикомъ и одинъ уже что-то говорилъ, а допрощикъ, (сильный хамъ, въ темномъ сертукѣ и съ вихрами, стоявшими въ воздухѣ, какъ-будто его кто-то передъ тѣмъ весьма усердно и справедливо потрепалъ), — допрощикъ писалъ слышимое имъ на листѣ сѣрой бумаги, поправляя иногда лѣвою рукою слѣпую мѣдную лампочку, которая очень плохо освѣщала его, комнату и листъ бумаги, гдѣ нужно было выводить необходимую для правительства повстанскую галиматью.

Допрашиваемый говорилъ слѣдующее (дѣло шло о бумажонкѣ, съ какими-то красными словами, найденной у него въ карманѣ):

«Я шелъ по Флоріанской улицѣ, вдругъ вижу лежитъ что-то, краснѣется, какія-то буквы; посмотрѣлъ, но ничего *въ очки* разобрать не могъ, и положилъ въ карманъ».

(Надо замѣтить, что онъ никогда не носилъ очковъ).

Положилъ въ карманъ... (сказалъ записывающій) ладно! Ну, а потомъ, на другой день, вы никому не показывали этой бумажки?

«Да другаго дня и не было; это было вчера, а нынче я взятъ». Отвѣчалъ тотъ.

— Стало-быть, содержаніе записки такъ и осталось вамъ неизвѣстно?

«Неизвѣстно».

— Содержаніе поднятой записки осталось мнѣ неизвѣстно,—вписалъ допрашивающій, поправилъ лампу и обтеръ пальцы объ вихры.

Всѣ курили. Комната была наполнена дымомъ. Въ углу я замѣтилъ фигуру какого-то бѣлокураго господина, также пускавшаго дымные клубы. Еслибъ не движеніе этихъ клубовъ, можно-бы подумать, что тамъ сидитъ какой-нибудь истуканъ для украшенія мрачнаго покоя. Онъ не крякалъ, не шевелился, даже кажется не моргалъ.

На что это чучело сидѣло тутъ и дымило трубкой, ужь я не знаю.

Дѣло о «красной бумажкѣ» кончилось. Опрошенный подписалъ протоколъ и отправился снова на верхъ. Вихрастый пригласилъ сѣсть на лавку другаго—«съ двумя легальными паспортами».

Онъ замѣтилъ, что не будетъ ли справедливѣе допросить прежде меня, такъ-какъ я взятъ раньше, но допрощикъ отвѣчалъ, что ему со мной нужно говорить «много и широко».

— Напротивъ, вы увидите, что будетъ очень *узко*—сказалъ я, сидѣвшій напротивъ него черезъ столъ, на стулѣ.

«Два легальные пасторта» стали отвѣчать.

— Гдѣ и когда вы взяты? — спросилъ допрощикъ.

«Нынче послѣ обѣда, на львовской желѣзной дорогѣ».

— На львовской желѣзной дорогѣ... съ какимъ-же изъ этихъ паспортовъ вы ѣхали?

«Вотъ съ этимъ».

(Онъ указалъ на одинъ. Оба паспорта лежали на столѣ, совершенно одинакіе, какъ близнецы).

— Имя, прописанное здѣсь, есть настоящее ваше имя?

«Нѣтъ, это не мое имя».

— Какъ-же ваше имя?

«Кухарскій» (нѣтъ сомнѣнія, что онъ и тутъ совралъ. Все это вранье записывалось съ точностью).

— Кухарскій! ладно! ну, а этотъ другой паспортъ? На что́ онъ вамъ былъ, когда вы имѣли уже видъ и притомъ совершенно легальный?

«Да это такъ... на всякій случай».

— Гдѣ-жъ вы достали эти паспорты?

«Мнѣ далъ ихъ одинъ пріятель, котораго фамиліи не припомню, а звали его Антоній».

— Фамиліи не припомню, звали Антоній... (записалъ допрощикъ). Ну, извольте же все это подписать.

Повстанецъ подписалъ.

«Мнѣ очень грустно сознаться, (заключилъ допрощикъ, посыпая пескомъ все написанное), но... вы должны будете отправиться въ Ольмюцъ».

Я послѣ слышалъ, что отправляющимся въ разныя крѣпости полякамъ и другимъ, предлагаютъ поступить въ войска эрцгерцога Максимиліана Мексиканскаго, съ жалованьемъ во 100 дукатовъ. Иные соглашаются—и ѣдутъ. А тѣ, кто не хочетъ, *интернуются* въ крѣпостяхъ на неопредѣленное время, пока правительство сочтетъ ихъ для себя вполнѣ безопасными. Иностранцы, не надѣлавшіе ничего особеннаго, (если *только были въ повстаніи*, и больше ничего)—препровождаются до границы, коли имѣютъ средства ѣхать далѣе на свой счетъ. Не имѣющіе таковыхъ—интернуются, какъ и поляки, въ разныхъ крѣпостяхъ.

Повстанецъ, съ двумя паспортами, выслушавъ очень спокойно предсказаніе вихрастаго допрощика относительно своей участи, поднялся, сопровождаемый солдатами, на верхъ, къ товарищамъ, играть въ карты и разсказывать объ амазонкахъ Подгуржа, а я былъ приглашенъ занять его мѣсто на скамьѣ.

Допрощикъ разложилъ передъ собою новый листъ и началъ перебирать конфискованные у меня предметы, которыхъ было числомъ семь: повстанская ассигнація, фотографическіе карточки, русское письмо, нѣсколько брошюръ на разныхъ языкахъ, и статья, которую изволите читать, доведенная въ то время, конечно, только до «заключенія».

Видно было, что допрощикъ не зналъ хорошенько, о чемъ спрашивать; какое расположеніе вопросовъ будетъ лучше итти къ дѣлу... можетъ-быть, ему было извѣстно, что все это, въ сущности, одна австрійская комедія: поднять шумъ, показать Россіи, черезъ ея же подданнаго: вотъ, молъ, какъ мы начинаемъ крутить; какъ у насъ добросовѣстно хватаютъ за всякій вздоръ. Что до моей личности и профессіи — не вѣроятно предположить, чтобы они объ этомъ не знали самымъ точнымъ образомъ, наблюдая меня съ мая прошлаго года и имѣя поминутно въ рукахъ мой паспортъ, который въ одномъ нынѣшнемъ году переѣхалъ австрійскую границу, туда и обратно, 8 *разъ*. Если они меня не знали, какъ надо, то это ужь не по австрійски. Это ужь обломовщина.

Допрощикъ повертѣлъ брошюры, карточки — и началъ:

«Давно-ли вы здѣсь и зачѣмъ сюда пріѣхали?»

Я объяснилъ. Это было записано.

— «Съ какою цѣлію покупали вы повстанскіе брошюры и такъ много?»

— Съ цѣлію писать о нынѣшнемъ возстаніи.

«А это что за брошюрка?.. Это по-русски... извините, я ничего не знаю».

Ради выраженія полнаго своего невѣжества относительно разсматриваемой брошюрки (которую собственно преотлично зналъ) — онъ едва не перевернулъ ея вверхъ ногами.

«Это *Колоколъ*».

— Гдѣ это печатается? Извините, я ничего не знаю.

«Печатается въ Лондонѣ и есть вещь, запрещенная въ Россіи.

— А эти карточки? — онъ взялъ изображеніе знамени Лангевича и перевернулъ вверхъ ногами: «извините, я ничего не знаю, чтб это такое? не могу разобрать».

— Вы перевертываете орла внизъ головой. Это ужь очень наивно. Вотъ какъ надо. Видите: это знамя. Такое знамя было въ войскахъ Лангевича.

«Ну, а это?»

— Это Тачановскій.

«А это?»

— Куровскій.

«Гдѣ вы все это купили?

— Въ Краковѣ; открытымъ путемъ, въ магазинахъ. Если хотите, пойдемте завтра съ вами и купимъ еще разъ.

«Nabyłem to wszystko w Krakowie» (пріобрѣлъ въ Краковѣ) записалъ допрощикъ, не слушая меня.

— А гдѣ вы взяли эту повстанскую ассигнацію?

«Въ Варшавѣ, у одного русскаго офицера».

— У одного русскаго офицера, (записалъ онъ). Теперь все. Остаются примѣты; онъ взглянулъ на меня быстро и началъ писать: «роста высокаго; шатинъ; глаза каріе; усы не много свѣтлѣе чѣмъ борода; черный сертукъ, сверхъ него такого же цвѣта пальто; штаны сѣрые; на головѣ носитъ фуражку»...

— Кажется все. Подпишите!

Я подписалъ. Протоколъ, все-таки, вышелъ не длинный.

«Вотъ видите, я вамъ говорилъ, что будетъ *узко*: такъ и случилось» сказалъ я допрощику.

— Да, но намъ необходимо еще заняться просмотромъ вашей статьи.

— Займемся, если это необходимо.

Статья была разложена. Разумѣется, австрійцы давнымъ-давно знали

объ ея содержаніи. Заставлять меня переводить ее на выдержку для какого-то вихрастаго протоколиста—было, въ сущности, лишнее дѣло, но такъ требовалось, вслѣдствіе австрійскихъ порядковъ и разыгрываемой со мною комедіи.

Я началъ переводить. Протоколистъ моргалъ, моргалъ...

«Ну, ладно» сказалъ онъ по выслушаніи страницы, переведенной довольно отчетливо: теперь что-нибудь въ серединѣ».

— Давайте въ серединѣ!

Я перевелъ въ серединѣ.

«Ну, вотъ тутъ».

Я перевелъ *вотъ тутъ*. Слушатель совсѣмъ спалъ.

«Надо знать положеніе нашего брата, сказалъ онъ вставая: съ утра до ночи пишешь... иной разъ за полночь. Какъ еще ноги носятъ... теперь вы можете итти домой.

— Какъ? въ 12-мъ часу ночи? А если меня возьметъ патруль и опять сюда притащитъ?

«Не возьметъ. Объ этомъ сдѣлано распоряженіе. Завтра въ 10 часовъ утра явитесь въ полицію, на Николаевской улицѣ. Вамъ будетъ кое-что сообщено... можете спросить меня».

— А какъ ваша фамилія?

«Фамиліи не нужно. Меня знаютъ всѣ подъ именемъ *стеклянныя двери* (szklanne drzwi).

Это былъ знаменитый «Сятковскій», висѣвшій въ нашей тюрьмѣ на столькихъ вѣсилицахъ. Ему не хотѣлось сообщить мнѣ свою черезъ-чуръ *распространенную* между повстанцами фамилію.

Я воображалъ, что ворочусь на верхъ за калошами и перемолвлю слова два съ недавними товарищами по заключенію, но увы, это были странныя мечты; на порогѣ стоялъ Антоній и держалъ въ рукахъ мои вещи. Мы разочлись съ нимъ за кофей, который онъ приносилъ мнѣ отъ «Гросса» не задолго передъ требованіемъ меня къ протоколу. Желѣзные засовы завизжали—и я замаршировалъ по глухимъ, дремавшимъ улицамъ Кракова, гдѣ не было тогда ни души. Я шелъ одинъ. Накрапывалъ маленькій дождикъ, но мнѣ было его почти не слышно. Ноги какъ-то особенно хорошо и развязно переставлялись съ плиты на плиту. Какой-то пріятный вѣтеръ подавалъ меня впередъ и впередъ; темные дома неслись мимо, какъ будто я выглядывалъ изъ вагона, летѣвшаго птицей...

Кто никогда не сиживалъ въ заключеніи, тому напрасно объяснять, что значитъ почувствованное мгновенно, по выпускѣ на Божій свѣтъ,— драгоцѣнное ощущеніе свободы въ ногахъ и во всемъ человѣкѣ...

Что-то очень скоро я очутился въ своей гостинницѣ и весело повернулъ ключъ въ двери. Вещи лежали разбросанными по столу и кро-

вати въ томъ видѣ, какъ я ихъ оставилъ, послѣ нашествія гунновъ. Ясно было однако, что безъ меня тамъ никто не былъ.

Вы не можете представить, какой гвалтъ произвело мое появленіе въ гостинницѣ. Ко мнѣ прибѣжали мгновенно всѣ, кто мнѣ сколько-нибудь прислуживалъ: и покоювка, и бывшій гусаръ Клапки, и главный Кельнеръ, и старый истопникъ, и новый истопникъ. Они всѣ питали ко мнѣ постоянное расположеніе даже и до заключенія, какъ къ добропорядочному, по ихъ мнѣнію, москалю... Но когда я попалъ въ австрійское узилище и этимъ показалъ ясно, что между мной и австрійцами нѣтъ ничего общаго — симпатія моей польской прислуги хватила еще градусовъ на сто къ верху.

Я узналъ очень скоро, что Клапкинъ гусаръ таскалъ мнѣ въ тюрьму постель съ чистымъ бѣльемъ, чтобъ его панъ выспался какъ надо. Приносилъ мнѣ бифстексу и кофею, устроеннаго согласно моимъ привычкамъ, но ничего этого австрійцы не пропустили. Просто, гусаръ не умѣлъ *распорядиться*. Ему сказали, что тутъ нѣтъ такого пана; что онъ вѣрно въ *криминалъ*, или въ *замкъ*. Гусаръ леталъ и туда; наконецъ рѣшилъ, что нужно ждать, пока я самъ подамъ о себѣ голосъ.

Съ быстротою молніи явился чай. Въ печи затрещалъ уголь. Я заснулъ богатырски, думая о Варшавѣ и объ ея душкахъ...

Назавтра въ 10 часовъ, какъ было сказано, я стукнулъ въ *стеклянныя двери*. Вихрастый тутъ-какъ-тутъ. Аврора нисколько не привела въ порядокъ его ярыжнической прически. Такъ ужъ видно судила судьба носить ему свои волосы соотвѣтственно мрачной профессіи и обтирать объ нихъ масло мигающей протокольной лампы.

Онъ рекомендовалъ меня какому-то высокому господину, съ оплывшими чертами лица. Господинъ стоялъ за бюро, наполненномъ бумагами. Я увидѣлъ, между прочимъ, мои статью и брошюры.

«Вамъ приказано выѣхать отсюда съ ближайшимъ поѣздомъ» сказалъ онъ мрачно. Я даже имѣю поводъ думать, что онъ всегда говоритъ мрачно; даже съ женщинами, въ которыхъ влюбленъ.

— Какой-же это ближайшій поѣздъ?—спросилъ я.

«Въ 11 часовъ, въ Лембергъ.

— Во первыхъ, теперь уже 11-й часъ. Пока я соберусь, пока что... Кромѣ того, я не имѣю ни малѣйшаго желанія ѣхать въ Лембергъ. Желѣзная дорога тамъ обрывается. Я долженъ буду воротиться сюда же, въ ваши объятія, и угожу на какую нибудь новую ревизію.

«Куда жъ вы хотите?»

— Лутше ужъ обратно въ Варшаву.

«Хорошо. Я спрошу у оберъ-полицеймейстера.

Онъ побѣжалъ куда-то и скоро явился назадъ.

«Вамъ разрѣшено выѣхать въ Варшаву, только непремѣнно завтра въ 8 часовъ, съ ближайшимъ поѣздомъ. Паспортъ, статью и письмо вы получите въ вагонѣ.

— Отъ чего жъ не теперь?

«Нельзя. Такъ рѣшено оберъ-полицеймейстеромъ и объ этомъ сданъ уже, кому слѣдуетъ, рапортъ. Остальныя вещи конфискуются.»

— Какъ конфискуются? Да я купилъ ихъ въ магазинахъ открыто, среди бѣлаго дня. Чтожъ это за правила и за справедливость: позволять продавать, а если кто купитъ, то конфисковать въ пользу полиціи?

«Остальныя вещи конфискуются» произнесъ опять полицейскій, никогда не улыбавшійся, даже съ тѣми женщинами, въ которыхъ былъ влюбленъ.

Я понялъ, что тутъ толковать напрасно. Что уложилось въ нѣмецкой головѣ, какъ бы оно ни уложилось — такъ ужъ и пошло лежать и иначе не ляжетъ, что хошь дѣлай. Вспомнивъ Ратибора «съ Керконошь высокихъ» т. е. съ Карпатъ, которыхъ туманныя вершины видны мнѣ были въ окошко, я ретировался домой, и въ 8 часовъ на другой день былъ уже на желѣзной дорогѣ, къ Варшавѣ. Паспортъ, письмо и статья мнѣ были отданы комиссаромъ, приставленнымъ смотрѣть за станціей. Онъ угадалъ меня по физіономіи. Такъ точно были описаны ему мои примѣты. До границы ѣхалъ со мною переряженный жандармъ. Это былъ эпизодъ комедіи, которую австрійцы съиграли до конца, съ полной выдержкой. Жандармъ якобы наблюдалъ, не стрекну-ли я «до лясу».

Само собою разумѣется: я не могъ переварить беззаконной конфискаціи австрійцами моихъ вещей и въ Варшавѣ поднялъ по этому поводу возможный гвалтъ. Устроилось, что австрійскій консулъ написалъ объ этомъ письмо къ президенту города и вещи мнѣ были возвращены, исключая повстанской ассигнаціи, нѣсколькихъ фотографическихъ карточекъ и польской брошюры: «co mówi Galicya o nowéj mappie [1]),» которой содержаніе мнѣ неизвѣстно: я не успѣлъ даже ея разрѣзать. Купилъ случайно, вмѣстѣ съ другими книгами, ничуть не думая, что тутъ есть какая нибудь штука.

Однако, для полученія конфискованныхъ вещей, я ѣздилъ еще разъ въ Краковъ, гдѣ сильно изумилъ своимъ появленіемъ саксонскую гостинницу, и нѣсколькихъ квартальныхъ, которые недавно видѣли меня въ узахъ и знали, что мнѣ приказано выбраться изъ Кракова въ 24 часа. Фотографическія карточки, кажется, разбрелись въ мое отсутствіе, по

---

[1]) «Что говоритъ Галиція о новой картѣ», (Дальше стоялъ какой-то годъ, но не припомню, какой именно).

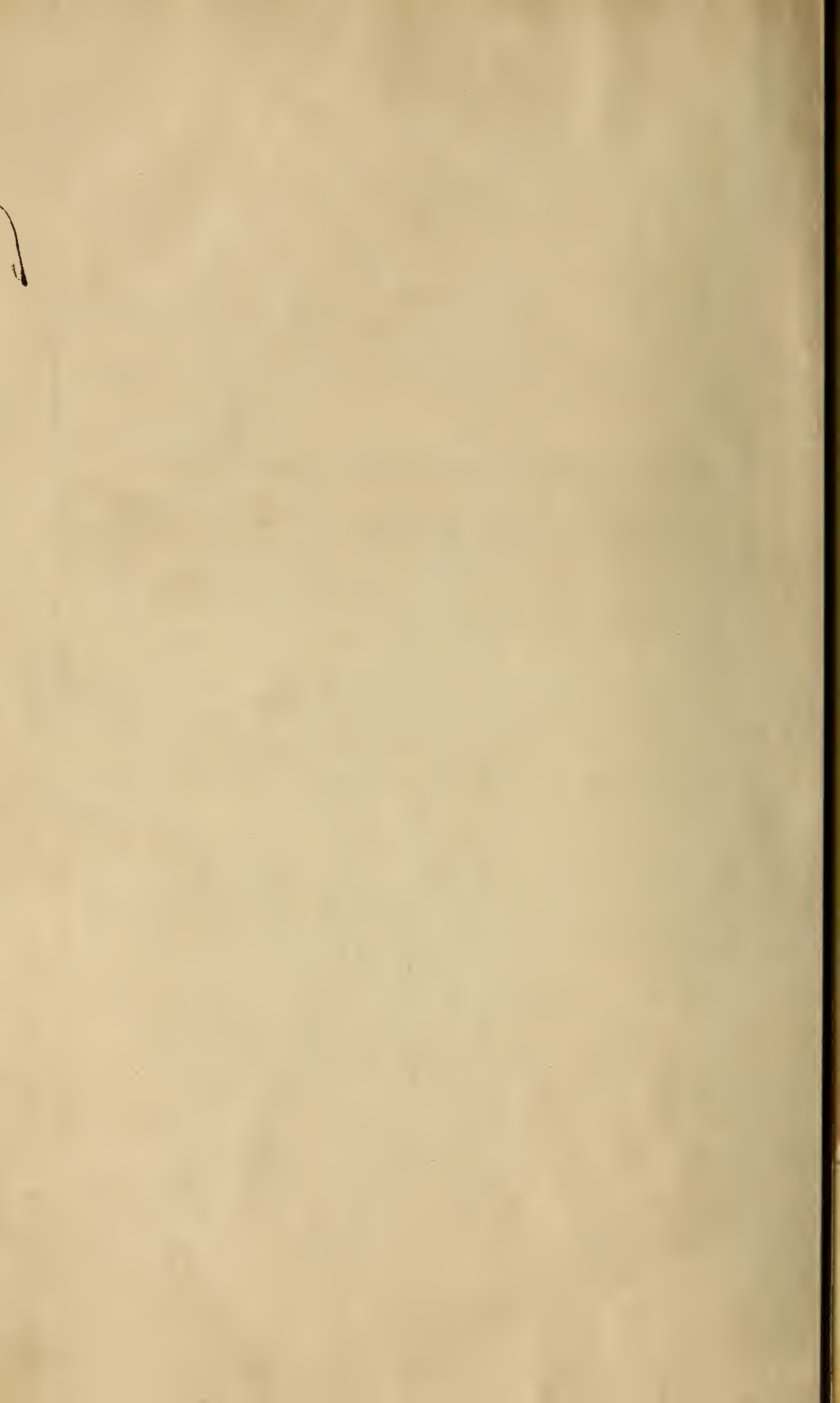
ихъ карманамъ, потому-что *немедля* я получить ихъ не могъ. Оберъ-полицеймейстеръ сказалъ, что они *гдѣ то тутъ между бумагами*... а чего между бумагами! ихъ собирали въ кучу дня два. Повстанская ассигнація вѣроятно осталась у самого оберъ-полицеймейстера, какъ рѣдкій экземпляръ. Онъ мнѣ самъ признался, что до тѣхъ поръ ничего подобнаго не видывалъ, и сейчасъ по арестованіи меня возилъ показывать ее губернатору. Можетъ застряла и въ губернаторскомъ карманѣ.

Принимали меня на этотъ разъ очень привѣтливо. Что называется, не знали гдѣ посадить, особенно оберъ-полицеймейстеръ. Впрочемъ, онъ вообще учтивъ. На русскаго полицеймейстера не походитъ вовсе. У насъ съ мыслію о полицеймейстерѣ соединяется неизбѣжно нѣчто военное, внушающее: возможно-марсовая осанка, мундиръ, сабля, казаки, звонъ и громъ. Тутъ ничего такого не было: Краковскій оберъ-полицеймейстеръ,—по тамошнему «Dyrektor policyi»—молодой человѣкъ, въ сертукѣ, съ самыми скромными движеніями. Правда, его рѣшенія бываютъ иногда пропитаны чѣмъ-нибудь дѣйствительнѣе и солиднѣе всякаго марса... ну, да это совсѣмъ особое дѣло. Мы говоримъ о физіономіи; о томъ впечатлѣніи, когда войдешь и взглянешь.

Мнѣ было предоставлено выѣхать, *когда угодно*. Но это опять-таки была только внѣшняя *физіономія* полицейской фразы; европейскій сертучокъ, скрывающій нѣчто дѣйствительнѣе всякаго марса. Я умѣлъ читать между *этими* строками. Я зналъ, что *тамъ*, *внутри*—и выѣхалъ на другой же день по полученіи конфискованныхъ предметовъ.

Н. Бергъ.

Краковъ.
Мартъ. 1864.



zeta)'

ДВА ПЕРВЫЕ ГОДА ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

(Продолженіе).

Мининевскій.—Его Коммуналы.—Центральный комитетъ объявляетъ о своемъ существованіи.—Бесѣды Великаго Князя съ Замойскимъ.—Адресъ помѣщиковъ. — Замойскій вызванъ въ Петербургъ и потомъ высланъ за границу —Его объясненія по поводу адреса.

Около этого времени, то есть середины 1862 года, явился на сценѣ русско-польской администраціи извѣстный уже намъ Мининевскій.

Онъ былъ сынъ довольно богатаго помѣщика; воспитывался небойко въ городѣ Петрковѣ; выйдя оттуда и получивъ въ руки имѣніе, онъ началъ кутить, выѣзжалъ въ Галицію, въ Познань и докутился до того, что при началѣ движенія, долженъ былъ перебраться въ Варшаву и открыть въ себѣ кой-какія рудименты литературнаго таланта. Онъ написалъ «письма Чеснікевича къ маршалку» снискавшія ему нѣкоторое имя; потомъ работалъ по фельетонной части; производилъ прозу и стихи.

Это былъ, вообще разбитной, веселый малый, средняго круга, съ мѣщанскимъ вкусомъ, обломъ колоссальныхъ размѣровъ, которому не удалось во-время выпрямить себя ни съ физической, ни съ нравственной стороны. Онъ даже не выработалъ никакихъ твердыхъ убѣжденій. Былъ просто безхарактерный болтунъ, способный когда угодно занимать извѣстный слой публики безконечными разсказами, шутками, остротами — по слишкомъ высокаго полету. Любилъ кутнуть, приволокнуться....

Вслѣдствіе его неистощимой веселости, которая питалась прежде всего изъ его необычайнаго здоровья (если не одинъ, то вдвоемъ съ Велекольскимъ онъ смѣло могъ итти на медвѣдя)—вслѣдствіе необыкновенной готовности болтать, его окружала, въ купеческой ресурсѣ, разная молодежь и [illegible]щики. Стѣны ресурсы дрожали почти каждый вечеръ отъ громогласныхъ взрывовъ хохота, во время слушанія помѣщиками розсказней Мининевскаго. Все это были свѣжія деревенскія груди, одѣтыя въ чамарки со шнурками; эти усы, конфедератки; иной глядѣлъ чистымъ Яномъ Собѣсскимъ. Мининевскій самъ ходилъ тогда въ отчаянной чамаркѣ, въ высокой національной шапкѣ и въ ужаснѣйшихъ желтыхъ сапогахъ по колѣно.

Такъ-бы тебѣ и кончить, веселая голова!.. Но души яжазовы—кого не сварачивали онѣ съ дороги, какіе характеры! Иной, подумаешь, трипль-граплитомъ, но сойдется съ душкой, женится — и всѣ старыя убѣжденія, всякая врожденная доблесть души, всѣ либеральныя направленія полетѣли къ черту! Конечно бываютъ случаи и на выворотъ, т. е. изъ какого нибудь хомяка и ратоэки творятся внезапно Бруты или Кассіи!.. Всякія вещи возможны подъ вліяніемъ окологонокъ, въ особенности польскихъ.

Мининевскій женился и понялъ очень скоро, что литература далеко не даетъ того, что нужно семейному человѣку. Жена его была, къ удивленію, довольно мирныхъ и уступчивыхъ свойствъ... для польки. Мининевскій началъ колебаться.

Въ одинъ вечеръ, dans un beau soir, съ нимъ случилось тоже самое, что случилось нѣкогда съ знаменитымъ докторомъ Фаустомъ. Онъ сидѣлъ, думалъ, разводилъ руками... передъ нимъ явился мефистофель.

Мининевскій поступилъ на службу. Куда засверкали чамарки, высокія шапки, буты!.. «Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ!» гаркнуло воинство помѣщиковъ, съ физіономіями Яна Собѣсскаго. «Кричите тамъ!» подумалъ Мининевскій и сталъ служить вѣрой и правдой, но какъ-то нескладно. Это былъ такой-же маленькій Велепольскій, но своей политической бездарностью; разница была единственно въ томъ, что онъ не былъ гордъ. Вслѣдствіе чего Яны Собѣсскіе не совсѣмъ отъ него отшатнулись. Очень многіе изъ нихъ простили ему внезапную метаморфозу. Извѣстно: славянское племя — доброе племя. Въ этомъ отношеніи сбить его съ панталыкъ очень трудно. Нѣтъ, сомнѣнія, что Мининевскій кончилъ-бы совершенно благополучно, еслибъ не *одна исторія*, о которой мы упомянемъ ниже.

Онъ служилъ прежде всего какъ секретарь Велепольскаго, имѣя мѣсто начальника отдѣленія въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Но кромѣ того, они сочинили, что ему, какъ человѣку, владѣющему перомъ, необходимо дѣйствовать на умы и по *этой части.* Только гдѣ? Въ какомъ журналѣ? «*Жондова газета*» (Rządowa Gazeta) переименованная тогда уже въ «Дневникъ Повшехный» (въ Августѣ 1861) была у поляковъ въ чрезвычайномъ пренебреженіи. Читать ее считалось какимъ-то позоромъ. Кондитерскія, кофейни, баваріи, остерегались ее выписывать, чтобы не потерять гостей. Даже Gazeta Polska» и «Kurier Warszawski» находили въ ту пору не много читателей. Уже поляки подмигивали на человѣка, запившагося «такимъ здоровымъ»—*что, молъ, поди, отыщи другіе листки: тамъ пишутъ такъ пишутъ!*—уже являлись и «Стражница», и «Щербецъ», и «Голосъ Капллана» и «Побудка» и еще кой-какія вещи.

Стало-быть, въ такое время, чтобы обратить вниманіе публики статьею, а тѣмъ болѣе рядомъ статей (какъ предполагалось), въ сатирическо-поучительномъ духѣ, нужно было выдумать что нибудь совершенно свѣжее, новое—и вотъ изобрѣтены знаменитые *коммуналы.* *)

Коммуналы отъ латинскаго слова communia значитъ: *общія мѣста*, что нибудь избитое.

Я никогда не могъ достаточно надивиться, перечитывая эти единственныя въ мірѣ тетради, какимъ образомъ умный маркизъ Велепольскій допустилъ всю эту дичь и безвкусицу, эту болтовню съ запахомъ мѣщанства и даже безъ талантности! И этимъ маркизъ хотѣлъ дѣйствовать на всю образованную Польшу, Варшаву, да еще въ какое время!!

Разгадка, можетъ быть, заключается именно въ *этомъ времени*: Велепольскій просто потерялъ тогда голову. Если онъ взглядывалъ на нихъ послѣ, то безъ сомнѣнія, желалъ, чтобы все это было поскорѣе забыто; было сномъ, а никакъ не совершалося у него въ очью дѣйствительностію.

Первая тетрадь *Коммуналовъ*—въ большую четвертку (такъ напримѣръ газета *Искра*) вышла въ сентябрѣ 1862 года. Чтобы получить объ ней понятіе, достойно взглянуть на заглавіе. Для человѣка со вкусомъ тутъ уже *все.* Перелистывать листа незачѣмъ.

И неужели хоть одного этого листа не просмотрѣлъ внимательно Велепольскій??.. Какъ надо быть осторожнымъ въ подобныхъ случаяхъ. Вотъ и предастъ тебя какая-нибудь печатная страница, вылетная со вѣтромъ. И усомнится иной, и сильно усомнится, что ты такъ уменъ и образованъ, какъ распущены о тебѣ слухи...

Взглянемъ-же на *обертку* Коммуналовъ. Она исписана вся. Это уже родъ какой-то статьи.

«КОММУНАЛЫ.

«Тетрадь первая, сборникъ разныхъ разностей, служащій сколько къ развеселенію, столько же и къ оживленію умовъ; способствующій, какъ нельзя лучше, къ движенію житейскаго времени. Изданіе дешевое, безъ обложки; ненадорванное въ остроуміи, но и безъ претензій!..

«Однако же сборникъ сей всемѣрно ратуетъ за истинное просвѣщеніе, человѣческія права, сельское хозяйство, промыслы и торговлю. Добавочным *путемъ ведетъ къ спасенію, хлеща немилосердно.* Негодныхъ указываетъ *дорогу къ сатанѣ, сладостно улыбаясь.*

«*А* что всего важнѣе: личныя свойства человѣка оставляетъ въ покоѣ и относится къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ, отнюдь ихъ не задирая.

«Фабрикуется въ Варшавѣ, печатается и продается въ Варшавѣ.

«Получать можно во всѣхъ книжныхъ лавкахъ. Книгопродавцамъ и частнымъ протекторамъ Коммуналовъ, кои выпишутъ болѣе 10 экземпляровъ, уступается 10 процентовъ. Кто подождетъ полгода, можетъ достать товаръ еще сходнѣе въ дефектахъ.

«Сообразно съ цѣнами на толкучемъ рынкѣ за Желѣзною Брамой, установлена, въ видахъ общей пользы, цѣна Коммуналамъ, pro ßxo, злотъ и 10 грошей за тетрадь. Послѣ посѣва цѣна значительно уменьшится: это зависитъ отъ урожая.

«(Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько такъ-называемыхъ *адноташій*. Мы приведемъ послѣднюю).

«*Адноташія V и послѣдняя.* Коммуналовъ на улицу просимъ не выбрасывать, какъ это вообще дѣлается съ газетами, ибо если они попадутъ въ водосточный каналъ, такъ они тамъ дома; а коли у кого въ рукахъ, это значитъ—въ гостяхъ: надо же поступать съ ними по правиламъ гостепріимства.

«Для незабвенной памяти вѣковъ ставимъ число и годъ:

«Во дни мѣсяца нѣкончаемой лжи, то есть Сентября, который по счисленію, ну съ конца года не есть седьмой; а въ лѣтописяхъ міра имѣетъ отнынѣ ту особенную славу, что сдѣлался свидѣтелемъ рожденія сей первой тетради Коммуналовъ.

«Господинъ и полновластный владѣтель въ редакціи, главный и единственный редакторъ

«Ахиллесъ Кацепбергоніусъ,
родовитый полякъ.
Varsoviao,
Anno Dei MDCCCLXII.
Въ Варшавѣ,
Лѣта Господня MDCCCLXII.»

Еслибъ такія шуточки отпускались Яномъ Собѣсскимъ въ ресурсѣ, на углу Сенаторской и Банковой площади; еслибъ явилось что-либо подобное въ какомъ нибудь польскомъ *Развлеченіи*,—ну еще съ полгоря; но вы представьте, что это дѣлается подъ рукою *перваго министра* Пальмерстона, Дерби... Варшавы!

Я не хочу утомлять читателя болѣе, ворочать вмѣстѣ съ нимъ слѣдующія страницы Коммуналовъ. Любопытные могутъ заглянуть въ 101 номеръ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1863 года гдѣ это разобрано подробнѣе.

Книжныя лавки отказались принять въ продажу эти листки. Пришлось посылать по улицамъ мальчишекъ, которые разнося коммуналы, говорили покупателямъ: «возьмите, панъ: это тѣ книжки, гдѣ поляковъ ругаютъ.»

Такъ это было растолковано массой. Коммуналы казались ничѣмъ инымъ, какъ *ругательствомъ.* Не только благотворнаго дѣйствія, не произошло ничего ровно. Публика смѣялась надъ Велепольскимъ и Мининевскимъ. Послѣ второй тетради, вышедшей нѣсколькими мѣсяцами позже, Коммуналы прекратили свое существованіе. Мининевскій спрятался за томами всякихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія. Изрѣдка появлялись его статейки въ *Повшехномъ дневникѣ*, но были толкуемы всегда въ дурную сторону.

Между тѣмъ революція росла. Въ лѣсахъ появились банды. Центральный комитетъ издалъ отъ себя такое воззваніе къ полякамъ. (Кажется, это *первый плакатъ*, гдѣ центральный комитетъ объявилъ о своемъ существованіи).

«Братья Поляки!

«Правительства, которыя надъ нами тяготѣютъ, возникли изъ преступнаго раздѣла Польши, раздѣла чудовищнаго и ужаснаго, ибо оно совершилось на цѣломъ народѣ, съ нарушеніемъ правъ божескихъ и человѣческихъ. На такомъ фундаментѣ построенныя правительства настоящими правительствами быть не могутъ, и ими не суть (i nimi też nie są).

«Царь московскій, король прусскій и императоръ австрійскій владѣютъ Польшей, не имѣя на то ни малѣйшаго права. Народъ ихъ власти не признаетъ, а правятъ они единственно штыкомъ и насиліемъ, представляя самый чудовищный образъ правительствъ, которыя относятся къ своему народу, какъ къ непріятелю; точно вампиры сосутъ они изъ него кровь и духъ народный. Но народъ уничтожить себя не дастъ; онъ не можетъ быть уничтоженъ. Онъ бьется и борется съ врагами 70 лѣтъ. Нѣсколько разъ брался за оружіе и создавалъ свои, настоящія народныя правительства, но потомъ, подавляемый насиліемъ, оставлялъ народъ на нѣкоторое время безъ руководителей, подъ гнетомъ супостатовъ, среди полнѣйшаго безправія, ибо господство въ Польшѣ нѣмцевъ и москалей есть ничто иное, какъ безправіе (bezrząd).

«Прошлогоднія событія, мученичество и жертвы безоружнаго народа разбудили общественное мнѣніе и поставили его на стражѣ, какъ руководителя проснувшейся націи. Общественное мнѣніе, всюду выраженное, стало народнымъ правительствомъ.

«После 15 октября, москали, осквернивъ кровію наши храмы, открыли преслѣдованіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, угнетенію безъ границъ, не давая ни на мигъ вздохнуть, и такимъ образомъ принудили народъ покрыть свое существованіе тайною и организоваться особеннымъ путемъ для защиты священнѣйшихъ правъ и насущнѣйшихъ своихъ интересовъ. Таково начало *народной организаціи*, на которую врагъ теперь точитъ зубы. Случай доставилъ въ руки московскаго правительства часть правилъ *военной народной организаціи*; правительство ихъ тотчасъ огласило, съ безобразными комментаріями, воображая, что чрезъ таковое оглашеніе уничтожитъ всю *организацію*. Но этому не быть, потому что обнаруженіе добраго дѣла никогда оному не вредитъ, напротивъ возвышаетъ его и снабжаетъ новыми силами.

«Объявляемъ нынѣ, передъ лицемъ Бога, всего польскаго народа и вселенной, что народъ организовался такимъ образомъ для защиты своей свободы и независимости и будетъ биться до послѣдняго издыханія, пока не одержитъ побѣды.

«Свидѣтельствуемъ, что *центральный комитетъ*, выражая собою не только *военную, но и народную нравственную организацію края*, съ минуты оглашенія оной Московскимъ правительствомъ, будетъ дѣйствовать какъ явный руководитель, какъ настоящее отечественное правительство. На это ему даетъ право довѣріе и сочувствіе народа. Такимъ комитетъ будетъ до тѣхъ поръ пока народъ, подачею свободныхъ голосовъ, не отниметъ у него довѣрія и не образуетъ новаго правительства.

«*Центральный народный комитетъ* идетъ противу чуждаго Московскаго правительства, какъ *дѣйствительное народное правительство* и хотя у него нѣтъ войскъ и вооруженной милиціи, кои сообщаютъ ихъ бѣду нѣкоторый призракъ правительства,—обладаетъ за то тѣми свойствами, на коихъ основаны дѣйствительныя правительства: именно—сочувствіе и признаніе со стороны народа; обладаетъ той нравственной силой, недостатокъ которой потрясаетъ и губитъ правительства чужеземныхъ владѣтелей Польши; той нравственной силой, изъ коей возникаетъ потомъ и матеріальная сила.

«Свидѣтельствуемъ кромѣ того, что никакое преслѣдованіе и никакія жертвы насъ не устрашатъ, что мы устоимъ противъ пуль и висѣлицъ и не позволимъ себѣ дрогнуть, защищая свободу Польши.

«Свидѣтельствуемъ также, что въ предстоящей борьбѣ двухъ правительствъ, изъ которыхъ одно наѣздническое, Московское, а другое—свое народное, всякій, кто останется вѣрнымъ наѣзду и будетъ защищать его,—сочтется измѣнникомъ отечеству; и лишь тѣ распоряженія и постановленія наѣзда могутъ быть терпимы и допускаемы, кои разрѣшитъ *центральный народный комитетъ.*

«*Центральный народный комитетъ* и впредь сохраняетъ тоже названіе и, такъ-какъ онъ есть выраженіе *народной организаціи*, то заарестованіе его членовъ не можетъ лишить его силы и власти.

«Таковъ, поляки, ходъ настоящихъ событій. Васъ ожидаютъ великіе труды, тяжкая борьба и жертвы. Будьте къ этому готовы съ полнымъ самоотверженіемъ. Собирайтесь подъ одну хоругвь, которую врагъ, не имѣя силъ сломить, осыпаетъ клеветами и обвиненіями въ злыхъ умыслахъ.

«Но чиста совѣсть и чисты руки у тѣхъ, кто несетъ хоругвь народа. Преступны приговоры Москвы—не приговоры народа. Вашъ голосъ да будетъ судомъ. Передъ нимъ становимся смѣло, будучи увѣрены, что насиліе, притѣсненія и кидавіе въ насъ грязью со стороны Московскаго правительства показываетъ вамъ ясно, кого оно считаетъ настоящимъ противникомъ. Только сила можетъ вызывать такое преслѣдованіе; только сила порождаетъ опасенія. Видя въ *народной организаціи* моральную силу народа,—противъ нея возстаетъ это правительство лжи и насилія, и вамъ указываетъ тѣмъ самымъ, кому подавать руку, на чьей сторонѣ стоять, кого защищать.

«Къ единенію, къ терпѣнію, къ стойкости призываемъ васъ! Станемъ какъ единая, великая и сильная громада противу наѣзда, который ничего не давая народу, еще кормитъ его клеветой и ложью! Призывая васъ къ единенію и работѣ противъ враговъ и къ послушанію *народнымъ властямъ*, мы вѣримъ, что всеобщая, согласная дѣятельность приблизитъ часъ, въ который мы будемъ въ состояніи призвать васъ къ бою за свободу и независимость Польши.

«И такъ дружно впередъ во имя Бога и отчизны!

«Варшава, сентября 1 дня, 1862 г.
«Центральный народный комитетъ.»

Какъ странно это читать теперь—спустя какихъ нибудь полтора года! Что будетъ съ этимъ, какой стариной, свѣжимъ, но невѣроятнымъ преданіемъ пахнетъ отъ подобныхъ листковъ еще черезъ полтора года!— А полтора года назадъ Велепольскій не зналъ что придумать, лишь бы хоть немного остановить волны... Великій Князь старался вникнуть въ смыслъ *требованій Польши*—чего именно они хотятъ и гдѣ могутъ остановиться. У него происходили по этому поводу довольно частыя бесѣды съ графомъ Андреемъ Замойскимъ какъ это объявлено въ нашихъ газетахъ. Были даже слухи, что Замойскаго хотятъ пригласить на русскую службу.

— Мое вліяніе въ публикѣ, говорилъ однажды графъ, совершенное ничто въ сравненіи со средствами, которыми обладаете вы, князь, чтобъ улучшить положеніе края. Я думаю, что соединеніе польскихъ провинцій воедино, подъ вашимъ управленіемъ, успокоило бы умы. Варшава, конечно, должна остаться столицей. Это, впрочемъ, только мое собственное мнѣніе. Я отнюдь не говорю отъ имени какого-либо общества. Но если позволите, я приглашу для этого моихъ соотчичей и пусть они скажутъ всѣ вмѣстѣ что думаютъ.

Когда поляку предоставлено высказать мысли о томъ какъ бы онъ устроилъ свое отечество, то едва ли найдешь такого, кто сейчасъ же не подумаетъ о Литвѣ, Подолѣ и Волыни. Спорить тутъ напрасно. Противъ всевозможныхъ историческихъ аргументовъ у него найдутся милліоны возраженій. Прежде всего онъ спрашиваетъ: «что вы сдѣлали въ продолженіи, того времени, какъ ими владѣете? Когда же онѣ отучались въ нашихъ рукахъ—мы сообщали имъ европейское образованіе, онѣ дали намъ Косцюшку, Нѣмцевича, Одынца и перваго поэта Польши, безсмертнаго Адама... Назовите жъ вы хоть одно имя, хоть одного героя, вышедшаго для васъ *оттуда*. Вы не назовете ..»

Помѣщики и Замойскій, собравшись (какъ кажется) въ Саксонской гостинницѣ, составили родъ адреса графу Андрею, для передачи Великому князю. Тамъ было написано слѣдующее:

«Безпримѣрныя историческія бѣдствія, обрушившись на Польшу и уничтоживъ ея политическое существованіе, не могли однако ни ослабить духа въ польскомъ народѣ, ни сокрушить его вѣры въ историческаго его призванія.

«Эта вѣра, эти чувства еще болѣе возвысились вслѣдствіе понесенныхъ поляками жертвъ, претерпѣнными страданіями и постоянно питаемой надеждой на будущее. Въ торжественныя минуты голосъ народной совѣсти громко вопіетъ о возстановленіи древнихъ правъ и привилегій края.

«Въ прошломъ году, въ адресѣ государю императору, Польша высказалась въ этомъ духѣ. Депутаты отъ всѣхъ губерній и повѣтовъ представили намѣстнику актъ, подписанный 20 тысячами человѣкъ, гдѣ объясняютъ, что только національное собраніе, состоящее изъ лицъ, указанныхъ народомъ; собраніе, совершенно свободное въ выраженіи своихъ мнѣній способно изложить существенныя нужды края; но что учрежденія дарованныя намъ правительствомъ, далеко не соотвѣтствуютъ цѣли и не могутъ предупредить несчастій, угрожающихъ нашему отечеству.

«Объявленіе военнаго положенія воспрепятствовало подачѣ записки. Жители не получили ничего (?) и это привело насъ къ тѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ, которыхъ всѣ ожидали.

«Нынѣ, отвѣчая на вызовъ Великаго Князя Константина Николаевича (?) мы рѣшаемся высказать свое мнѣніе, дабы предотвратить гибель отечества, стремящагося къ бездѣ, откуда нѣтъ выхода. Прибывъ изъ разныхъ провинцій края, за отсутствіемъ всякаго законнаго органа, мы обращаемся къ вамъ графъ, дабы вы, будучи представителемъ и истолкователемъ духа націи, объяснили Его Высочеству наши нужды и наши насущныя необходимости, кои мы не въ состояніи болѣе скрывать и кои готовы высказать громко передъ цѣлымъ свѣтомъ.

«Мы не отказываемся принять участія въ новыхъ учрежденіяхъ, но заявляемъ только, что мѣры которыя были употребляемы до сихъ поръ, не состоятельны и произвели въ умахъ такое раздраженіе, что ни военная сила, ни экстренные суды, ни тюремное заключеніе, ни ссылки, ни эшафоты, не могутъ исправить дѣла, а напротивъ приведутъ націю къ самому крайнему отчаянію, которое способно поставить всѣхъ на дорогу бѣдственную, какъ для управляющихъ, такъ и для управляемыхъ.

«Будучи поляками, мы не можемъ снести другаго правительства, кромѣ польскаго, при чемъ всѣ провинціи, составляющія наше отечество, должны быть непремѣнно соединены вмѣстѣ, и пользоваться конституціей, при свободныхъ учрежденіяхъ.

«И самъ Великій князь, въ своемъ воззваніи къ намъ, понялъ и призналъ за нами доблесть чрезвычайной привязанности къ отечеству. Эта привязанность не можетъ допустить разложенія отечества на части. Если мы любимъ отечество, такъ любимъ его *все*, въ тѣхъ предѣлахъ, которые Богъ ему начерталъ, а исторія освятила»? *)

*) См. Современную Лѣтопись 1862 № 47.

Замойскій передалъ адресъ Великому Князю. Адресъ былъ тотчасъ отправленъ въ Петербургъ и туда потребовали Замойскаго. Вскорѣ въ газетахъ было объявлено, что Замойскому предложено ѣхать за границу.

Стали говорить, что Замойскаго вызвали умышленно на эту штуку, предвидя его отвѣтъ и конецъ дѣла. За границей пишись по поводу этого статьи, гдѣ увѣряли, что собраніе помѣщиковъ въ Варшавѣ, имѣвши цѣлію составить извѣстный адресъ, произошло вслѣдствіе уполномочія Намѣстника. Въ 218 номерѣ *Повшехнаго Дневника*, отъ 29 сентября 1862 года, напечатано слѣдующее объясненіе этого обстоятельства: «Такъ-какъ распространяющіеся слухи относительно адреса польскихъ помѣщиковъ совершенно неосновательны, то правительство Его императорскаго и царскаго Величества сочло нужнымъ распорядиться, чтобы публика получила надлежащія и вѣрныя свѣдѣнія офиціальнымъ путемъ, оставивъ въ сторонѣ пускаемыя злоумышленниками ложныя вѣсти.» Графъ Замойскій, потребованный къ отвѣту $^{11}/_{23}$ сентября, сдѣлалъ такую письменную декларацію:

«Спѣшу засвидѣтельствовать, что Его Императорское Высочество не давалъ мнѣ никакого уполномочія и я никого по этому поводу не созывалъ.»

Можно замѣтить, что графъ Андрей Замойскій находился постоянно въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ правительствомъ; первый являлся на всѣ оффиціальные балы и праздники; всемѣрно уклонялся отъ всякихъ манифестацій и всего такого, что могло бросить на него подозрѣніе въ связяхъ съ революціонной партіей. Такъ было до послѣдняго дня его жизни въ Варшавѣ. Трудно сказать, что онъ чувствовалъ, выѣзжая за границу въ ссылку. Черезъ мѣсяцъ заболѣла въ Варшавѣ его жена. Онъ просилъ позволенія съ ней видѣться, хотя на нѣсколько дней. Долго не получалъ никакого отвѣта, поляки увѣряли будто вслѣдствіе настояній Велепольскаго,—но потомъ наши газеты публиковали, что это произошло по ошибкѣ телеграфа. *) Графиня захворала опасно... разрѣшеніе пришло въ Парижъ въ одно время съ извѣстіемъ объ ея смерти. Это сильно потрясло Графа Андрея. Съ тѣхъ поръ онъ захирѣлъ и озлобился противъ русскихъ. Онъ живетъ, скрывая свои страданія. Еще недавно замѣчали чрезвычайную живость и моложавость въ его движеніяхъ. Будучи ровесникомъ вѣку, онъ (живя въ послѣднее время въ Варшавѣ) порхалъ по Краковскому предмѣстью какъ юноша. Взлеталъ на лѣстницы черезъ двѣ и три ступени. Никто не далъ бы ему тогда болѣе сорока. Физіономія графа Андрея весьма замѣчательна: благородное, аристократическое лицо, исполненное думы.

*) См. Моск. Вѣд. 1863 № 65.

Многимъ воображалось, что по отъѣздѣ графа Андрея Замойскаго изъ Варшавы, революціонное дѣло пойдетъ иначе. Повстанцы потеряютъ главу, а затѣмъ и энергію. Но графъ Андрей никогда не былъ главою не только цѣлаго возстанія, но даже и какой либо его части. Революціонеры пользовались иногда его именемъ для возбужденія народа, зная, что народъ его любитъ. Вотъ и все. Мы видѣли шумную демонстрацію, устроенную подъ окнами графа послѣ закрытія Земледѣльческаго общества, онъ вышелъ въ то время на балконъ противъ своей воли. Что же до начала и ходу всей революціи, Графъ Андрей если и участвовалъ во всемъ этомъ, то не прямо, и косвенно, выжидая болѣе солидныхъ результатовъ, (какъ нѣкогда Чарторижскій въ Варшавѣ 1830 года)—и имѣлъ, въ сравненіи съ главными коноводами, совсѣмъ иные взгляды и планы.

А потому удаленіе его не произвело большаго вліянія на повстанцевъ. Они работали по прежнему, съ прямымъ усердіемъ и даже, можно сказать, съ успѣхомъ. Въ воздухѣ чувствовалось прибавленіе, а неубавленіе горючихъ веществъ. Въ октябрѣ (1862) явилось четыре подземныхъ плаката, напечатанныхъ, какъ увѣряли варшавскія газеты, — за границей. Но имъ не для чего было печататься за границей, когда Варшава имѣла столько тайныхъ типографій. Вѣроятно не тайныхъ, а самыя обыкновенныя типографіи города служили иной разъ, о ту пору, повстанскимъ интересамъ вѣрою и правдою. Всѣ эти плакаты были какъ-бы дополненіемъ къ *Народной организаціи* уставамъ, уже извѣстной читателямъ изъ первыхъ нашихъ статей.

Одинъ плакатъ носилъ такое названіе: ustawa związku narodowego centralnego (уставъ народнаго центральнаго союза) Въ немъ оглашалось слѣдующее: ¹)

¹) Совр. Лѣтопись № 48.

1) Цѣль союза—возстановленіе Польши въ границахъ до-раздѣла на основаніяхъ демократическихъ.

2) Вооруженное возстаніе признается единственнымъ средствомъ къ достиженію сей послѣдней цѣли.

3) А потому главнымъ стремленіемъ союза будетъ приготовленіе всевозможныхъ средствъ къ начатію вооруженнаго возстанія.

4) Во главѣ союза находится народный революціонный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ *генерала Людовика Мирославскаго*, которому предоставлено исключительное и особенное направленіе всѣхъ работъ и приготовленій заграничныхъ.

5) Народный революціонный комитетъ состоитъ изъ пяти членовъ; имѣетъ пребываніе внутри края; рѣшаетъ дѣла большинствомъ голосовъ и отдаетъ приказанія чрезъ своихъ уполномоченныхъ коммиссаровъ.

6) Возстановляетъ начальниковъ повѣтовой организаціи, предоставляя имъ право избранія четырехъ лицъ, имѣющихъ вмѣстѣ съ ними образовать Повѣтовые революціонные комитеты.

7) Союзъ разсѣтвляется слѣдующимъ образомъ: каждый изъ членовъ повѣтовыхъ революціонныхъ комитетовъ устроиваетъ новый отдѣлъ изъ пяти, гдѣ состоитъ предсѣдателемъ, и сообщаетъ сему отдѣлу распоряженія высшаго комитета, кои должны быть исполнены со всею точностью. Такимъ же способомъ идетъ умноженіе членовъ далѣе.

8) При основаніи всѣхъ отдѣловъ принимается за основаніе, чтобы низшіе отдѣлы о составѣ высшихъ ничего не знали.

9) Всѣ члены обязаны повиноваться распоряженіямъ высшихъ комитетовъ.

10) Всякая измѣна, а равно и непослушаніе будутъ наказываться со всею строгостью. Мѣру суда и казни опредѣляетъ народный революціонный комитетъ.

11) Каждый членъ союза вноситъ ежемѣсячно въ кассу союза извѣстную сумму, не менѣе двухъ польскихъ злотыхъ передавая оные въ руки своего предсѣдателя.

12) Присоединяющійся къ союзу соблюдаетъ таковую форму вступленія: подаетъ руку принимающему его и произноситъ слѣдующія слова: «*клянусь исполнять обязанности, кои налагаетъ на меня уставъ союза; клянусь хранить тайну и повиноваться всѣмъ распоряженіямъ народнаго революціоннаго комитета.*»

За симъ слѣдовалъ такой плакатъ: ¹)

¹) Совр. Лѣтопись № 48.

USTAWA KOMITETA.

(уставъ комитета.)

1) Народный революціонный комитетъ состоитъ изъ пяти членовъ.

2) Составъ комитета можетъ измѣниться по нуждѣ, какъ съ согласія *генерала Людовика Мирославскаго, яко отвѣтственнаго президента союза.*

3) Постановленія утверждаются большинствомъ голосовъ.

4) Засѣданія происходятъ періодически.

5) Дежурный членъ находится постоянно въ мѣстѣ управленія для рѣшенія экстренныхъ вопросовъ.

6) Три присутствующихъ члена имѣютъ права въ крайнемъ случаѣ разрѣшить всякій чрезвычайный вопросъ.

7) Народный революціонный комитетъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

a) Отдѣлъ административный въ провинціяхъ.

b) Отдѣлъ административный города Варшавы и полиція.

c) Отдѣлъ финансовъ.

d) Отдѣлъ различныхъ коммуникацій.

e) Корреспонденціи съ союзами провинцій и заграничныхъ.

8) Правящіе отдѣлами наблюдаютъ за приведеніемъ въ исполненіе всѣхъ рѣшеній комитета.

9) Комитетъ въ полномъ комплектѣ равенъ революціонному трибуналу.

10) Утверждаетъ и увольняетъ всякаго рода чиновниковъ организаціи.

11) Обязанъ подавать ежемѣсячные рапорты о своей дѣятельности предсѣдательствующему члену, который увѣдомляетъ его о движеніи революціоннаго дѣла за границей.

12) Обязанъ по возможности увеличивать такъ называемый *желѣзный фондъ* (fundusz żelazny Cegjonowy).

13) Всѣ члены обязаны состоять въ обоюдной солидарности и хранить тайну.

14) Даютъ клятву исполнять во всей строгости уставы союза. Измѣна сей клятвы будетъ считаться государственнымъ преступленіемъ и наказывается какъ таковое.

15) Политическо-административный отдѣлъ за границей остается въ вѣдѣніи *Яна Кружины*, кому комитетъ сообщаетъ всякаго рода корреспонденцію.

Третій плакатъ былъ таковъ: ¹)

¹) Москов. Вѣд. 1863. № 117.

INSTRUKCJA DLA KOMITETÓW POWIATOWYCH.

(инструкція для повѣтовыхъ комитетовъ.)

1) Народный революціонный комитетъ назначаетъ и увольняетъ повѣтовыхъ начальниковъ.

2) Начальникъ повѣта выбираетъ для себя способныхъ и готовыхъ служить отчизнѣ обывателей, коими управляетъ какъ предсѣдатель революціоннаго комитета.

3) Имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣхъ, кто только посвященъ въ тайну въ повѣтахъ; самъ же находится въ полной зависимости отъ народнаго революціоннаго комитета, чрезъ посредство Воеводскаго коммиссара, которому постоянно доноситъ о своей дѣятельности.

4) Назначаетъ и увольняетъ окружныхъ, а равно и начальниковъ городовъ втораго разряда, за распоряженія коихъ отвѣтственъ.

5) Завѣдуетъ повѣтовой кассой и препровождаетъ изъ оной извѣстный процентъ въ главную кассу.

6) Сдаетъ подробные рапорты о состояніи повѣта, по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ, гдѣ упоминаетъ:

a) О числѣ и мѣстѣ основанныхъ отдѣловъ, а равно и о средствахъ, коими оные располагаютъ.

b) О количествѣ оружія и военныхъ матеріалахъ, могущихъ итти въ дѣло.

c) О состояніи повѣтовой кассы.

d) О всякихъ важнѣйшихъ случаяхъ; о движеніи непріятельскихъ войскъ; о распоряженіяхъ наѣзда; объ отношеніяхъ народа къ старозаконнымъ; ¹) обо всѣхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ партіи контръ-революціонныхъ, а равно и приспѣшниковъ маркиза Велепольскаго; наконецъ *обо всѣхъ несвоевременныхъ* стремленіяхъ демагоговъ и анархистовъ всякого рода.

¹) Т. е. Евреямъ.

7) Въ числѣ главныхъ занятій долженъ имѣть въ виду составленіе статистическаго обозрѣнія всѣхъ городовъ Польши. Впослѣдствіи присылать къ оному необходимыя дополненія. При составленіи сего обращать вниманіе на мѣстность въ отношеніи хозяйственномъ, промышленномъ и торговомъ, а также и на самихъ жителей, коихъ дѣлить на три категоріи: a) готовыхъ къ возстанію; b) равнодушныхъ и нерѣшительныхъ; c) контрреволюціонеровъ, подъ какимъ бы то ни было названіемъ и предлогомъ дѣйствующихъ. Кромѣ политическаго характера необходимо сообщить соціальное положеніе обывателей. Въ заключеніи выставить на видъ средства Польши, сколько въ капиталахъ, столько и въ сырыхъ военныхъ матеріалахъ, какъ-то: кожа, сукно, полотно, желѣзо, лошади и т. п., что могло бы поступить, въ случаѣ войны, въ реквизицію.

8) Начальникъ повѣта долженъ стараться накладывать подати на непосвященныхъ въ тайну; подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ; и вообще собирать деньги изъ всевозможныхъ источниковъ, усмотрѣнію коихъ и самый процессъ взысканія предоставляется его находчивости и расторопности.

9) Наконецъ, старается устроить коммуникацію посылокъ и корреспонденцій союза и о способѣ, какимъ достигъ до этого, увѣдомляетъ народный революціонный комитетъ.

Четвертый плакатъ возвѣщалъ слѣдующее: ¹)

¹) Москов. Вѣд. 1863 № 68.

«Варшава, октября 18 дня, 1862 года.

Центральный народный комитетъ.

Принимъ во вниманіе,

1) Что только энергическое соединеніе всѣхъ силъ и средствъ народа даетъ возможность выдержать борьбу съ наѣздомъ, который противупоставляетъ имъ болѣе и болѣе страшную оппозицію своей централизованной организаціи;

2) Что противъ послѣднихъ усилій и чрезвычайной энергіи наѣзда обязаны и мы поставить также чрезвычайное самоотверженіе и чрезвычайную энергію всѣхъ безъ исключенія сословій, —

Постановили:

I. Каждый обыватель, любящій отчизну и желающій возвращенія ея независимости, обязанъ внести единовременную народную подать, подъ за-